
«...НЕ СКРЫВАЙТЕ ОТ МЕНЯ ВАШЕГО НАСТОЯЩЕГО МНЕНИЯ»:
ПЕРЕПИСКА Г.В. АДАМОВИЧА С М.А. АЛДАНОВЫМ
(1944–1957)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.А. Коростелева

Переписка с М.А. Алдановым — один из самых крупных корпусов эпистолярия Г.В. Адамовича. И это при том, что сохранились лишь письма послевоенного периода.

Познакомились оба литератора, вероятно, еще в начале 1920-х гг., но об этом в переписке ничего нет, ранние письма утрачены вместе со всем довоенным архивом М.А. Алданова.

Об их возможных взаимоотношениях в самые первые годы эмиграции говорить трудно за неимением свидетельств, однако к 1927 г. они наверняка были не только знакомы шапочно, но и вступали в контакты по литературным делам. Не могли они не встречаться, к примеру, в редакции «Дней», где Алданов руководил литературным отделом. Адамович сотрудничал в «Днях» с октября 1927 по июнь 1928 г., печатая одну-две статьи в месяц.

И впоследствии оба печатались по преимуществу в одних и тех же изданиях: «Последних новостей», «Современных записках», после войны — в «Новом журнале».

В последние годы их встречи были уже постоянными. В воспоминаниях «Мои встречи с Алдановым» Адамович писал, что во время приездов в Ниццу они «встречались раза два или три в неделю в маленьком кафе на площади Моцарта. <...> Литературные наши разговоры почти всегда кончались Толстым и Достоевским»¹.

Оба симпатизировали друг другу, заведомо числя по аристократическому разряду эмигрантской литературы — небольшому кружку, границы которого определялись исключительно переменчивыми мнениями людей, со свойственной им борьбой амбиций, репутаций и влияний.

Впрочем, безоговорочным профессионалом и почти классиком Алданов слыл больше среди эмигрантов старшего поколения, преимущественно из окружения «Современных записок», где он был одним из главных авторов, на которых журнал строил свою литературную политику². Парижские прозаики из младшего поколения склонны были считать Алданова скорее эпигоном (впрочем, некоторые из них охотно записывали в эпигоны и Бунина³).

---

¹ Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. № 60. С. 112–113.

² Подробно см. в публикации: «Современные записки», с которыми я так связан...»: М.А. Алданов / Публ., вступ. ст. и примеч. Е.Б. Рогачевской // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011. Т. 2. С. 31–132.

³ См., напр., в мемуарах В.С. Яновского: «Бунина и Шмелева, прополов, издают теперь в Союзе полумиллионными тиражами. Россия еще долго будет питаться исключительно эпигонами» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1973. С. 9–10).

К Адамовичу, которого они наряду с поэтами признавали своим духовным лидером, не раз приставали с недоуменными вопросами: действительно ли он считает Алданова большим писателем или одобрительно отзываясь о нем исключительно из вежливости и политкорректности. Адамович отшучивался как мог и как мог защищал Алданова от нападков молодежи.

Сомнения были небеспочвенны, Адамовичу за долгую карьеру критика нередко приходилось соблюдать политес и писать не совсем то, что он думал. Его ближайшее окружение прекрасно это понимало и стремилось читать его статьи между строк⁴.

Но об Алданове Адамович отзывался высоко вполне искренне и долго не мог убедить своих младших коллег, что в данном случае не кривит душой. В.С. Яновского он шуточно учил правилам литературного этикета в письме от 7 июля 1946 г.: «Алданова тоже не обижайте, и будет у Вас жизнь легкая, а через двадцать лет *prix Nobel*»⁵. И позже поддразнивал его в ответ на негативные отзывы: «Алданов — очень хороший писатель, лучший, какой в России был после Толстого или даже до него»⁶.

В том же духе Адамович писал и Варшавскому 9 мая 1953 г.: «Вы меня возмутили и разозлили дерзкими нападками на моего любимого автора во всей русской литературе — М.А. Алданова. Конечно, “сами все знаем, молчи!” Но если бы Вы помнили, какой это грустный, умный, милый и вежливый человек, то разделили бы мое к нему пристрастие»⁷.

В письмах к людям старшего поколения отзывы оставались неизменно высокими. Так, 1 ноября 1952 г. Адамович писал А.А. Полякову: «У меня к Алданову слабость — и как к человеку, и как к писателю. Первое — всем понятно, второе — многих удивляет. Но, по-моему, он очень хороший писатель, пока не пускается в поэзию (любовь или природу). Полная противоположность Бунину»⁸.

Моральный авторитет Алданова был для Адамовича непререкаемым. Весьма щепетильный во всем, от политики и общественных дел до бытовых мелочей, Алданов был известен в эмиграции тем, что ни разу ни с кем не поссорился и не сделал ни одного необдуманного поступка. Адамович этим похвастаться никак не мог, но искренне завидовал. 21 сентября 1945 г. Адамович писал Алданову: «Без капли лести, Вы для меня единственный человек — плюс М.Л. Кантор, — у которого я не могу даже в воображении заподозрить греха».

---

⁴ И.В. Одоевцева в своих воспоминаниях привела характернейший эпизод о том, как взволновался Мережковский одной из статей Адамовича и успокоился только после того, как тот признался, что дал положительный отзыв исключительно «из подлости»: «Так бы и говорили! А то я испугался, что он вам действительно нравится. А если из подлости, то понятно, тогда совершенно не о чем говорить» (*Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 65).

⁵ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. New York (далее — BAR). Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1.

⁶ Там же. Письмо от 23 ноября 1954 г.

⁷ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 268.

⁸ BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1.

С Алдановым Адамович не раскрывался настолько, как, например, в переписке с Бахрахом, с которым охотно обсуждал сплетни, зубоскалил и вполне мог рассказать не слишком приличный анекдот. Джентльмен до мозга костей, Алданов попросту не понял бы такого панибратства. Поэтому тон Адамовича в письмах к нему все же во многом светский, как оставался он светским почти во всей его переписке, за редкими исключениями совсем уж близких друзей. Однако отношения Адамовича с Алдановым при всей их внешней светскости можно назвать дружескими.

Сам Алданов, вероятно, вообще никогда не раскрывался, т. е. был именно таким, каким и выглядел в письмах — застегнутым на все пуговицы. Его политес был врожденным, а не напускным, он так думал и только потом уже так говорил. Адамович часто говорил не то, что думает, и в письмах (по требованиям этикета и из светских манер), и особенно в статьях (подчиняясь литературной политике, из боязни задеть, обидеть, необходимости поддержать и т. д.). Понимая это, Алданов просит Адамовича писать ему более искренно, но Адамовича особо просить не приходится, он и впрямь в переписке с Алдановым пишет то, что думает, высказывает по преимуществу свое настоящее мнение, пусть и смягчая его постоянными оговорками, нередко спорит, вежливо, но твердо (по поводу Блока, в частности, полемика тянулась годами, но Адамович упорно не желал уступать Алданову кумира своей юности).

Одна из постоянных тем переписки — состояние стареющего Бунина, которого оба нежно любили со всеми его причудами (отчасти даже именно за эти причуды). А после смерти Бунина оба особенно остро ощущали, как стремительно сужается их круг, который еще совсем недавно, до войны, казался таким основательным и постоянным.

19 марта 1954 г. Алданов писал Адамовичу: «Со дня кончины Ивана Алексеевича *ничье* мнение не может быть мне более ценно, чем Ваше».

Это один из тех редких случаев, когда сохранились не только письма Адамовича, но и ответы его адресата (хоть и не в оригиналах, а лишь во вторых машинописных отпусках). Ответы отложились не в бумагах Адамовича, который из всей своей обильной переписки оставил лишь письма Бунина и Гиппиус (да и то не полностью), но в архиве куда более аккуратного во всех отношениях Алданова, который старательно сохранял не только письма своих корреспондентов, но и вторые копии собственных посланий (большую их часть он писал не от руки, а на пишущей машинке, на всякий случай закладывая под копирку второй лист, к радости архивистов и исследователей).

Основной корпус писем сохранился в Бахметевском архиве: VAR. MS. Coll. Aldanov. Наша искренняя благодарность куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой за любезное разрешение опубликовать эти письма, а также Манфреду Шрубe, взявшему на себя труд по их копированию и сверке иностранных слов и выражений.

Несколько писем отложилось в бумагах Алданова, ныне находящихся в архиве Дома-музея Цветаевой в Москве (письма Адамовича Алданову от 26 августа, 20 октября и 4 ноября 1956 г., а также письмо Алданова Адамовичу от 24 ноя-

бря 1956 г. и письмо Адамовича Т.М. Алдановой от 23 февраля 1959 г., которое дается в приложении). Хочется выразить глубокую признательность директору Дома-музея Цветаевой Э.С. Красовской за любезное разрешение присоединить эти письма к общему корпусу публикации.

Несколько фрагментов из писем уже появились в печати⁹, но в полном виде переписка публикуется впервые.

Тексты печатаются по оригиналам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Разрядка в письмах дается курсивом, подчеркивания остаются, как в оригиналах. Конъектуры даются в угловых скобках, вставки публикатора — в квадратных скобках, общепринятые сокращения не раскрываются. Общеизвестные имена, факты и события не комментируются. Общеизвестные иноязычные слова и выражения не переводятся. При подготовке писем к печати учтены примечания М. Грин, Е.Б. Рогачевской, А.А. Чернышева.

1. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

6 декабря 1944 г. Ницца

14, av. Fragonard
Nice (A. M.)
France
6/XII.44

Biencher Marc Alexandrovitch, j'étais heureux d'avoir un mot de vous et de vous savais, vous et madame votre femme, en bonne santé. Merci de me demander de collaborer à votre revue. Je n'y manquerai pas, quand cela deviendra possible. Merci aussi de m'annoncer la prochaine arrivée d'un colis. J'espère qu'il ne se perdra pas en route. Vous ne pouvez vous imaginer à qu'il point cela peut être précieux ici en ce moment.

J'ai passé les années de l'occupation allemande sans ennuis personnels, et sans bauer de Nice. Mais je ne me console pas de la déportation en Allemagne de notre pauvre Loulou Kan. et de celle de Nic. Berng. Freud-n. Je ne garde qu'un faible espoir de les revoir un jour, tous les deux. Et vous, cher M. A. comment allez vous? J'ai en vent, il y a deux ans, de vos grands succès littéraires et croyez moi, je m'en suis réjoui de tout coeur. A propos, je n'ai jamais reçu la lettre de 1942 dont vous me parlez. Je retournerai à Paris dans un mois au deux, mais mon adresse niçoise restera toujours bonne. N'oubliez pas de me rappeles au bon souvenirs de Tat. M-na et croyez à ma très sincère amitié.

Georges Adamovitch

---

⁹ В частности, в публикации: «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М.А. Алданова / Вступ., публ. и примеч. А.А. Чернышева // Октябрь. 1998. № 6. С. 142–163.

*Перевод с французского*¹

Дорогой Марк Александрович, я счастлив получить от Вас известие и узнать, что Вы и Ваша жена в добром здравии. Спасибо за приглашение сотрудничать в Вашем журнале². Воспользуюсь им, когда это станет возможным. Спасибо также за сообщение о скором прибытии посылки. Я надеюсь, что она не потеряется по дороге. Вы не можете представить, насколько это ценно здесь в настоящий момент.

Я провел годы немецкой оккупации без личных неприятностей и не покидая Ниццы. Но я не могу забыть о депортации в Германию нашей бедной Лулу Каннегисер³, а также Ник<олая> Берн<гардовича> Фрейд<енштейна>⁴. У меня остается слабая надежда однажды вновь увидеть их обоих. А вы, дорогой М<арк> А<лександрович>, как Ваши дела? Я слышал, года два тому назад, о Ваших больших литературных успехах⁵ и, поверьте, радовался от всего сердца. Кстати, я никогда не получал то письмо 1942 г., о котором Вы говорите. Я возвращаюсь в Париж через месяц или два, но мой ниццкий адрес всегда остается верным. Не забудьте передать Тат<ьяне> М<арковне>⁶ мои лучшие пожелания и заверения в самой искренней дружбе.

Георгий Адамович

---

¹ С момента оккупации Франции немецкой армией цензура военного времени запрещала посылать письма на иностранных языках (помимо французского) из оккупированной зоны в свободную, а также в другие страны. Запрет действовал до 1 марта 1943 г., а фактически до полного освобождения Франции.

² Речь идет о «Новом журнале», который Алданов с М.О. Цетлиным и М.М. Карповичем основали в Нью-Йорке в 1942 г.

³ Каннегисер Елизавета Иоакимовна (Лулу) — сестра Л.И. Каннегисера.

⁴ Фрейденштейн Николай Бернгардович (псевд. Юрий Фельзен; 1894–1943) — прозаик «незамеченного поколения». С 1918 г. в эмиграции в Риге, с 1921 г. в Берлине, с 1924 г. в Париже. С 1929 г. член (с 1935 г. председатель) Союза молодых писателей и поэтов (позднее переименованного в Объединение русских писателей и поэтов). Участник сборников «Зеленой лампы», «Кочевья», «Перекрестка», «Круга». Секретарь редакции журнала «Числа». В 1942 г. арестован нацистами, погиб в концлагере Аушвиц.

⁵ В январе 1943 г. роман Алданова «Начало конца» был удостоен высокой литературной награды, стал лауреатом клуба «Книга месяца», что на время сделало Алданова популярной фигурой в литературном мире США (роман выдержал несколько изданий, в американской печати были опубликованы интервью с Алдановым и статьи о нем).

⁶ Имеется в виду Ландау Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; 1893–1968) — жена М.А. Алданова.

2. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

6 декабря 1944 г. Ницца

14, av. Fragonard
Nice (A. M.)
France
24/III 45

Mon cher ami, je viens de recevoir deux colis remplis des bonnes chères introuvables ici, l'un du «Lit. Fund», l'autre de l'Amicale des «Dern<i>ère</i> N<i>ouvelle</i>». Je vous en remercie de tout coeur car je suis certain que c'est surtout à vous que je le dois. Veuillez remercier de ma part tous ceux qui ont bien voulu y participer. J'en suis d'autant plus heureux que j'ai auprès de moi ma soeur malade qui à besoin d'être bien alimentée. Comment allez vous? N'avez vous pas l'intention de venir à Paris, ne fut-ce que pour quelques mois? Je serais heureux de vous revoir, comme le seraient certainement tous vos nombreux amis d'ici. Je vois Bounine assez souvent, «plus jeune que jamais». Au revoir, bien cher Marc Alexandrovitch. Croyez à me très sincère amitié — et merci une fois encore.

Bien à vous G. A.

Перевод с французского:

Дорогой друг, я только что получил две посылки, наполненные хорошими продуктами, которых здесь не найти, одну из «Ли<тературного> фонда», другую от Содружества «Последних новостей»¹. Я Вас за это благодарю от всего сердца, так как уверен, что главным образом именно Вам я этим обязан. Пожалуйста, поблагодарите от меня всех, кто столь любезно принимал в этом участие. Я тем более счастлив, что на моем попечении больная сестра², которая нуждается в хорошем питании. Как Ваши дела? Не имеете ли Вы намерения приехать в Париж, хотя бы на несколько месяцев? Я был бы счастлив снова увидеть Вас, как и, разумеется, все ваши многочисленные друзья здесь. Я видел Бунина довольно часто, «более юного, чем обычно». До свидания, дорогой Марк Александрович. Верьте моей самой искренней дружбе — и еще раз спасибо за все.

Ваш Г. А<дамович>

---

¹ Содружество «Последних новостей» (Amicale des «Dernière Nouvelle») — существовавшая в 1940-е гг. общественная эмигрантская организация, основанная бывшими сотрудниками с целью воссоздания газеты (что не увенчалось успехом).

² Осенью 1929 г. родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 г. Адамович писал З.Н. Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора. Вып. 3. 2002. С. 528). После смерти матери (1933) Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952 г.

З. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 июня 1945 г. Париж

39, rue Pascal
Paris
20/VI 45

Bien cher ami, j'ai reçu il y a quelques jours par l'entremise de B.K. Zaitseff le colis que vous avez bien voulu m'envoyer. Je ne sais comment vous en remercier. Croyez que je suis profondément touché de votre attention et de votre bon souvenir. J'envoie cette lettre par avion. Peut être vous parviendra-t-elle avec moins de retard de coutume.

J'ai vu hier — à la soirée Bounine — madame votre soeur, et j'ai été heureux d'apprendre que tout allait bien chez vous. Le «tout Paris» russe y était. J'ai rencontré des gens, que je croyais morts ou disparue. La vie reprend peu à peu, assez péniblement il faut bien le dire — et certainement jamais elle ne rédeviendra ce qu'elle à été.

Mon ami Stavrov vous envoie par ce même courrier une nouvelle pour votre revue et me pris de vous en parler. Tout ce que je me permettrai de faire, c'est de la recommander à votre attention. Je croie jamais que Bounine vous à déjà écrit à ce même sujet, donc je n'ai qu' à m'effacer devant notre «bon maître», très viellé à propos et à mon goût plus charmant sucre dans sa revolte contre l'inevitable. Vous voyez bien ce que je vous dire. Je l'aimois moins auparavant. Quant à Stavrov, si vous voulez bien le lire avec attention et n'être par trop sévère pour quelques maladdresses voulues d'un style resolutement nonchalant, je vous en serais très reconnaissant. Excusez moi de cette demarche, et ne croyez pas que j'attache à ma recommandation trop de poids.

Pensez vous vraiment venir faire un tour en France? Inutile de vous dire la joie que j'aurais à vous revoir. Je pars pour Nice dans deux trois jours, j'y resterai jusqu' à la fin du mois de septembre. Mon adresse là-bas est toujours la même — 14, avenue Fragonard.

Croyez, cher Marc Alexandrovitch, à mon très sincère dévouement et veuillez me rappeler au bon souvenir de madame votre femme.

Bien à vous *Georges Adamovitch*

Перевод с французского:

Дорогой друг, я получил несколько дней тому назад через Б.К. Зайцева посылку, которую Вы мне любезно послали. Не знаю, как вас за это благодарить. Поверьте, я глубоко тронут Вашим вниманием и тем, что Вы обо мне помните. Я посылаю это письмо авиапочтой. Может быть, так оно дойдет с меньшими задержками.

Я видел вчера — на вечере Бунина¹ — Вашу сестру² и был рад узнать, что у Вас все в порядке. «Весь Париж» русский был там. Я встретил людей, которых считал умершими или пропавшими без вести. Жизнь понемногу налаживается, достаточно болезненно, надо сказать, — и, конечно, никогда она уже не будет прежней.

Мой друг Ставров³ посылает Вам этой же почтой рассказ для Вашего журнала и просит меня поговорить с Вами о нем⁴. Все, что я могу позволить себе сделать, — это

рекомендовать его Вашему вниманию. Не думаю, чтобы Бунин написал Вам об этом, поэтому делаю отступление о нашем «добром мэтре», который, кстати, очень стар и, на мой вкус, совершенно очарователен в своем восстании против неизбежного. Вы хорошо понимаете, что я имею в виду. Раньше я его меньше любил. Что касается Ставрова, если Вы прочтете его внимательно и не будете слишком строгими к отдельным небрежностям его беспечного стиля, я буду Вам очень признателен. Извините меня за этот демарш и не считайте, что я придаю большой вес своей рекомендации.

Вы действительно думаете вернуться во Францию? Не могу выразить, как я рад был бы Вашему возвращению. Я уезжаю в Ниццу через два-три дня и останусь там до конца сентября. Мой адрес там всегда тот же — 14, avenue Fragonard.

Верьте, дорогой Марк Александрович, моей самой искренней преданности и, пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания Вашей супруге.

Ваш *Георгий Адамович*

---

¹ 19 июня 1945 г. в парижском зале «Шопен-Плейель» состоялся закрытый вечер Бунина, вернувшегося с юга Франции.

² *Полонская* Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963) — сестра М.А. Алданова, жена юриста, журналиста и библиофила Якова Борисовича Полонского (1892–1951).

³ *Ставров* Перикл Ставрович (Ставропуло; 1895–1955) — поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции в Греции, с 1926 г. в Париже, участник объединения «Круг» (1935–1939), председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1944). Вернувшись после войны из Ниццы, Адамович в 1945–1947 гг. жил в его парижской квартире (39, rue Pascal, Paris 13e). См. некролог: *Адамович Г. Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово*. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8.

⁴ Ни проза, ни стихи Ставрова не публиковались в «Новом журнале».

4. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

12 июля 1945 г. Нью-Йорк

12 июля 1945

Дорогой Георгий Викторович

Очень рад был Вашему письму, спасибо. Я его переслал Михаилу Осиповичу <Цетлину>, который болеет и сейчас находится в санатории. Он главный редактор «Нового журнала» по делам первого отдела (беллетристика и стихи), а Мих<айл> Мих<айлович> Карпович по делам второго отдела (общее направление, публицистика). Я вначале принимал самое близкое участие в редактировании журнала. Потом эта работа, которую я всегда терпеть не мог, мне смертельно надоела: она (будучи, конечно, бесплатной) отнимала у меня почти все время, и я отошел от нее. Совершенно не участвовал бы в ней, если бы Мих<айл> Ос<ипович> не болел. Как только он выздоровеет, я совершенно и отойду. Теперь же делаю часть работы за Михаила Осиповича, но главные редакторы он и Карпович, как и сказано на облож-

ке. Они Вам и ответят после редакционного совещания в августе. Вы, кстати, ничего не сообщаете о том, пришлете ли нам что-либо? Слышал, что Вы политически с нами расходитесь, но «Новый журнал» — орган довольно широкой «коалиции». Редакция просила недавно о сотрудничестве Маклакова¹. Вашему участию она, я знаю, была бы чрезвычайно рада. Недавно вышла 10-я книга, а в конце августа должна появиться одиннадцатая. Видели ли Вы журнал? Буду очень признателен, если откровенно напишете мне свое мнение об «Истоках»². Именно мне, — рецензии ни к чему.

Но это письмо я пишу Вам по совершенно другому делу. Вы, верно, знаете, что я состою в президиуме здешнего Лит<ературного> фонда³ (который у Вас, кажется, смешивают с Толстовским фондом⁴ А.Л. Толстой, — между тем как эти две организации на самом деле не в таких уж добрых отношениях между собой). Председателя мы после кончины Н.Д. Авксентьева⁵ не избирали, и у нас довольно многочисленный «президиум»: Коновалов, Николаевский, Зензинов, Авксентьева, я из парижан и несколько нью-йоркцев, Вам едва ли известных. После освобождения Франции президиум единогласно принял решение не оказывать никакой помощи писателям, ученым, общественным деятелям, сочувствовавшим немцам, — все равно, активным или не очень в этом активным. Это было отступлением от правила старого Красного Креста, который оказывал помощь всем в ней нуждавшимся. Но и положение теперь не то, — решение было принято единогласно, утверждено позднее многолюдным собранием, и мы от него не отступим и не хотим отступать. Мы послали множество продовольственных посылок во Францию и при их отправке исходили из этого решения. Так как информация у нас о том, как кто был настроен в период оккупации, естественно, не полна и не безупречна (теперь же многие перекрасились), то мы, вероятно, сделали несколько ошибок — и очень странно, что нас в этом обвиняют. Между тем обвиняют нас, как мы слышали, очень резко, чуть ли не в том, что мы заведомо «поддерживаем явных германофилов» и т. д. Это очень неприятно, как обычно бывает неприятна клевета, и к тому же практически вредно фонду, — т. е. нуждающимся писателям и ученым. Здешняя русская колония (а деньги у фонда только от нее) настроена совершенно непримиримо в отношении явных и тайных германофилов, и если она клевете поверит, то касса фонда, постоянно пустеющая и вновь пополняющаяся, иссякнет раз навсегда. Повторяю, я допускаю, что из нескольких сот посылок (по 6–8 долларов каждая), отправленных фондом во Францию, четыре или пять (никак не думаю, что больше) были нами по неведению посланы людям, сочувствовавшим немцам. Мы не знали об их симпатиях, — узнали гораздо позднее и, конечно, больше им ничего посылать не будем. Возможно еще следующее. Один большой груз, в дополнение к тем сотням индивидуальных посылок, мы отправили на имя доктора Н.С. Долгополова⁶, человека честнейшего и по немецкой линии стоящего выше подозрений (как Вы, как Бунин). Но Долгополов взял на себя также распределение посылок, отправляемых другими русскими организациями, которые, насколько мне известно, стоят ближе к позиции старого Красного Креста, хотя ни малейших симпатий к немцам никогда не имели. Возможно (только возможно, — я этого не знаю), что эти организации отправили посылки и людям, которым мы (фонд) ни-

чего отправлять не стали бы. Возможно, что они допустили и больше невольных ошибок, чем мы. И я могу допустить, что в Париже нам приписывают посылки, отправленные не нами. Иначе мне просто трудно понять раздражение и даже, кажется, «негодование», которое вызывает у вас, т. е. в Париже, деятельность фонда. Мы никакой благодарности не требуем и, попав в сытую страну, не имеем на нее права, хотя и много работаем по сбору денег (это ведь дело очень нелегкое). Но, каюсь, мы не ждали и «негодования» вместо благодарности.

Зачем я Вам все это пишу? Вот зачем. Кроме старого списка лиц, которым мы оказываем помощь (из него мы, повторяю, с опозданием, от нашей воли не зависевшим, вычеркнули несколько имен), появляются, естественно, и новые кандидаты. Мы ведь и адресов многих не знали, не знали даже, и живы ли некоторые люди, — или, в сомнении об их симпатиях в пору оккупации, иным писателям и ученым посылок не отправляли. Чтобы избежать новых ошибок, мы решили в каждом таком случае требовать чего-то вроде поручительства, вполне ясного и определенного. Зензинов написал об этом Долгополову. Я пишу Вам. В качестве возможных и необходимых «гарантирующих лиц» мы наметили из писателей в тесном смысле слова Вас и Бунина, а из публицистов и политических деятелей несколько человек, как тот же Долгополов, Альперин⁷ и др. Предвижу, Вы скажете: «это неприятная задача, я ее не принимаю». Очень просим Вас этого НЕ делать. Конечно, это «корвэ»⁸, но почему же возлагать ее только на нас?!

Однако если бы Вы и отказались от нее как от «корвэ» общей, то вот частный случай, от которого Вы уж никак не можете и не имеете права отказаться. Вчера я получил письмо от Георгия Владимировича (Villa Turquoise, av. Edouard VII). Он пишет мне, что и жена его, и он сам больны от недоедания, и просит хлопотать в фонде об отправке ему посылок. Надо ли говорить, что как писатели они были бы в числе первых же кандидатов? Фонд их знает, а Вам известно, как и я, в частности, высоко ценю их талант. Адреса их фонд не знал. Но дело было не только в этом. Г<еоргий> В<ладимирович> пишет, что какой-то его враг сообщил в Нью-Йорк о «нашей дружбе с немцами». Я не знаю, кого он имеет в виду, и мне ничего о таком сообщении кому бы то ни было не известно. Однако какой-то глухой слух об этом здесь действительно прошел еще в пору оккупации, года два тому назад. Получив письмо Г<еоргия> В<ладимирович>а, я позвонил одному из парижан-литераторов. Он сказал то же самое: ни о каком сообщении из Парижа об этом я ничего не слышал, а глухой слух был, и поэтому фонд «в сомнении воздержался», да и считали их людьми состоятельными. Между тем Г<еоргий> В<ладимирович> добавляет, что в жеребковской газете его называли «писателем» в кавычках, что немцы ограбили его до нитки, сожгли рукописи, вывезли обстановку. Это я тоже прочел упомянутому парижанину, и он, человек в фонде весьма авторитетный, сказал то же, что думаю я! Фонд не будет отправлять посылок без того, что я выше назвал «поручительством» — бесполезно ему и предлагать. И он же посоветовал мне то же самое: напишите Адамовичу. Я это и делаю.

Как Вы и Г<еоргий> В<ладимирович> сами поймете, фонд не удовлетворится одним заявлением самого заинтересованного лица. Но если Вы и Бунин подтвердите, что оно никогда немцам не сочувствовало и с ними не являлось, то мы (с упомяну-

тым литератором), несомненно, тотчас проведем отправку серии посылок (считаюсь и с тем, что Г<еоргий> Вл<адимирович> до сих пор ничего не получал). Не ручаюсь, но считаю возможным, что достаточно будет и одной Вашей гарантии (Ваша «ориентация» здесь всем давно известна), но решено было требовать двух поручителей, и было бы гораздо лучше, если бы и Бунин к Вам в этом присоединился. Я Бунину не пишу, так как он мне ответит через месяц, а здесь дело идет о голодающих людях. Может быть, Вам ответит открыткой тотчас. Но *Вас* я очень прошу ответить мне сейчас же, письма по воздушной почте теперь идут 7–8 дней. Г<еоргий> Вл<адимирович> просит меня о том, чтобы фонд об этом телеграфировал Долгополову. Это было бы совершенно невозможно по правилам фонда, даже если бы не было необходимости в поручителях: ни одна посылка отправлена быть не может без формального заседания президиума с занесением в протокол и т. д. Отчасти это объясняется крайним формализмом членов президиума не-парижан, а отчасти тем, что вся деятельность фонда проходит под точным контролем правительственных органов. Между тем ближайшее заседание президиума состоится в августе. Наши заседания обычно происходят каждые две недели (иногда чаще). Но теперь летнее время и почти все разъехались. На последнем заседании все дела закончили, раздали на новые посылки во Францию все деньги, бывшие в кассе, и на месяц прекратили работу, — работа по сбору пожертвований производится независимо от заседаний.

Как только получу от Вас ответ, что Вы (лучше Вы и Бунин) «гарантию» даете, я все сделаю и напишу Г<еоргию> Вл<адимировичу> о результате. Знаю, что Вы, независимо от симпатий и антипатий, фонда не подведете, да и оснований никто не имеет думать, что в «глухом слухе» была правда ввиду указываемых фактов. Но без *посторонней* гарантии (т. е. Вашей и Бунина или, в крайнем случае, не-писателей Долгополова, Альперина) фонд ничего сделать не может. Я не знаю, каковы у Вас сейчас личные отношения с Г<еоргием> Вл<адимировичем>, но не сомневаюсь, что Вы с ними считаться не будете, а его известите.

Простите, что пишу только об этом, о другом в другой раз, а сейчас я очень устал. Надолго ли Вы уехали в Ниццу? Где будете жить в Париже, когда вернуться? Очень прошу извещать о Ваших переездах и адресах, — это необходимо и для правильной отправки посылок, как от фонда, так и от «Амикаль де Дерниер Нувель»⁹.

На всякий случай сообщаю Вам адреса и Лит<ературного> фонда: [пропуск в машинописи]

и Толстовского фонда: [пропуск в машинописи]

Татьяна Марковна благодарит Вас за память и, как я, шлет Вам самый сердечный привет. Так давно я Вас не читал! А что книга, которую Вы задумали в 1943 году?¹⁰ Что пишете теперь? Как здоровье Вашей сестры?¹¹

¹ В.А. Маклаков принял приглашение и неоднократно печатался в «Новом журнале» начиная с 12-го номера.

² «Истоки» — роман Алданова, печатавшийся в «Новом журнале» (1943. № 4, 6; 1944. № 7–9; 1945. № 10–12; 1946. № 13), а позже выпущенный двухтомником (Париж: YMCA-Press, 1950).

³ Учрежденный в Нью-Йорке в 1918 г. Литературный фонд (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile / Фонд помощи русским писателям и ученым в изгнании) от-правлял нуждающимся русским литераторам во Франции продовольственные и другие по-сылки, а также переводил деньги.

⁴ Толстовский фонд основан в 1939 г. А.Л. Толстой (при участии С.В. Рахманинова, М.И. Ростовцева, Б.А. Бахметева, В.В. Сергиевского, Т.А. Шауфус и др.) с целью помощи русским эмигрантам. Подробнее о нем см.: *Шауфус Т.А.* История Толстовского фонда // Нива (Нью-Йорк). 1955. № 110. С. 8.

⁵ *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878–1943) — председатель Литературного фонда в Нью-Йорке в 1941–1942 гг., затем до своей кончины — член президиума.

⁶ *Долгополов* Николай Саввич (1879–1972) — врач, общественный деятель, депутат II Государственной думы, представитель Временного правительства на Черноморском по-бережье и в Кубанской области, участник Ледяного похода, министр народного здравоох-ранения в правительстве Деникина, с ноября 1920 г. в эмиграции в Париже, председатель Земгора и американских благотворительных фондов, основатель Русского дома для пре-старелых в Кормей-ан-Парижи (1949), кавалер ордена Почетного легиона.

⁷ *Альперин* Абрам Самойлович (1881–1968) — юрист, помощник присяжного поверен-ного (В.Ф. Зеелера), общественный деятель, предприниматель, создатель и член правления Ростовского купеческого банка, заведующий табачными фабриками Асмолова и Кушнерева, заместитель председателя Донского общества помощи казакам (1918–1919). С 1919 г. в эми-грации в Париже, глава крупного табачного дела, основатель и один из директоров фабрики «Биотерапия», масон. В годы Второй мировой войны руководитель еврейского движения Соппротивления в оккупированной зоне Франции, один из создателей (1946) и председатель (с 1947) Общества помощи русско-еврейской интеллигенции им. Я.Л. Тейтеля (Тейтелевского комитета). Подробнее о нем см.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. М., 2001. С. 54–55.

⁸ От фр. *corvée* — барщина (используется для обозначения всех видов отработочной повинности).

⁹ От фр. *Amicale des «Dernière Nouvelle»* (см. примеч. 1 к письму 2 наст. публ.).

¹⁰ По всей видимости, Адамович рассказывал Алданову о своих планах дневниковой книги военных лет, которая вышла после войны на французском языке: *Adamovitch G.* *L'autre patrie.* P.: Egloff, 1947.

¹¹ См. примеч. 2 к письму 2 наст. публ.

5. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 июля 1945 г. Ницца

En russe

Written in russian

28 июля 1945

14 avenue Fragonard

Nice

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня Ваше письмо от 12/VII — и отвечаю немедленно.

Относительно «негодования» или хотя бы «раздражения», которое будто бы вызывает в Париже деятельность нью-йоркского Лит<ературного> фон-

да, я узнал впервые из Вашего письма. Я провел в Париже два с половиной месяца, видел довольно много людей — и, кроме признательности, ничего по Вашему адресу не слышал. Поверьте, что пишу это не из вежливости, а с абсолютной правдивостью. Очень боюсь, что сведения о «негодовании» исходят от Я.Б. Полонского¹. Позиция Полонского такова, что многие даже (в шутку, конечно) считают его больным. Его непримиримости поистине нет предела. А так как сочувствия и согласия она почти ни в ком не встречает (не по существу, а из-за той слишком уж кипучей формы, в которую его «непримиримость» облечена), то негодует он безостановочно, — и мог, конечно, свое личное негодование по поводу одной какой-нибудь ошибки в распределении посылок приписать всем. Повторяю, кроме доброго слова, я ничего никогда о Вас — т. е. о фонде — ни от кого не слышал. Сейчас видел Роговского², который вчера вернулся из Парижа и видел там сотни людей. Не называя Вас и не ссылаясь на Ваше письмо, я навел его на разговор о посылках и на то, что будто бы есть недовольные. Ответ тот же: «В первый раз слышу». Я мог не слышать по своей рассеянности к общественным делам. Но Роговского-то в этом пороке упрекнуть никак нельзя. Не думайте, что о Полонском я пишу отрицательно. Нисколько. Я с ним в самых добрых отношениях — его стойкость мне даже импонирует. Он в данном вопросе — одиночка и никого, кроме самого себя, не представляет.

Вопрос второй — о гарантиях, которые я должен был бы давать. Спасибо за доверие, я искренне ценю его. Но принужден отказаться. Все эти годы я прожил безвыездно в Ницце. Доходили до меня только слухи. В Париже слухи проверить трудно (все, конечно, были «резистантами»), да и охоты у меня к этому нет. Лично мне ближе и понятнее позиция старого Кр<асного> Креста, о которой Вы пишете: помогать всем нуждающимся (т. е., в сущности, не подражать нашим врагам). Но может быть, Вы и правы, *par letemps qui court*³. Только я никак не могу взять на себя роль судьи, больше всего потому, что у меня нет для того нужных сведений. Это не «корвэ», как Вы пишете. От «корвэ» я не отказался бы. Это нечто такое, за что я не могу взять нужной Вам ответственности.

Наконец, третье — о Г.В. Иванове. Скажу откровенно, вопрос о нем меня смущает. Вы знаете, что с Ивановым я дружен, и дружен давно, хотя в 39 году почти разошелся с ним⁴. Я считаю его человеком с такой путаницей в голове, что на его суждения не стоит обращать внимания. Сейчас его суждения самые ортодоксальные. Но прошлое не таково. Я был бы искренно рад, если бы Вы послали ему хоть десять посылок, но дать то ручательство, которое Вам нужно, не могу. Писать мне это Вам тяжело. Но Вы просите меня «не подвести фонда», и по всему тону Вашего письма я чувствую, что не имею права отнестись к поставленному Вами вопросу легкомысленно. Пусть официальной причиной моего отказа дать гарантию останется общее мое нежелание их давать. Остальное — строго между нами. Не скрою от Вас, что мне было бы неприятно, если бы о нашей переписке по этому поводу узнал сам Иванов. Он истолковал бы мое поведение как недоброжелательство. А недоброжелательства нет. Но я не могу в отношении Вас — и при моем уважении к Вам — поступить иначе. Кстати, Роговский мне только что рассказал, что на совещании у Долгополова Иванову было в выдаче посылки отказано на

том основании, что он состоял членом сургучевского союза писателей⁵. К сожалению, я думаю, что такой факт, всем, к тому же, известный, делает все гарантии ненужными и недействительными. Если Вы принимаете во внимание раскаяние и понимаете — дело, конечно, другое. Но, судя по Вашему письму, в Нью-Йорке настроения не таковы. (Мне сейчас приходит в голову: не возникла ли у Вас мысль о гарантиях только в связи с мнимым «негодованием»? Нужны ли они, если негодования нет, и так ли страшны ошибки?)

К сожалению, письмо мое сегодня только деловое. Спасибо большое за ответ насчет рассказов Ставрова. Спасибо и за желание узнать мое мнение о «Истоках»⁶. Я их еще не читал — и «Нового журнала» не видал. Надеюсь вскоре прочесть и жду этого с нетерпением. А в том, что «рецензии ни к чему», я согласен с Вами совершенно, и чем больше рецензий сочиняю (именно сочиняю), тем сильнее чувствую, какой это вздор.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Примите мой самый сердечный привет и передайте мои лучшие пожелания Татьяне Марковне. Еще раз благодарю Вас за память, внимание и доброе отношение.

Преданный Вам

Г. Адамович

P.S. Вы спрашиваете о моих переездах. До конца сентября я в Ницце. А потом в Париже, но где там буду жить, не знаю.

---

¹ Полонский Яков Борисович (1892–1951) — юрист, журналист, библиофил, муж сестры Алданова Любови Александровны. После войны проявил особую непримиримость к коллаборантам, сочувствующим им и заподозренным в сочувствии. См. письмо Полонского А.А. Полякову от 15 июня 1945 г.: «Для нас после Гитлера основное, что определяет отношение к людям, это — был ли человек морально на той или на этой стороне в годы войны. <...> К гитлеровцам же у меня настоящая звериная злоба, в то время как у нью-йоркцев открылись огромные залежи евангельского всепрощения в отношении эмигрантской сволочи» (BAR. Coll. Poliakov. Box 2).

² Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — до революции помощник присяжного поверенного, член партии эсеров, в 1917 г. петроградский градоначальник, депутат Учредительного собрания, осенью 1918 г. товарищ председателя Уфимского государственного совещания, товарищ министра внутренних дел, заведующий милицией в Омске, выслан за границу колчаковцами. В эмиграции «бизнесмен, пользовавшийся репутацией афериста и спекулянта», по характеристике Е.Г. Эткинда (Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 317). Во второй половине 1940-х гг. был директором Русского дома в Жуан-ле-Пэн (Juan le Pins), курортном местечке на Лазурном Берегу, близ г. Антиба. Подробнее о нем см.: Звягин С.П. Эсер Е.Ф. Роговский: попытка реконструкции биографии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего столетия: М-лы конф. Ч. 1. Омск, 2000. С. 113–120.

³ По нашим временам (*фр.*).

⁴ Подробнее об их взаимоотношениях см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее: Ист. альманах. 21. М.; СПб., 1997. С. 391–502; То же: «Если чудо вообще воз-

можно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 449–552.

⁵ Сургучевским союзом называли писательскую организацию, действовавшую во время Второй мировой войны в Германии и в оккупированной зоне Франции. Осенью 1940 г. инициативная группа в лице И.Д. Сургучева, Н.Н. Брешко-Брешковского, Г.А. Мейера, Б.И. Ивинского, В.И. Горянского и др. приступила к созданию нового Объединения русских деятелей литературы и искусства (См.: Новое слово. 1940. 20 октября). 10 ноября новая организация начала действовать, председателем объединения был избран князь А.Л. Церетели, а председателем сразу двух секций — писателей и журналистов, — а также драматической стал И.Д. Сургучев. После войны участие в этом объединении антифашистски настроенные эмигранты часто рассматривали как коллаборантство.

⁶ Речь идет об очередном отрывке романа Алданова «Истоки», печатавшегося в «Новом журнале» на протяжении четырех лет (1943. № 4. С. 90–173; 1943. № 6. С. 11–121; 1944. № 7. С. 44–137; № 8. С. 52–153; № 9. С. 69–154; 1945. № 10. С. 51–132; № 11. С. 69–154; 1946. № 12. С. 48–114; № 13. С. 53–112), а затем вышедшего отдельным двухтомным изданием (Р.: YMCA-Press, 1950).

6. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 сентября 1945 г. Ницца

In russe
Written in russian
21/IX-45
Nice
14 av. Fragonard

Дорогой Марк Александрович

Пишу Вам сегодня по делу, схожему с теми, о которых писал в прошлый раз.

У меня сейчас гостит Ставров. Он взволнован дошедшими до него слухами, будто в Нью-Йорке в список «сомнительных» включено и его имя. В связи с этим он озабочен тем, что на письмо, которое он послал Вам весной, и, кажется, на рукопись до сих пор нет от Вас ответа. Ему кажется это не случайным — и он думает, что Вы не хотите с ним общаться.

Будьте так добры, дорогой Марк Александрович, сообщите мне конфиденциально, так ли это? Даю Вам слово, что ответ Ваш знать буду лишь я один. В Нью-Йорке, насколько мне известно, ходят слухи часто и вздорные. По роду деятельности Ставрова обвинить могли и его (как, кажется, обвинили Вейдле — человека чистого¹). Ставрова я знаю прекрасно, знал и во время оккупации — и в безупречности его поведения уверен. Но, как я писал Вам уже, сейчас есть люди больные, которые выдают за реальность свои галлюцинации.

Простите, если надоедаю Вам. Кстати, меня продолжает смущать то, что я написал Вам о Г. Иванове. Не знаю, был ли я прав. У меня к нему отношение, как было у бедной З.Н. Гиппиус к Блоку, — помните: «общественно» или «необщественно»?² А лично у меня чувство такое, что надо бы устроить торжествен-

ное чаепитие и в слезах и лобызаниях забыть общие грехи. (Без капли лести, Вы для меня единственный человек — плюс М.Л. Кантор³ — у которого я не могу даже в воображении заподозрить греха). Крепко жму Вашу руку и жду ответ.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Чем занимался во время войны П.С. Ставров, неизвестно. В.В. Вейдле продолжал консультировать по вопросам искусства и антиквариата.

² В воспоминаниях З.Н. Гиппиус есть рассказ о встрече с Блоком в трамвае после того, как тот написал «Двенадцать»: «Подымаю глаза. Блок. Лицо под фуражкой какой-то (именно фуражка была — не шляпа) длинное, сохлое, желтое, темное.

— Подадите ли вы мне руку?

Медленные слова, так же с усилием произносимые, такие же тяжелые.

Я протягиваю ему руку и говорю:

— Лично — да. Только лично. Не общественно» (*Гиппиус З.Н. Мой лунный друг //* *Окно. 1923. № 1. С. 150).*

³ *Кантор* Михаил Львович (1884–1970) — поэт, литературный критик, юрист; с 1919 г. в эмиграции в Ревеле, с 1921 г. в Берлине, с 1923 г. в Париже, секретарь редакции (1923–1926), затем редактор «Звена». Вместе с Адамовичем редактировал журнал «Встречи» (1934) и составлял антологию «Якорь» (1936).

7. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

1 октября 1945 г. Нью-Йорк

1 октября 1945

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Ваше письмо от 21 сентября. Хочу успокоить Вас насчет Ставрова. Не скрою, слухи о нем ходили здесь еще в ту пору, когда письма из Франции не приходили. Кто-то из уехавших сюда до оккупации что-то говорил. Как Вы, вероятно, правильно предполагаете, это могло быть связано с родом его деятельности. Но когда оккупация кончилась и стали приходиться письма, то выяснилось, что ни в чем конкретном его никто не обвинял. А со слухами мы, естественно, не очень считаемся. Наш Литературный фонд давно отправляет ему продовольственные посылки, и это должно было бы его вполне успокоить: людям, сочувствовавшим немцам, мы посылок не отправляем. Что до меня, то я вначале, правда, «воздерживался в сомнении», — как вначале и фонд. Однако и с самого начала я плохо верил, что он мог сочувствовать немцам. Как Вы знаете, я его рассказы давно передал проф. Карповичу с отзывом в пользу принятия их в «Новый журнал». Не очень давно, хотя и задолго до получения Вашего письма, я написал Ставрову: поблагодарил его за «Встречи»¹, сообщил, что знал об его рассказах, и т. д. Разве он не получил этого моего письма?

Относительно его рассказов я, к сожалению, все еще ничего не могу ответить. Главный редактор Карпович живет в Бостоне, приезжает сюда не часто и пере-

гружен работой. Он был здесь на прошлой неделе и сказал мне, что еще не успел прочесть Ставрова.

Благодарю Вас за полученное мною в свое время письмо об Иванове. Разумеется, я на него (на Ваше письмо) не ссыался. Но одновременно с моим запросом, отправленным Вам, Зензинов запросил об Иванове Долгополова. Николай Саввич ответил совершенно определенно, да еще сослался на решение его Координационного комитета, постановившего не оказывать помощи Иванову. При таких условиях мы решительно ничего сделать не могли. Фонд не может подходить к делу «общественно» или «необщественно», хотя бы уже потому, что он себя здесь погубил бы: повторяю, по отношению к людям, сочувствовавшим немцам, русский Нью-Йорк совершенно пока непримирим (есть разница только в оттенках, — меня, например, причисляют к наименее непримиримым — на обе стороны). Что же нам было делать? Мы с Зензиновым написали Г. Иванову общее письмо (он писал и Владимиру Михайловичу): сказали всю правду, — фонд запросил своего официального представителя в Париже, д-ра Долгополова, и ввиду его отрицательного заключения ничего сделать не может. От себя посоветовали ему, Иванову, устроить суд чести (указали и желательных, по нашему мнению, кандидатов в «судьи»: Маклакова, Бунина, Нольде², Альперина, Тер-Погосяна³, Зеелера⁴, еще кого-то). Разумеется, если бы суд чести признал, что по отношению к Иванову была допущена ошибка или несправедливость, мы, и я в частности, сделаем для него все возможное. Без этого и до этого не можем сделать ничего. Зная меня, Вы догадываетесь, как мне неприятно и тяжело было писать такое письмо. Но иначе мы поступать не можем. Я давно пишу в Париж, что пора бы Вам устроить суд чести из беспристрастных, спокойных и справедливых людей, который, хотя бы и без «приговоров» или «решений», просто установил бы фактическую сторону дела в каждом отдельном случае (ведь таких случаев и вообще немного). О моем письме к Вам и о Вашем ответе я, конечно, не писал *ни слова*.

Вы пишете: «...надо бы устроить торжественное чаепитие и в слезах и лобзаниях забыть общие грехи». Вероятно, этим дело и кончится. В Париже, быть может, это произойдет очень скоро. Нью-йоркцы год-другой подождут. Покойный Илья Исидорович, наверное, на это всех благословил бы. Но он — с христианской точки зрения, я хочу сказать, с евангельской. А Вы с какой? Я читал Вашу истинно блестящую статью во «Встречах»⁵ «А его сожгли в печке». Да, сожгли. Все же устроим чаепитие и будем «лобызаться» с теми, кто сочувствовал людям, которые его сожгли в печке? Не люблю говорить и писать «пышно», — скажу все же, что для всевозможных духов Банко⁶ такое чаепитие было бы весьма подходящим местом. Для Лулу Каннегисер, которую я очень, очень любил, для Юрия Фельзена, который меня терпеть не мог, для матери Марии, для многих, многих других. Нет, я еще подожду, — хотя меня, скажу еще раз, здесь считают слишком снисходительным и слишком равнодушным ко всему человеком. Мне пишут (НЕ Полонский, — кажется, у Вас считают, что во всем виноват Полонский, а пишут сюда из Парижа человек десять, если не больше), итак, мне один старик-публицист пишет о другом старике-писателе⁷, будто он печатно выражал сожаление, что такой прекрасный памятник искусства, как Нотр-Дам, выстроен «в честь одной жидашечки». Это так хорошо,

что даже и неправдоподобно. У меня со старым писателем были довольно добрые, хотя и отдаленные, отношения. Звать ли и его на торжественное чаепитие? Со всем тем, повторяю, оно наверное будет, и я против неизбежного не возражаю. Я только думаю, что не мешало бы немного повременить. И еще думаю, что для избежания тяжких несправедливостей (люди много перенесли, раздражены и не всегда беспристрастны) *необходим* суд чести из спокойных беспристрастных людей.

Сердечно благодарю Вас за добрые и незаслуженные слова в конце письма.

Если увидите Ставрова, скажите ему, пожалуйста, что мое письмо с отзывом о «Встречах» никак не предназначается для печати. Принять его просьбу о сотрудничестве я не могу. Занимаюсь только «Истоками» и из русских изданий печатаюсь только в «Новом журнале».

Простите длинное и бестолковое письмо, — как видите, о слоге я не заботился. Шлем Вам самый сердечный привет, самые лучшие пожелания. Вы скоро получите тяжелую продовольственную посылку. Но умоляю Вас, сообщите тотчас парижский адрес.

Разумеется, все это письмо совершенно конфиденциально, кроме его начала (о Ставрове).

---

¹ «Встреча» (Париж, 1945) — литературный сборник, выпускавшийся Объединением русских писателей во Франции. Ко времени написания письма вышел первый номер в июле 1945 г. и готовился второй, появившийся в ноябре 1945 г. и оказавшийся последним. П.С. Ставров с декабря 1944 г. был председателем объединения и, по-видимому, послал первый номер Алданову, приглашая к сотрудничеству.

² *Нольде* Борис Эммануилович (1876–1948) — барон, юрист, общественно-политический деятель, до революции профессор Политехнического университета и Высших женских курсов в Петербурге, член партии кадетов, в 1917 г. помощник министра иностранных дел (П.Н. Милюкова). С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Париже, декан Русского юридического факультета при Институте славяноведения, председатель Главного управления Российского Красного Креста.

³ *Тер-Погосян* Михаил Матвеевич (1890–1967) — эсер, депутат Учредительного собрания. С 1919 г. в эмиграции в Берлине, сотрудник и редактор «Дней», с 1925 г. в Париже, член комитета Политического Красного Креста, после войны член правления (с 1958 г. председатель) общества «Быстрая помощь». Массон, мастер ложи «Объединенное братство».

⁴ *Зеелер* Владимир Феофилович (1874–1954) — общественно-политический деятель, журналист, юрист. С 1920 г. в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, секретарь Союза русских адвокатов во Франции, один из организаторов (1921), затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, член редколлегии газеты «Русская мысль» (с 1947 г.).

⁵ Первый номер сборника открывался статьей Адамовича о возвращении к мирному времени: «Надо быть, как все. Но вдруг пронизывает мысль: как — после всего, что случилось? Пять лет тому назад я так же сидел, вот на таком же кожаном диване, и так же говорил с человеком, которого называл своим другом, о тех же стихах, том же Пушкине? А после этого его сожгли в печке? И я это знаю?» (*Адамович Г. Возвращение // Встреча. 1945. № 1. С. 2–3*).

⁶ *Банко* — персонаж пьесы Шекспира «Макбет», после того как был убит Макбетом, явился на пир в виде духа и занял место Макбета.

⁷ Неустановленные лица.

8. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

12 февраля 1946 г. Париж

12/II-46
39, rue Pascal
Paris 13^e

Дорогой Марк Александрович

Б.К. Зайцев передал мне посылку, присланную Вами для меня на его адрес. Не знаю, как Вас благодарить за память, за внимание, за доброе отношение. Но скажу еще раз, и поверьте, совершенно искренне: Ваше внимание меня смущает! Не заставляйте же меня больше, дорогой Марк Александрович, это смущение испытывать. Как все, что Вы прислали, здесь ни ценно, все же я человек одинокий, проживу и без этого. Пишу и чувствую, что звучит лицемерно. Но поверьте, лицемерия нет, а просто мне неловко принимать подарки. Я Вам глубоко признателен, и все же не могу от чувства этой неловкости избавиться. Но *merci de tout coeur*¹. Когда Вы приезжаете? Слышал, что к концу весны? Верно ли это и надолго ли? На днях я получил (вернее, достал), «Новый журнал», 9-я и 10-я книжки. Предыдущих я так и не видал. Но читал «Истоки» не отрываясь, хотя и поневоле сразу с середины. Увлекательны не факты, а то, что Вы говорите о людях — о Чернякове², например. Это типичный образец Вашей «жертвы», и скольким таким Черняковым, не плохим и не очень глупым, в сущности, людям, должно быть страшно с Вами встречаться. Когда-то я об этом с Вами говорил — по поводу Кременецкого³ — и Вы со мной как будто не соглашались. Но едва ли Вы были правы. Необыкновенно интересно у Вас, впрочем, все — в частности, о Ал<ександре> II. Да и весь журнал хороший (кроме стихов, по-моему⁴). Вы меня когда-то в него приглашали. Если наши политические «расхождения» — более внешние и формальные, чем подлинные, вероятно — не являются для Вас препятствием, я все мечтаю написать большие воспоминания о доме Мережковских и о них самих⁵. При жизни З.Н. <Гиппиус> я не мог бы этого сделать, как я ни был ей предан. А дом и атмосфера были все-таки *unique au monde*⁶, хотя и с множеством комического.

До свидания, дорогой Марк Александрович, — и, надеюсь, скорого! Передайте мой привет и низкий поклон Татьяне Марковне.

Вам, вероятно, все более или менее известно о Париже. Бунин был очень болен, но поправляется. А вообще-то здесь не только «конец литературы», но даже и конец бриджей. Монпарнас пытался ожить, но тщетно.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Спасибо от всего сердца (*фр.*).

² Персонаж романа Алданова «Истоки», профессор-либерал.

³ *Кременецкий* Семен Исидорович — персонаж романной трилогии Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». Рецензируя номера «Современных записок», в которых печатались главы трилогии, Адамович несколько раз останавливался на образе Кременецкого, пока-

завшемся ему чрезвычайно удачным: «Не перестаем мы удивляться Семену Исидоровичу Кременецкому, этому русскому мосье Омэ из “Мадам Бовари”, этому шедевру “типичности”! Когда-нибудь будут говорить “Кременецкий”, как теперь мы говорим “Обломов”» (Адамович Г. По поводу «Пещеры» // Последние новости. 1936. 28 мая. № 5544. С. 2).

⁴ В 9-м и 10-м номерах «Нового журнала» были опубликованы стихи Г. Голохвастова, Т. Остроумовой, В. Набокова и Т. Тимашевой.

⁵ Адамович опубликовал немало статей, заметок и мемуарных фрагментов о Мережковских, но «больших воспоминаний» так и не написал. Подборку см.: «...А в книгах нет почти ничего»: (Г.В. Адамович о Д.С. Мережковском) / Предисл. и сост. О.А.Коростелева // Литературная учеба. 2008. № 2. Март — апрель. С. 163–190. Гораздо более полный вариант: URL: <http://www.emigrantika.ru/publications/687-adammer>.

⁶ Единственные в мире (фр.).

9. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

6 марта 1946 г. Нью-Йорк

6 марта 1946

Дорогой Георгий Викторович.

Особенно рад был на этот раз Вашему письму, так как опасался, что, быть может, Вы на меня за что-либо сердитесь (хоть вины никакой за мной как будто нет). Вы ведь на последнее мое письмо не ответили. Это то письмо, в котором я писал, что к Ставрову никто здесь ни малейших враждебных чувств не имеет, а я всего менее, что Лит<ературный> фонд отправляет ему посылки и т. д.

Сердечно благодарю Вас за лестный отзыв об «Истоках». Вы отлично знаете, что Ваше мнение имеет для меня очень большое значение. Точнее, мне во всей эмиграции по-настоящему интересно мнение шести-семи человек. Но Бунин или Сирин, боюсь, мне своего искреннего мнения и не сказали бы (как я не сказал бы, каюсь, им, если бы мне их произведение не понравилось). Вы же критик и по профессии, — самый смысл ее *требует* искреннего суждения. Вы, верно, раз навсегда себе сказали, что не будете считаться с «обидами» и т. п.? А так как знатоков искусства, подобных Вам, немного, то Вы легко поймете, как Ваше суждение для меня важно. Но вот, ей-Богу, мне трудно поверить, будто Черняков у меня избражен в непривлекательном свете (Кременецкий — другое дело). Нет, я его своей жертвой не считаю.

Теперь дело. Мы много раз просили Вас принять участие в «Новом журнале». Просили еще тогда, когда его редактировали Цетлин и я. Михаил Осипович умер. Я умолил проф. Карповича стать главным редактором. Он согласился. Я еще ему помогаю, но все решает он. Михаил Михайлович чрезвычайно Вас почитает. Позавчера он приехал из Кембриджа в Нью-Йорк. Я сообщил ему, что Вы предлагаете нам статью. Это очень его обрадовало. Тогда я ему сообщил сюжет, который Вы предлагаете: «Дом Мережковских». У Михаила Михайловича вытянулось лицо: Вы выбрали, кажется, *единственный* неприемлемый сюжет! Не знаю, попался ли Вам мой некролог Мережковского в одной из первых книг «Нового жур-

нала»¹. Я написал о нем как о большом человеке и писателе. Бунин и Сирин были этим недовольны по линии чисто литературной, — это ничего. Но на меня ополчился весь Нью-Йорк по линии политической. Когда я писал этот некролог, мне (и никому другому) здесь не была известна политическая позиция Мережковского при Гитлере. И она всем стала известна вскоре после того, как эта книга журнала вышла². Мое мнение о ней (о прогитлеровской их позиции) Вам известно — и, вероятно, не очень отличается от Вашего. Однако я человек терпимый и, хотя с большим напряжением, мог бы отделить политику от литературы — по крайней мере, в известных пределах. Но, во-первых, согласитесь, «известные пределы» тут были перейдены. А во-вторых, не все так терпимы или так равнодушны, как я стал на старости лет. Появление хвалебной статьи о Мереж<ковском> и Гиппиус теперь здесь вызвало бы скандал, — какие оговорки Вы ни сделали бы. Ее большой ум и талант всем известны. Тем не менее *эта* тема для «Нового журнала» не подходит. Карпович умоляет Вас дать что-либо другое³. Я к этому присоединяюсь. Говорю все это Вам конфиденциально.

Не совсем понял Ваши слова о «конце литературы» в Париже. Надо ли понимать: *русской* эмигрантской литературы? Почему бы кончиться литературе французской? К ней пополнение может поступать правильно, как во времена органические. Следите ли Вы за литературой американской? Хемингуэй, Стейнбек и, по-моему, особенно Марканд⁴ — писатели огромного таланта.

Пишете ли Вы что-либо большое? Грех Вам — если не пишете. Говорю это — не в первый раз — совершенно искренне.

Татьяна Марковна очень Вам кланяется, — она тоже большая Ваша почитательница. Недавно говорила мне, читая американский литературный журнал: «А все-таки Адамовича у них нет». Это верно. Хотя есть прекрасные критики (Эдмунд Вилсон, например).

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Извините бессвязное письмо, я замучен, и теперь второй час ночи.

¹ В некрологе Алданов взял далеко не всегда ему присущий восторженный тон: «Это был человек выдающегося ума, блестящего литературного и ораторского таланта, громадной разностороннейшей культуры, — один из учнейших людей нашей эпохи» (Алданов М. Д.С. Мережковский // Новый журнал. 1942. № 2. С. 368).

² Когда и как именно до США дошли известия о позиции Мережковских во время войны, исследователи продолжают гадать до сих пор, см., напр., статьи Ю. Зобнина. Посмертная публикация Мережковского в парижской коллаборационистской газете появилась двумя годами позже некролога, написанного Алдановым (Мережковский Д. Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. 8 янв. № 81).

³ В результате сотрудничества Адамовича с журналом началось лишь через десять лет: Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87.

⁴ Маркенд (Marquand) Джон Филлипс (1893–1960) — американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии (1937). Адамович вскоре опубликовал большой, растянувшийся на два номера, обзор американской литературы, в котором основное место уделил Фолкнеру, Хемингуэю и Стейнбеку, лишь упомянув Маркенда: Адамович Г. Новая американская литература // Русские новости. 1946. 26 апр. № 50. С. 6; 10 мая. № 52. С. 4.

10. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

5 апреля 1946 г. Париж

Paris 13^e
39, rue Pascal
5/IV-46

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за письмо. Очень был рад ему. Хотелось бы мне продолжить спор насчет Чернякова — но спор был бы слишком долгий. Может быть, он и не Ваша «жертва», и я был не прав, но он до того человек «средний», что каждому читателю хочется быть хоть на волосок выше и больше его. И его «средность» Вы ведь все время даете чувствовать! Простите за спор с автором. Но — без малейшей лести — Вы слишком большой художник, чтобы отвечать за созданных Вами людей больше, чем Господь Бог отвечает за своих. А у Господа Бога бывают, вероятно, сюрпризы.

Насчет статьи о Мережковских. Это был un projet vague¹, не больше, и если придумаю, я с удовольствием напишу что-нибудь другое. Но о Мережковском я ничуть не собираюсь писать хвалебно, нет — скорее с удивлением, чем с восхищением. Увы, никак не могу согласиться, что он был «большой человек» (или писатель). Но был человек удивительно-странный и с редким, по-моему, неопределенно-пророческим чутьем, в писаниях его почти не сказавшимся². А американские непримиримые страсти меня, между прочим, тоже удивляют! Тут у нас все на все склонны махнуть рукой, и хотя Ваша позиция достойнее, наша для меня понятнее. Вероятно, до Вас доходят из Парижа и нотки другого тона, но, поверьте, мои с каждым днем gagnent du terrain³. Утешение мое и радость — Бунин. Вы его тоже любите, и я рад, что мы согласны, какой это очаровательный человек и умница. Я его недавно, подвыпив, стал спрашивать, считает ли он себя все-таки хуже Толстого — и он, хотя тоже после десятой рюмки, всячески отвиливал от ответа, а потом глухо и сердито пробурчал: «Ну, хуже, хуже, ну так что из того?» Кстати — у меня есть два приятеля, которые очень бы хотели Вашего литературного покровительства: один хочет явно и откровенно, Варшавский, с просьбой за него перед Вами вступить, а другой — Яновский — по-видимому, по письмам обижен недостаточным общим признанием. Это «строго конфиденциально», конечно. Яновский человек заносчивый и несчастный, Вы, впрочем, видите его сами. По-моему, у него есть дарование. А Варшавский — по-настоящему чист, вдумчив, серьезен и искренен. C'est beaucoup⁴. Да, еще кстати: Яновский мне пишет, что Вы поддержали мои дела в Лит<ературном> фонде или не знаю где⁵. Я ничего не просид, но если они склонны что-либо для меня сделать — я очень, очень благодарен. Благодарю Вас за доброе содействие. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и надеюсь скоро видеть здесь. Низкий мой поклон и привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Неопределенный проект (*фр.*).

² Спустя несколько лет Адамович записал и опубликовал эти свои мысли и ощущения: «Мережковский был и остается для меня загадкой. Должен сказать правду: писатель он, по-моему, был слабый, — исключительная скудость словаря, исключительное однообразие стилистических приемов, — а мыслитель почти никакой. Но в нем было “что-то”, чего не было ни в ком другом: какое-то дребезжание, далекий, потусторонний отзвук, а отзвук чего — не знаю... <...> А в книгах нет почти ничего» (*Адамович Г. Tabletalk // Новый журнал. 1961. № 64. С. 104*).

³ Завоевывают позиции (*фр.*).

⁴ Это много (*фр.*).

⁵ Среди сохранившихся писем Яновского Адамовичу такого письма нет (см.: BAR. MS. Coll. Yanovsky); частично опубл.: *Адамович Г. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 121–151.*

11. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

16 апреля 1946 г. Нью-Йорк

16 апреля 1946

Дорогой Георгий Викторович.

Получил вчера Ваше интересное письмо от 5-го, — опять стали медленно идти письма (а то доходили в 3–4 дня).

Действительно, не стоит в письмах спорить о Чернякове. Он и в самом деле по замыслу автора «средний» человек. Но я возражал не против этого: «жертвой» моей он, я думаю, не был, — почему же средний человек жертва? Во всей литературе девять десятых людей — средние люди.

Очень удивило меня Ваше сообщение о Яновском и Варшавском. Помилуйте, зачем же им нужно мое «покровительство» в «Новом журнале»?! Личные отношения у меня с ними прекрасные, а Карпович их лично не знает. Вл<адимир> Серг<еевич> прислал нам один очерк, и он тотчас был принят журналом¹. Вас<илий> Семенович в журнале напечатал довольно много, и, кажется, больше, чем кто бы то ни было другой, за исключением Бунина и меня («Истоки», правда, заняли много места, но они скоро кончаются). И сейчас журнал печатает пятьдесят страниц из романа Яновского (в 12-й и 13-й книгах)². Я их обоих ценю, с Варшавским мы как раз только что обменялись письмами, и я не думал, что он недоволен журналом. Если Вы не ошиблись, то — тяжелое дело редакторская работа. Как хорошо, что я теперь только помогаю Карповичу, а скоро и помогать перестану. Он отлично справляется с работой и, главное, любит ее, тогда как я терпеть не могу и иногда проклиная день и час, когда задумал «Новый журнал».

Вы, как и Бунин, и Сирин, находите, что я переоцениваю Мережковского. Думаю, что с *Вами* это у меня больше спор о словах. Может быть, «большой» слишком сильное слово («великих» писателей, по-моему, после Толстого и Пруста в мире вообще не было и нет, да и насчет Пруста еще «можно спорить»), но

«Толстой и Достоевский» — вещь замечательная, и в самом Мережковском, как Вы, впрочем, признаете, были черты необыкновенные. Помню, когда-то в разговоре со мной в Петербурге это признал М. Горький. Как самоучка, и самоучка немалому научившийся, он особенно ценил познания и культуру Мережковского. Повторяю, с *Вами* мы едва ли очень тут расходимся.

Теперь о «непримиримых страстях» в Америке. У меня их нет. После Зензинова и давно уехавшего отсюда Керенского я здесь наиболее терпимо отношусь к тем пяти-шести писателям, о которых идет речь. Я Вам (и другим) давно писал, что со временем все забудется и что это надо предоставить времени. Кажется, некоторые из них свою ненависть к Полонскому почему-то перенесли на меня? Я о них в печати не сказал (ни о ком) ни единого слова, и, ей-Богу, на старости лет менее всего думаю о «разоблачениях», «карах» вроде исключения из союзов и т. д. Но именно *Ваша* позиция мне неясна. Сюда писали (не мне), что Вы были чрезвычайно возмущены результатами недавних выборов в Союз журналистов³. Верно ли это? Я этому поверил, так как после выборов из союза ушел Кантор, которого Вы (как и я) очень высоко ставите и с которым в общественных делах согласны (Вы мне недавно об этом писали). Поскольку же дело идет о Берберовой, то ведь отрицательное отношение к ней здесь года четыре тому назад установилось в значительной мере именно вследствие *Вашего* чрезвычайно резкого письма о ней к Александру Абрамовичу⁴ и столь же резкого *Вашего* отзыва о ней в разговоре с Яновским в Ницце⁵. Ваши письмо и привезенный Яновским отзыв были, кажется, *первыми*, позднее последовали другие, много других⁶. Я этого никому не говорю и не пишу, но ведь это так. Мне казалось, что я в этом вопросе был много снисходительнее (или много равнодушнее) Вас. Если бы я теперь жил в Париже, то поступил бы как Бунин: ни в каком списке моего имени не было бы. Я никого не хочу ни «топить», ни «обелять», — меня это совершенно не волнует. Повторяю, надо это предоставить времени. Если бы «виновные» сами признали свою тяжелую ошибку, меня это с ними примирило бы. Если же был бы какой-то суд чести, то я, вероятно, высказался бы за «порицание» (разумеется, действительно виновным) с указанием на то, что, в конце концов, никто из писателей не обязан разбираться в морально-политических делах и все «подсудимые» имеют право на снисхождение и отпущение грехов. Что же до той «чашки чаю» со слезами, о которой Вы мне не так давно писали (в некотором противоречии с тем, о чем я говорю выше: Ваше письмо и разговор с Ян<овским>), то я продолжаю думать, как и писал Вам тогда в ответе на Ваше письмо, что лучше еще подождать. Все это говорю Вам конфиденциально. И буду очень благодарен, если Вы так же конфиденциально сообщите мне: 1) почему в союзе был забаллотирован Дон-Аминадо (Полонский, очевидно, за «разоблачения» и за требование «чистки»), 2) верно ли, что Вы были возмущены результатами (Ваше мнение имеет для меня большое значение), 3) почему ушел М.Л. Кантор?⁷ Очевидно, теперь будут два союза?⁸ Тогда можно предсказать, что один будет объявлен большевизанским, а другой «фашистским» или «коллорационистским», — я уже слышал такие разговоры. Очень это печально. Сирин (не по этому, впрочем, поводу) очень остроумно написал мне, что парижская эмиграция напоминает сливочную пасху, которой в

понедельник ножом стараются придать прежний вид. Жаль, если так. Я эту пасху в ее воскресном виде любил.

Теперь о деле. Уж я, право, не знаю, просить ли у Вас извинения или нет. Действительно, я внес в фонд предложение отправить Вам посылки и деньги. Все единогласно приняли это тотчас: Вас чрезвычайно ценят в фонде. Казначей, 76-летнему старику, предложено было «изыскать пути». Он месяца два искал и не нашел. Это действительно очень трудно, но он мог бы доложить, что не нашел! Этого он не сделал. Получив сообщение Яновского (что Вы денег не получили), я позвонил Николаевскому. Он справился у казначея. «Не послано!» Я взял это на себя и нашел путь, хотя и с трудом. Пожалуйста, через несколько дней после получения этого письма зайдите к Як<ову> Бор<исовичу> Полонскому, и он передаст Вам пятнадцать т<ысяч>. Если же выйдет какой-либо сюрприз, дайте мне знать тотчас. И прошу Вас никому об этом не говорить, — случай был исключительный, другого у меня не будет. Адрес Полонского: 2 рю Клод Лоррэн. Продовольственные посылки Вам тоже посланы, но давно: две Вы должны получить от Долгополова, а остальные по почте. Посылками у нас ведаёт Зензинов [пропуск в машинописи для вписывания адреса]. Увы, многие из них пропадают. В здешней французской газете «Виктуар» была об этом возмущенная статья под заглавием «Позор».

Относительно Бунина мы совершенно согласны. Очень забавно это Вы написали о Толстом.

«Новый журнал» надеется, что Вы сдержите обещание дать статью.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Срезал листок для веса (воздушная почта).

¹ *Варшавский В.* Первый бой // Новый журнал. 1946. № 14. С. 114–129.

² В первых номерах журнала Яновский опубликовал отрывок из «Портативного бессмертия» (1943. № 6. С. 135–155), «На полпути» (1944. № 9. С. 134–155) и роман «Американский опыт» (начатый в упомянутых Алдановым № 12 и 13, роман был завершен в № 14–15, 18–19).

³ Союз русских писателей и журналистов в Париже, существовавший в 1920–1940 гг., после войны возобновил свою деятельность. На общем собрании 16 марта 1946 г. сопатриоты (Н.Я. Роцин, А.Ф. Ступницкий, Д.М. Одинец) предложили обратиться в Москву с просьбой стать парижским отделением советского Союза писателей. Результаты общего голосования оказались не в пользу сопатриотов, председателем правления был избран Б.К. Зайцев, товарищами председателя С.П. Мельгунов и Р.Б. Гуль, казначеем и генеральным секретарем В.Ф. Зеелер. См. подробное описание этого собрания: *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк, 1981–1989. Т. 3: Россия в Америке. Нью-Йорк, 1989. С. 115–116. Слишком выраженная победа «правых» привела к череде конфликтов и расколов, а к 1951 г. деятельность союза почти совсем прекратилась на четыре года (общие собрания не проводились с 29 июня 1951 г. до 26 марта 1955 г.).

⁴ Осенью 1941 г. Адамович из Ниццы писал А.А. Полякову в недатированном письме: «Получил я от Ninon Берберовой открытку, что “теперь мы с Вами (т. е. со мной) на-

верно поссорились бы». Она, очевидно, предупреждает о перемене своих настроений и симпатий. Кое-что я об этом уже слышал. Не одобряю и даже “не прощаю”, как говорит Зинаида. Вы считали Нину умной женщиной, а я всегда сомневался: единственное для меня оправдание в этом» (BAR. MsColl. Poliakov. Box 1. Folder 1). Однако после войны от-казался от своих слов в письме к А.А. Полякову от 27 августа 1945 г.: «Не помню, кстати, писал ли я Вам что-нибудь о Ninon. Она меня упрекает, что я ее оклеветал. Я толком ничего о ней не знаю и знать не желаю. Если я Вам что-нибудь писал, то как сплетню — и, пожалуйста, не ссылайтесь на меня в разговорах о ней и о парижанах вообще. Здесь все друг друга травят, а правит бал, вместо сатаны, Полонский, чуть-чуть рехнувшийся, по-моему» (Там же).

⁵ Позже Яновский рассказал об этом в своих мемуарах: «Весною 1941 г. я встретился с Адамовичем в Ницце; он мне показал открытку от Фельзена: “Я теперь не бываю у Мережковских, — минорно оповещал Фельзен. — Там теперь бывают совсем другие люди”.

Кстати, тогда же Адамович мне рассказал об открытке, полученной недавно Буниным от Б<ерберовой>; она приглашала Ивана Алексеевича вернуться из свободной зоны в Париж, уверяя, что “теперь объединение всей русской эмиграции вполне возможно”.

— Стерва, еще подводит идейную базу! — решили мы, посмеиваясь» (*Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 51*).

⁶ См. об этом: *Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141–173*; см. также приложение к публикации: *Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946) / Вступ. ст. М. Шраера; публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 101–108*.

⁷ См. объяснение Адамовича в след. письме.

⁸ Алданов очень верно понимал ситуацию. Вскоре в эмигрантских газетах было объявлено о возникновении инициативной группы по созданию Профессионального союза русских журналистов и писателей (См.: *Русские новости. 1946. 26 апреля. № 50. С. 5*), но эта инициатива увяла, не принеся результата. Юридически союз не раскололся на два, но позиции его членов примирить не удавалось еще долго, так что трения продолжались не один год, сопровождаясь фракционной борьбой и периодическими исключениями не-угодных (то настроенных просоветски, то коллаборантски).

12. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

8 мая 1946 г. Париж¹

[начало письма не сохранилось]

Полонский — вероятно, не только за это, а из-за количества нажитых им врагов. Кантор на собрании не был, имя его значилось в обоих списках — а ушел потому из Правления, что не хотел быть с «правым» большинством, возглавляемым сейчас Зайцевым. Теперь, очевидно, будет два Союза плюс Объединение, где выборы сегодня вечером² и где страстей меньше, но тоже достаточно. Я вспоминаю Сологуба: «где люди, там скандал»³. Вы пишете, что моя позиция Вам неясна. Она неясна и мне самому — кроме скуки и удивления. Казалось бы, кому и жить в мире, как не писателям, — а вот подите же! И ведь каких-то счетов, не совсем *apomables*⁴, тут больше, чем принципов.

Впрочем, я сам тоже хорош! Вы пишете — конфиденциально — что дурная слава Берберовой началась в большой доле с моего письма Ал<ександру> Абр<амови>чу. Верьте мне или не верьте, я был твердо убежден, что никогда о ней ничего не писал — и на ее упреки неизменно ей клялся в своей невиновности! А оказывается, писал, да еще Бог знает что! Ничего не помню, ничего не понимаю, как это меня «угораздило» — и во всяком случае, очень жалею об этом. Это все отсутствие «шу», которое я часто с ужасом в себе вижу. К Берберовой у меня симпатии мало, но это совсем другое дело, да, в сущности, и не знаю я о ней ничего, кроме открытки 41 года, о которой Вам говорил. Она сейчас держится довольно комично, не в пример Ивановым, которые, по крайней мере, в резистанс не играют. А в Монте-Карло я на днях видел другого резистанта, Лифаря, который, по крайней мере, так глуп, что с него нечего спрашивать⁵. Балерины всегда жили с великими князьями, и у него психология приблизительно та же.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Еще раз от души благодарю Вас и шлю низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Согласно газетной хронике общее собрание Объединения русских писателей во Франции, на котором планировалось обсудить отчет правления, было назначено на 15 апр. 1946 г. в кафе «Грильон» на площади Дантона (см.: Русские новости. 1946. 12 апр. № 48. С. 6; Советский патриот. 1946. 12 апр. № 77. С. 3), но затем перенесено и проведено 8 мая 1946 г. (77, rue de Lourmel). Председателем правления был избран Г.А. Раевский, товарищами председателя Ю.Б. Софиев и П.С. Ставров, генеральным секретарем А.А. Гефтер, казначеем С.К. Маковский.

³ См. запись в дневнике Брюсова, сделанную в марте 1899 г.: «Перед ужином Сологуб вдруг обнаружил некоторое оживление. “Надо думать, что сегодня будет скандал”, — вдруг предрек он. “Почему? Что вы?” — “А это такая теорема: ‘где люди, там скандал’ ”» (Брюсов В. Дневники 1891–1910 / Подгот. к печ. И.М. Брюсовой; примеч. Н.С. Ашукина. [М.:] Изд-во Сабашниковых, 1927. С. 78).

⁴ аномальных (фр.).

⁵ Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) в период немецкой оккупации оставался в Париже и возглавлял Гранд-опера. Французы-резистанты обвинили его в коллаборационизме и приговорили к смертной казни, поэтому в 1944 г. Лифарь вынужден был уехать из Парижа и до 1947 г. возглавлял труппу «Новый балет Монте-Карло» («Les nouveaux Ballets de Monte-Carlo»), после чего вернулся в Гранд-опера, когда Национальный французский комитет по вопросам «чистки» снял обвинение.

13. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

26 августа 1946 г. Ницца¹

Понедельник, 26/VIII
6, avenue Gustave Nadaud
Cimiéz
Nice
Tel. 818-93

Дорогой Марк Александрович

Спасибо, что вспомнили обо мне и написали. Искал Вас два дня подряд на Promenade des Anglais около 6 ч. вечера — но тщетно! Сегодня и завтра я едва ли туда попаду, но на этой неделе непременно зайду к Вам в указанные Вами часы, если не встречу до того. Очень хочу Вас видеть.

Будьте добры передать мой искренний привет и поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Год дается предположительно (26 августа приходилось на понедельник в 1946 и 1935 гг.).

14. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

1 ноября 1946 г. Париж

Paris, 13^e
39, rue Pascal
1 ноября 46

Дорогой Марк Александрович

Вас, вероятно, удивит это мое письмо. Пишу я Вам после встречи с Георгием Ивановым и почти что по его просьбе.

Он очень тяготеет разрывом (или чем-то вроде разрыва) с Вами¹. Я ему говорил, что тут надо различать «общественное» и «личное» — как, помните, Гиппиус говорила Блоку после «Двенадцати», — но этот ответ для него, очевидно, неубедителен. Мне кажется, он за последнее время изменился, во всех смыслах. Вы его знаете — это странный и сложный человек, по-моему даже больной. Если в результате этого моего письма что-либо улучшилось бы в Вашем отношении к нему, я был бы искренно рад. Простите за самонадеянность — хотя, правду сказать, я ни на что и не надеюсь.

Шлю Вам самый искренний привет и крепко жму руку. Сколько времени Вы еще в Париже?

Ваш Г. Адамович

¹ В этом же фонде среди переписки с Адамовичем сохранился черновик письма Алданова Г.В. Иванову, датированный 30 октября 1946 г.: «Многоуважаемый Георгий Владимирович. Я сейчас нездоров и встретиться с Вами до отъезда не могу. Уезжаю в Италию, затем на Ривьеру. Мы можем встретиться месяца через два, если Вы тогда будете в Париже. Поверьте, что и без тяжелых “объяснений” (по делам, которые меня не касаются) я искренне желаю Вам всего самого лучшего. Преданный Вам М. Алданов».

15. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

7 мая 1947 г. Париж

Paris, 14^e
9, Boulevard Edgar Quinet
Hôtel du Montparnasse
7 мая 47

Дорогой Марк Александрович

Вчера я видел Ставрова, который мне передал, что Вы будто бы обижены тем, что я, будучи в Ницце, не зашел к Вам.

Правду сказать, мне не очень в эту обиду верится. Но я, во всяком случае, хочу объяснить Вам, в чем дело.

За время Вашего пребывания в Париже у меня создалось впечатление, что Вы никаких встреч ни с кем или почти ни с кем — не ищите. Виделись мы с Вами всего два раза. Зная Вас, я был уверен, что если бы я в Ницце выразил желание быть у Вас, Вы встретили бы меня с Вашим неизменным радушием и приветливостью. Но я не был уверен, что не нарушил бы этим, хотя бы и не надолго, тот образ жизни, который Вы избрали.

Вот и все, с полной откровенностью. Об этом я говорил и Ивану Алексеичу. А видеть Вас мне очень хотелось, и если бы не эти scrupules¹, — м. б. и излишние, — я, конечно, постарался бы с Вами встретиться.

Кстати, у меня было к Вам и дело. Я хочу написать в «Русс<ких> нов<остях>» статью об «Истоках»², о чем уже говорил и с редакцией. Не были ли бы Вы добры мне сказать, в каких номерах журнала был Ваш роман напечатан? У меня есть только разрозненные номера, и мне нужно бы знать, каких именно у меня недостает.

Крепко жму Вашу руку и шлю самый сердечный привет. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Сомнения (*фр.*).

² Адамович опубликовал статью об «Истоках» несколько месяцев спустя, в связи с выходом английского перевода романа: Адамович Г. Литературные заметки: М.А. Алданов. «Истоки» // Русские новости. 1947. 17 окт. № 124. С. 4.

16. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

10 мая 1947 г. Нью-Йорк

10 мая 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Я действительно был очень огорчен тем, что Вы не дали о себе знать, когда были на юге. Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что мне не хотелось Вас видеть. Если Вы помните, я в прошлом сентябре, пробыв в Ницце лишь несколько часов, просил Вас о свидании на вокзале. В Париже действительно мы встречались не часто, и я об этом искренно сожалел, о чем говорил и Бунину. В Ницце же встречи с Вами были бы особенно приятны, так как здесь нет парижской сутолоки и спешки. У меня, по крайней мере, здесь знакомых почти нет.

Мне будет чрезвычайно приятно узнать Ваше мнение об «Истоках». Был несколько удивлен Вашим сообщением, что Вы намерены поместить о них статью¹ в «Русских новостях»: думаю, что ко мне в этой газете относятся неблагоприятно. «Истоки» печатались во всех книгах «Нового журнала» от 4-й до 13-й за единственным исключением 5-й книги. Полные комплекты могут быть (не ручаясь) у Полонского, у Буниных, у Зайцевых. Забавно: роман этой осенью выходит по-английски² у Скрибнера³, появится, конечно, и на других языках, а оригинал издать трудно. Знаете ли Вы, что в 1920–23 году в разных странах эмиграции было более *шестидесяти* русских издательств? Теперь фактически остались «ИМКА» и «Возрождение», да и они, кажется, выпускают по три с половиной книги в год. Подождем, как говорится, лучших времен. Я очень Вам признателен за внимание к «Истокам».

В надежде скоро Вас увидеть шлю самый сердечный привет. Т<атьяна> М<арковна> присоединяется. Пожалуйста, кланяйтесь Ставровым.

---

¹ Появившаяся через несколько месяцев статья была приурочена к выходу английского перевода романа: *Адамович Г.* Литературные заметки: М.А. Алданов. «Истоки» // Русские новости. 1947. 17 окт. № 124. С. 4.

² *Aldanov M.* Before the deluge / Trans. from the Russian by Catherine Routsky. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1947.

³ *Издательство Скрибнера* (более полное и точное название «Чарльза Скрибнера сыновья»; «Charles Scribner's Sons») — одно из старейших американских издательств, основанное в 1846 г. В то время (1932–1952) его возглавлял Чарльз Скрибнер III (1890–1952).

17. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

15 июля 1947 г. Нью-Йорк

15 июля 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Вашу книгу, сердечно Вас благодарю. Обычно я отвечаю благодарственным письмом тотчас по получении книги (сегодня написал Жюлю Берто¹ и полковнику Анри Каре²), но Вам не хотел ответить, пока не прочту «Л-отр Патри»³. Прочел не «в один присест», а в несколько, в течение нескольких дней. Книга Ваша поистине сверкает умом и талантом на каждой странице. Надеюсь, Вы этому поверите (хотя мне, как и Вам, случается говорить и неискренние комплименты). Умолите Вашего издателя, чтобы он сделал все возможное для распространения книги: она имеет, по-моему, все шансы на очень большой успех. Послали ли Вы ее видным французским писателям?

По существу книги писать в письме невозможно. Вдобавок, Вы скоро должны быть в Ницце? Я даже не уверен, дойдет ли до Вас письмо. Все же хотел бы сказать несколько слов. Не о политической части книги (ведь в ней есть и политическая часть): каждое Ваше «политическое утверждение» сопровождается неизменно оговорками и контр-оговорками, очень затрудняющими спор, да у меня и нет охоты к политическим спорам. На стр. 243 Вы высказываете те же мысли, какие в моем «Начале конца» высказывал в конце Вислиценус (юг, солнце, книги), и я слишком понимаю эти мысли и чувства для того, чтобы их опровергать: предоставим это Вишняку или Тихонову, для кавалерийской атаки справа или слева (слева, по-моему, Вишняк). Это отнюдь не значит, что я разделяю такие настроения. Просто политика внушает мне нечто весьма близкое к отворачиванию при полной уверенности в том, что отворачивание надо в себе преодолеть. Только как это сделать? Добавлю, что Ваши страницы 247–255 — лучшее, что я читал о советской литературе.

Удивило же меня (очень) обилие в Вашей книге того, что Вы называете на стр. 187 *les reflets galiléens*⁴. У Вас бывали эти «рефлэ» и в прошлом, но я не думал, что они в Вас так сильны. Удивление мое — приятное, хотя я человек неверующий. Если бы покойный Мережковский ушел в монастырь, то это, несмотря на тысячи страниц, написанных им о христианстве, удивило бы меня в такой же мере, как если бы в монастырь ушел Эренбург, писавший тридцать лет тому назад недурные католические стихи. А насчет Вас не поручусь. Я, конечно, шучу. Все же Вы преувеличиваете, говоря (стр. 197), будто православие опередило католицизм и даже очень сильно *sur la voie des Lévités*!⁵ Помилуйте, возможно ли это? Говорю со стороны, но вопрос меня интересует.

Ваши замечания о России в громадном большинстве чрезвычайно умны и тонки. Однако (это единственное мое *критическое* замечание) и у Вас, даже у Вас есть склонность к особому роду «ам слав». Хочу пояснить свою мысль. По-моему, наряду с классической французской «ам слав», над которой у нас только ленивый

не смеялся, т. е. наряду с гранд дюшесс Сашка, есть еще *русская* «ам слав», выдуманная русской же интеллигенцией, приписывающая русскому человеку свойства, совершенно для него не обычные или присущие ему не в большей степени, чем другим людям. Не скажу даже, чтобы эти свойства были такие уж лестные, но они почему-то нравятся национальному самолюбию. Всякие бездонности и бескрайности — это тоже гранд дюшесс Сашка. За единственным исключением Достоевского (да и то), ни один большой русский писатель не был «крайним» ни в философии, ни даже в политике. Вы скажете, Толстой. Но все-таки положите на одну чашу фантастических весов его публицистику, а на другую — остальное. Ведь все-таки Пушкин, Гоголь, Тургенев, Тютчев, Гончаров, Герцен (даже он), Писемский, Салтыков, Островский, Чехов были либо либералы разных оттенков, либо умеренные консерваторы. (Хотел было добавить Лескова, чтобы следовать мо-д-ордр⁶, общему и в Москве, и в русском Париже, и в русском Нью-Йорке, но недавно прочел снова «Соборяне» и «Некуда» — и, ей-Богу, не могу!) «Крайние» персонажи в русской литературе — это Рахметов и, пожалуй, боголюбивый откупщик Муразов⁷, но им во всех отношениях грош цена. Таково же, по-моему, общее правило и в других областях русской культуры от Ломоносова и обычно забываемого Сперанского до Михайловского, В. Соловьева и Милюкова. Бури же и бездонности больше всего любил горьковский буреветник (да еще Иванов-Разумник). Да и сам бескрайний Достоевский в письмах обычно очень ограничивал все свои бездонные глубины, частью, кстати сказать, им заимствованные на буржуазном Западе. Оговариваюсь: Вы в Вашей книге не так уж много места бескрайностям и уделяете, но маленький грех в этом отношении есть и у Вас. Надеюсь, Вы на меня не рассердитесь? Я так высоко ценю Вашу книгу, что могу это сказать.

Заодно и два педантических замечания: к стр. 133 — пушкинская речь Достоевского была сказана ведь в 1880 году, а не в 1881-м, к стр. 115 — Достоевский умер ДО начала царствования Александра III. Я не сомневаюсь, что Ваша книга выйдет и вторым изданием, обмолвки можно будет исправить.

Когда же Вы приедете в Ниццу? Дайте о себе знать. Часа в 4 дня я почти всегда дома.

Татьяна Марковна очень Вам кланяется (уже просила меня дать ей Вашу книгу).

Шлю самый сердечный привет.

Очень благодарю Вас за любезные слова обо мне в книге.

Я не знал слов Толстого о «Братьях Карамазовых»: «В этом есть что-то еврейское»⁸. Откуда это? Замечание очень тонкое и глубокое, но, вероятно, оно относилось к некоторой истеричности романа, а не к философской бездонности, которую Толстой недолюбливал и которая, по-моему, не более свойственна еврейской литературе, чем русской. Это не мешает Вашему сопоставлению быть очень интересным (антисемиты будут недовольны). Кстати, Паскаля Вы критикуете (блестящая страница Вашей книги, одна из многих превосходных) никак не с «русской» (в Вашем смысле слова) точки зрения; но не могу понять, почему Вы при этом называете глупой критику Вольтера, по существу очень близкую к Вашей.

¹ *Berto* (Bertaut) Жюль (1877–1959) — французский писатель и литературовед. По всей вероятности, он прислал Алданову одну из своих книг, которых у него в 1947 г. вышло сразу несколько (с переизданиями): *Bertaut J. Madame Récamier*. Grasset, 1947; *Idem. Le pere Goriot de Balzac*. P.: S.F.E.L.T., 1947; *Idem. Visages romantiques*. P.: J. Ferenczi, 1947; *Idem. L'époque romantique*. P.: Tallandier, [1947].

² Не удалось найти сведений.

³ Адамович послал Алданову свою французскую книгу: *Adamovitch G. L'autre patrie*. P.: Eglhoff, 1947.

⁴ галилейские отражения (*фр.*).

⁵ на пути левитов (*фр.*).

⁶ От *фр. mot d'ordre* — лозунг.

⁷ *Рахметов* — персонаж романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»; *добродетельный откупщик Муразов* — персонаж второго тома «Мертвых душ» Гоголя.

⁸ В мемуарном очерке «Лев Толстой» Горький писал: «О Достоевском он говорил неохотно, натужно, что-то обходя, что-то преодолевая.

— Ему бы познакомиться с учением Конфуция или буддистов, это успокоило бы его. Это — главное, что нужно знать всем и всякому. Он был человек буйной плоти. Рассердится — на лысине у него шишки вскакивают и ушами двигает. Чувствовал многое, а думал — плохо, он у этих, у фурыеристов, учился думать, у Буташевича и других. Потом — ненавидел их всю жизнь. В крови у него было что-то еврейское» (*Горький М. Собр. соч.*: В 18 т. М., 1963. Т. 18. С. 83).

18. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 декабря 1947 г. Нью-Йорк

24 декабря 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно поздравляем Вас с праздниками, шлем лучшие пожелания. Мы сегодня вечером будем у Мако¹. Как жаль, что Вы покинули Ниццу.

Вы мне как-то сказали, что, быть может, то французское издательство, которое выпустило Вашу книгу, согласилось бы издать и мою. Было ли бы Вам трудно их запросить — в общей, ни к чему не обязывающей форме? Я говорю о своей философской книге. План ее у меня сложился как будто окончательно. Она будет состоять из следующих шести частей:

1. D<ialogue> sur l'état d'esprit cartésien

2. D<ialogue> sur les idées russes (имею в виду старые философские идеи, а не большевистские)

3. D<ialogue> sur l'état d'esprit existentialiste

4. Le vrai chez Hegel, Cohen et Russell

5. Le hasard

6. La conception metaesthétique²

Первая часть уже написана (я все пишу прямо по-французски) и составила 85 страниц, — таких, как эта. Вторая и третья часть написаны начерно, а осталь-

ные только задуманы. Мне хотелось бы печатать эту книгу *выпусками* (т. е. каждую часть отдельно, хотя может быть одна нумерация страниц; иными словами, второй выпуск будет продолжать первый и т. д. Я знаю, что философские книги вообще не находка для издателей. Поэтому хотел бы соблазнить их дешевизной товара: они могли бы первый выпуск издать без обязательства издавать следующие, т. е. он обошелся бы им недорого; кроме того, я был бы готов — с проклятьями, конечно, — отдать им первый выпуск бесплатно: если они издадут, скажем, три тысячи экземпляров, то с них могут мне ничего не платить. В случае успеха платили бы, начиная с четвертой тысячи, тогда для второго выпуска условия были бы уже обычные, я получал бы гонорар с каждого экземпляра. Разумеется, права иностранных переводов, кроме тех, которые устроили бы они сами, должны остаться за мной. Первый выпуск я могу им послать немедленно. Но всецело полагаюсь на Ваше впечатление: если они скажут «пусть Алданов пришлет», а Вы вынесете впечатление, что они это говорят без желания напечатать книгу, то посылать не стоит, я лучше передам дело агенту. Очень ли это Вам затруднительно? Если да, то ничего им не говорите, и, разумеется, я несколько не обижусь. Если же скажете, то заранее сердечно благодарю, хотя возлагаю мало надежд на успех.

И еще одно. Моя книга философская, но в первом выпуске есть политические страницы; они не понравятся ни большевикам, ни антибольшевикам (такая уж моя судьба: Вишняк считает меня большевиком, а большевики — правым. В следующих пяти выпусках никакой политики не будет. Однако если Ваше издательство очень левое, то бесполезно посылать ему первый выпуск. Очень правым оно быть, очевидно, не может, так как выпустило Вашу книгу).

Мои «Истоки» совершенно неожиданно для меня имеют в Америке очень большой художественный успех. Я ежедневно получаю от бюро вырезок конверты с рецензиями, и они в громадном большинстве очень лестны. Были и ругательные отзывы, но в малом числе и не грубые. В общем, ни одна из моих книг нигде такой хорошей «прессы» не имела. Однако Скрибнер упорно мне не отвечает на просьбу сообщить, сколько экземпляров продано; это плохой симптом: мы с ним в хороших отношениях, и он не хочет меня огорчать. Боюсь, что продается книга неважно, тем более что во многих лестных рецензиях справедливо отмечалось, что роман трудный, особенно для иностранцев (извините «хвастовство»). Это вредит продаже больше, чем грубые рецензии. Пишу Вам обо всем этом, зная Ваше благожелательное отношение к моим писаньям, за которое еще раз очень, очень благодарю.

Вы мне не сообщили Вашего адреса, обращаюсь опять к любезному посредству Перикла Ставровича. Им искренний привет и лучшие новогодние пожелания.

Татьяна Марковна и я шлем Вам сердечный привет.

---

¹ Мако Сергей Александрович (1885–1953) — художник, после революции в эмиграции в Финляндии, затем во Франции, жил в Ницце, приятель Алданова и Адамовича.

² В русском варианте главы носили названия: «I. Диалог об аксиомах»; «II. Диалог о случае и теории вероятностей»; «III. Диалог о случае в истории»; «IV. Диалог о “красоте-дobre” и о борьбе со случаем»; «V. Диалог о русских идеях»; «VI. Диалог о тресте мозгов».

19. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

31 декабря 1947 г. Париж

1bis avenue de Montespan
Paris 16^e
31/XII-1947

Дорогой Марк Александрович

П.С. Ставров мне только вчера передал Ваше письмо, написанное 24 декабря. Отвечаю сегодня только для того, чтобы объяснить Вам свое молчание. В издательство пойду после Нового года — и тогда немедленно сообщу о результатах разговора. Мне нисколько не затруднительно — как Вы предполагаете — исполнить Ваше желание. Наоборот, я очень рад сделать это, а в частности, быть в какой-то мере Вашим литературным представителем для меня очень лестно.

Насчет «Истоков» — как видите, я оказался прав. Не забудьте, что мы держим пари о их успехе или неуспехе — я рассчитываю в августе на вкусный завтрак en qualité de gagnant¹.

Начал я писать с тем, чтобы поздравить Татьяну Марковну с Новым годом — а по рассеянности о делах заговорил раньше! Простите. Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние и сердечные поздравления и пожелания. Вы пишете, что в Сочельник собираетесь к Мако — и мне стало завидно, или, вернее, обидно, что я не в Ницце. С наслаждением провел бы вечер с водкой и разговорами о книге Виноградова (кажется) о Стендале².

Видели ли Вы Ивана Алексеевича? Он уехал отсюда в состоянии совсем плохом. И слышали ли Вы — думаю, что да — о письме Марии Самойловны? Если передача его стиля и содержания правильна (т. е. была мне сделана правильно), то это действительно давление американского капитала на Европу. Мне кажется, следовало бы сделать так, чтобы И.А. письмо это осталось неизвестно, оно его взволнует наверно, а ему это вредно. Но не напишете ли Вы американцам от себя? Вы, вероятно, единственный европеец, — хотя бы и временный — который может их убедить, что с Буниным так обращаться нельзя. Кстати, и entre nous³, он и в деле Союза писателей — не в пример Вере Николаевне — определенной позиции не занял и остался «меж двух стульев»⁴.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Спасибо за поздравление к праздникам. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Не думайте, ради Бога, что я «забыл» об остатке своего долга Вам. Cela me tracasse⁵, а денег все не хватает, и именно в тот день, когда хочу послать перевод. Не отвечайте мне ничего на это, п<отому> что отвечать и нечего, — правда?

¹ В качестве выигравшего (*фр.*).

² Роман Анатолия Корнелиевича Виноградова (1888–1946) о Стендале «Три цвета времени» впервые вышел еще до войны (М., 1931), а ко времени написания письма появилось пятое (последнее прижизненное) издание (М., 1945). Позже увидело свет переработанное издание (М., 1957), много раз переиздававшееся.

³ Между нами (*фр.*).

⁴ На собрании парижского Союза русских писателей и журналистов 22 ноября 1947 г. было выбрано новое правление и внесены изменения в устав, запрещающие пребывание в союзе лиц, имеющих советское гражданство, после чего из членов союза в знак протеста вышли ряд писателей, в их числе Г.В. Адамович, В.Н. Муромцева-Бунина, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, Ю.К. Терапиано, Г.И. Газданов. 11 декабря 1947 г. письмом в правление о своем выходе из союза заявил также И.А. Бунин. Подробнее см.: Хроника // Русская мысль. 1947. 29 нояб. № 33; Распад Союза журналистов // Русские новости. 1947. 5 дек. № 131; 26 дек. № 134. Узнав об этом, М.С. Цетлина 20 декабря через Б.К. Зайцева отправила Буниным разрывающее отношения письмо в незапечатанном конверте, сделал его, таким образом, достоянием общественности. Получив письмо, Бунин 1 января 1948 г. написал ответ, разослав копии нескольким друзьям, в том числе Адамовичу (одновременно свой ответ Цетлиной написала и В.Н. Бунина). О подробностях инцидента см.: Дубовиков А.Н. Выход Бунина из парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 398–407; Пархомовский М.А. Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 310–325.

⁵ Это меня беспокоит (*фр.*).

20. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 января 1948 г. Париж

Paris, 28 января 1948

1bis avenue de Montespan, XVI

Дорогой Марк Александрович

Простите, что отвечаю Вам на Ваше деловое письмо с таким опозданием. Но моей вины тут нет. Как я, кажется, уже сообщал Вам, заведующий издательством был в отсутствии, а потом заболел гриппом на три недели. Сам Egloff¹, хотя и в Париже, но робок, как дитя, и ни в какие переговоры лично не вступает.

LUF² в принципе были бы рады издать Вашу книгу — и, думаю, на лучших условиях, чем те, на которые Вы заранее соглашаетесь. Т. е. о бесплатной передаче им первого выпуска нет речи, и я им об этом не говорил. У них много денег (хотя деньги в Швейцарии, и из-за этого бывают затруднения), и мне кажется, что дешевой изданием их соблазнять не следует.

Но надо дать им прочесть рукопись. Вы говорите, что если у меня сложится впечатление, что говорят они это так, без большой охоты взять книгу — то лучше откровенно Вам это сообщить. Нет, у меня впечатление получилось другое: книга их интересует, хотя ее философское содержание их, может быть, слегка и смущает (т. е.

степень ее доступности и «читабельности»), вернее всего, смущает их политическая сторона при условии, что книга не представляет собой что-либо узко-партийное и сектантское. Я их уверил, что этого в книге наверно нет, а ко всяким политическим увлечениям или склонностям, правым или левым, они одинаково терпимы.

Вот, кажется, все, дорогой Марк Александрович. Если Вы не изменили своего решения, пришлите мне Вашу рукопись — во всяком случае она будет в полной сохранности. Крепко жму Вашу руку и шлю поклон и сердечный привет Татьяне Марковне. Я Вам писал в прошлый раз о письме Марии Самойловны к Бунину со слов Тэффи³, не прочитав самого письма еще. Вижу, что оно менее грубо и финансово-возмутительно, чем я предполагал. Но и глупее, чем я предполагал. Я Вам очень завидую, что Вы в Ницце.

Ваш Г. Адамович

¹ Эглофф (Egloff) Вальтер (1909–1986) — швейцарский и французский издатель и книготорговец, в 1935–1944 г. владел издательством LUF в Швейцарии, после освобождения Парижа открыл во Франции издательство «Egloff». Подробнее см. некрологи: *Chuard C. Walter Egloff n'est plus // La Liberté*. 1986. 15–16 mars. P. 24; *Landau E.-M. In memoriam Walter Egloff // Bulletin de la Société Paul Claudel*. 1986. № 103. P. 21–22.

² LUF (Librairie de l'Université de Fribourg) — издательство Фрибургского университета (Швейцария). См. каталог: *Walter Egloff et la L.U.F. (1935–1953): Une librairie idéale, une aventure éditoriale: catalogue de l'exposition: Fribourg, Bibliothèque cantonale et universitaire, du 24 septembre au 23 octobre 1999 / Textes réunis par M. Dousse et S. Roth; Préf. par M. Nicoulin. Fribourg, 1999.*

³ 8 января 1948 г. Тэффи писала Бунину: «Ужасно взволновало меня письмо Марьи Самойловны, о котором гудит весь Париж. Эдакая дурища! Понимает ли она, что Вы потеряли, отказавшись ехать? Что Вы швырнули в рожу советчикам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа сразу Вашим именем, и станция метро, отделанная малахитом, и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! — Писатель, академик, Нобелевская премия — бум на весь мир! И все швырнули им в рожу. Не знаю — другого, способного на такой жест, не вижу (разве я сама, да мне что-то не предлагают, то есть не столько пышности и богатства). <...> Меня страшно возмутила Марья Самойловна. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами: Шура, Ангелина, сам толстопузый Прегель “отдает должное советским достижениям”. Пишу бессвязно, но уж очень меня возмутила ее выходка. Эдакая дура наглая» (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Бунинными. 1939–1948 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // *Дiaspora*. [Вып.] 2. СПб., 2001. С. 548–549).

21. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

28 января 1948 г. Ницца

29 января 1948

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо. Я *чрезвычайно* Вам благодарен и буду совсем в восторге, если издательство примет выпуск. При сем его прилагаю. Не скрываю, что возможность не утратить агента поисками издателей меня очень соблазняет.

Пожалуйста, напомните заведующему, что издание прилагаемого первого выпуска НЕ обязывает его печатать следующие. В первом выпуске, который мне хотелось бы издать возможно скорее, будет, по-моему, от 100 до 150 страниц, в зависимости от того, захотят ли они разогнать книжку или сжать ее. Первые три выпуска написаны «легко», остальные три будут гораздо менее «читабельны», но уж совсем скучны, по немецкому профессорскому образцу, едва ли будут и они. «Политика» есть *только* в прилагаемом первом выпуске и, конечно, не «узко-партийная».

Мы в марте уезжаем в Нью-Йорк, хотя сведений о продаже «Истоков» я все еще от Скрибнера не имею. Буду рад угостить Вас завтраком, хотя бы было продано два с половиной экземпляра: так я рад художественному успеху романа в Америке.

Относительно письма Цетлиной, несмотря на свою долголетнюю дружбу с ней, я не могу не согласиться с Вами — безотносительно к великим и грандиозным событиям в Зеелеровском союзе, которому решительно нечего делать и в старом и новом составе. С тех пор как я стал стар и вдобавок ушел в философские книги, меня *такие* события не волнуют. Но, читая ее письмо, я только разводил руками. Добавлю, что, когда Иван Алексеевич поехал с визитом в посольство, она всячески его защищала!¹ Какая муха ее укусила теперь, — не знаю. Пишу Вам это «не для печати». Впрочем, Вы, верно, знаете, что Вера Николаевна написала Марье Самойловне очень резкое письмо (мне показала только часть его и *после* отправки). В ответ пришла от Цетлиной телеграмма: Reçu lettres. Merci (!) Explications suivent². Письма еще нет.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет, я еще раз очень, очень Вас благодарю. Буду с нетерпением ждать ответа.

Ради Бога, и не думайте о Вашем долге мне. Отдадите после моего возвращения из Нью-Йорка.

Если Вы прочтете первый диалог, то Вам он, вероятно, покажется легковесным и сбивающимся на статью. Не думаю, чтобы это было верно. Каюсь, я избрал форму диалога не только из-за своей двойственной «тезы» А и L (L сделал французом), но и для того, чтобы «занять» читателя и хоть немного заинтересовать его дальнейшим развитием «метаэстетической концепции», которая в первом диалоге лишь еле намечена. В дальнейшем изложение будет и развивать, и выяснять мысли, а форма станет более тяжелой, исторические анекдоты прекратятся. Простите нескромность того, что я говорю, и гадкое слово «метаэстетический».

---

¹ В нашумевшем визите группы видных эмигрантов во главе с В.А. Маклаковым к советскому послу А.Е. Богомолу 12 февраля 1945 г. Бунин не принимал участия, поскольку в то время находился в Грассе. Он посетил посольство осенью 1945 г. Событие это бурно обсуждалось в эмиграции, и в тот период М.С. Цетлина действительно была на стороне Бунина. Сам Алданов по этому поводу писал Г.П. Струве 26 января 1946 г.: «Визит Бунина меня весьма огорчил, — я этого от него не скрыл. Но он стар, болен, и я очень, очень его люблю. Поэтому стараюсь не слишком его упрекать. Здесь им многие возмущаются чрезмерно. Я тоже слышал, что он уже “жалееет”» (*Струве Г. Из моей переписки с писателями: Письма Г. Иванова, М.И. Цветаевой, М.А. Алданова // Мосты. 1968. № 13/14. С. 402.*)

² Письма получили. Спасибо. Объяснения следуют (*фр.*).

22. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

10 марта 1948 г. Париж

1bis avenue de Montespan
Paris XVI
10/III-48

Дорогой Марк Александрович

Вы, вероятно, удивлены моим долгим молчанием. Постараюсь Вам объяснить его — и передать в точности, как обстоит дело с Вашей рукописью.

Конечно, я виноват в том, что не написал Вам тотчас же по ее получении. С Вашего позволения я ее прочел, и должен сказать — прочел с живейшим интересом и восхищением. При таком чтении не требуется согласия с автором, да оно и не возможно полностью. Но диалог этот так блестящ qu'il force l'admiration¹ даже и при несогласии. И мне кажется, именно в блеске — его внутренняя скромность: другой писатель напустил бы тумана и лирики там, где Вы находите возможным быть все-таки causeur'ом², делая вид, что никаких «бездн» не касаетесь. Но не хочу надоедать Вам своим впечатлением. Простите и за эти строки.

А положение с рукописью такое.

В свое время я отнес ее в LUF, где она была передана Pierre Emmanuel'ю³, «литер<атурному> директору». У него как раз случилась язва в желудке (хотя это человек совсем молодой), и он уехал из Парижа. Вернулся он с неделю тому назад, «surchargé»⁴ всякими запущенными делами. Сегодня я у него был. Он встретил меня какой-то неясной болтовней: с одной стороны — комплименты и восторги по поводу Вашей книги, с другой — толки о том, что у них программа издательства наполнена на годы вперед, что издатель Egloff недоволен количеством взятых рукописей, что он не может «ангажироваться» и т. д. В ходе разговора я что-то о Вашем диалоге сказал, т. е. сослался на какую-то сделанную Вами цитату. Он улыбнулся — «tiens!»⁵, — достал из одного из бесчисленных ящичков Вашу рукопись, стал перелистывать — и на добрых четверть часа погрузился в чтение. У меня создалось впечатление, — и едва ли я ошибся, — что он читает рукопись в первый раз и никакого понятия о ней не имеет. Подтверждает мое предположение то, что после этой четверти часа он попросил меня рукопись ему оставить и сказал, что он ее «перечтет», подумает и т. д. На этом мы расстались. Через несколько дней я должен ему телефонировать — он обещал дать ответ.

Вот, дорогой Марк Александрович, полный и точный отчет о Вашем деле. Простите за проволочку, но я тут ни при чем — как не могу принять ответственность и за «рассеянность» или не знаю, как это назвать, Пьера Эмманюэля. В этом издательстве нет lecteur'a⁶, он все допреж читает сам, и, по-видимому, читает кое-как, а то и не читает вовсе. Между прочим, в первой части нашей беседы он назвал мне имя издателя Flamenc⁷ (кажется, пишется так) и сказал, что, по его мнению, книгу следует предложить ему. Qu'en pensez vous?⁸ — если с LUF'ом так ничего и не выйдет.

Когда Вы уезжаете в Америку и будете ли скоро в Париже? Крепко жму Вашу руку и шлю низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ что он вызывает восхищение (фр.).

² собеседником (фр.).

³ *Эммануэль* (Emmanuel) Пьер (наст. имя Noël Mathieu; 1916–1984) — французский поэт, журналист, общественный деятель.

⁴ перегруженный (фр.).

⁵ вот как! (фр.).

⁶ чтеца (фр.).

⁷ Вероятно, Адамович записал неверно, такого издателя во Франции не было.

⁸ Что Вы об этом думаете? (фр.).

23. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

24 сентября 1948 г. Ницца

Nice

14 av. Fragonard

24/IX-48

Дорогой Марк Александрович

Вы, конечно, сами понимаете, как мне неприятно и неловко просить у Вас денег взаймы.

Не можете ли Вы одолжить мне 2000 fr. до начала будущего месяца? Я перед отъездом в Париж продам кое-какую мебель и отдам без «отсрочек». А сейчас у меня всякие медицинские расходы для сестры, et je suis très embêté¹. Если бы не крайность, поверьте — я не стал бы просить.

Сегодня часов в 6 вечера я приду в Grande Taverne, где мы были третьего дня. Может быть, Вы там будете? Раньше 6 часов у них, вероятно, будет закрыто из-за забастовки. Но может быть, и нет, не знаю точно — в газетах насчет café ничего нет.

Простите, дорогой Марк Александрович, что еще раз надоедаю Вам.

Ваш Г. Адамович

---

¹ и я весь в заботах (фр.).

24. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

14 января 1949 г. Ницца

14 января 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Моя сестра написала нам, что Вы прочли превосходный доклад¹. Сообщила к слову, что Вы два раза цитировали меня: о «Войне и мире», чему я чрезвычайно рад, и о том, что «Хаджи-Мурат» «последняя прекрасная вещь в русской литературе». Вероятно, моя сестра не совсем правильно передала Ваши слова: я говорил, что это последний великий роман в русской литературе. Я предполагаю (и надеюсь), что Ваш доклад будет полностью напечатан в «Р<усских> новостях»?² Если так, то очень прошу либо внести эту «поправку», либо, еще лучше, эту цитату из нашего разговора в статье выпустить. Я уверен, что Иван Алексеевич за себя обиделся бы. А Вы знаете, что он серьезно болен, и я избегаю всячески всего того, что могло бы его волновать: Вам известно, как я его люблю. Да и Вы тоже очень его любите.

Отчего же Вы, несмотря на Ваше обещание, так к нам больше и не зашли! Мы были очень огорчены. Не собираетесь ли опять в Ниццу? Не скажу, чтобы здесь было так хорошо, но я теперь как старый князь Болконский: везде плохо, но уж лучше всего этот уголок в диванной, за пианино³.

Шлем Вам самый сердечный привет.

Это письмо, конечно, «конфиденциально».

---

¹ 11 января 1949 г. в помещении Российского музыкального общества за границей состоялась устроенная Объединением русских писателей и поэтов публичная лекция Г.В. Адамовича «Перечитывая Толстого и Достоевского».

² Статья Адамовича с таким названием в «Русских новостях» опубликована не была. Возможно, именно суждения, изложенные в лекции, легли в основу нескольких фрагментов «Комментариев», в частности «Толстой и Достоевский...» и «Перечитываю — в который раз! — Достоевского...», опубликованных много позже в журнале (*Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 66. С. 87–88*). Во всяком случае, слова Алданова о «Хаджи-Мурате» Адамович привел именно в «Комментариях», правда, еще позже и в иной версии: «Великая русская литература кончилась на «Хаджи-Мурате»...» (*Адамович Г. Оправдание черновиков // Новый журнал. 1965. № 81. С. 79*).

³ Речь идет об эпизоде романа Л.Н. Толстого (Война и мир. Т. 3. Ч. 2. III), в котором мучимый бессонницей князь Н.А. Болконский выбирал, где попытаться заснуть: «Везде ему казалось нехорошо, но хуже всего был привычный диван в кабинете. Диван этот был страшен ему, вероятно по тяжелым мыслям, которые он передумал, лежа на нем. Нигде не было хорошо, но все-таки лучше всех был уголок в диванной за фортепиано: он никогда еще не спал тут» (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 109*).

25. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 января 1949 г. Париж

21 янв<аря> 1949
53, rue de Ponthieu
Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я был очень рад получить его.

Любовь Александровна <Полонская>, очевидно, не совсем точно передала мои слова о «Хаджи-Мурате». Я привел Ваше мнение: «это последняя великая вещь в русской литературе». Хорошо помню, что сказал именно «великая», а не «прекрасная» — и в качестве комментария добавил, что были вещи, может быть, и не хуже написанные, но не в этом дело... Должен признаться, что немножко уклонился от истины, сказав, что Вы говорили об этом в присутствии Бунина, который будто бы немедленно и без всякой обиды с Вами согласился¹. Но это — из области фантазии, по-моему правдоподобной. И для Бунина, мне кажется, скорей выгодной (т. е. рисующей его в хорошем свете), чем отрицательной, — правда? Впрочем, по рассказу В. Микулич, Лесков десять лет помнил, что она сказала ему «простите, вы все-таки не Толстой»², и сердился ужасно, хотя и старался уверить ее, что сердится только от ее предположения, будто он может себя и Толстого сравнивать. Но Ваши слова о «Хаджи-Мурате» имеют, по-моему, не тот смысл. Я, во всяком случае, представил их так, что на Т<олстом> кончился «золотой век русской литературы», а замечательные писатели и были, и еще будут.

Доклад мой нигде, ни всего менее в «Р<усских> нов<остях>», напечатан не будет. Во-первых — он не написан, и читал я его по конспекту, ужасно спутав и скомкав все о Достоевском (очень трудно о нем, особенно о тоне его, и тут я ничего не нашелся сказать из того, что вспомнил, вернувшись домой). А во-вторых — газете это не интересно, да и вообще, по отзывам «до» и «по» люди интересуются исключительно «новинками» и хотят быть au courant³, главным образом. Одна дама, впрочем, подошла и спросила: «Почему Вы не прочли что-нибудь другое... вот, например, о Малларме?» Отчего о Малларме — неизвестно. Даже не новинка.

Дорогой Марк Александрович, хочу воспользоваться случаем и спросить Вас о деле, ничего не имеющем общего с литературой.

Некоторые из моих друзей, зная положение моих дел, спрашивают меня: «Отчего вы не устроитесь переводчиком в ONU?»⁴ Мне сначала, и довольно долго, казалось это невозможным из-за необходимости жить в Париже и даже во Франции, — а теперь я думаю: почему, в сущности, невозможно? Сестру я мог бы устроить где-нибудь, если бы для того были средства. По наведенным мной справкам — все зависит от Григоровича-Барского⁵, живущего в Нью-Йорке. Он будто бы — персона важная, и надо найти к нему ход. Его знает Влад. Андр. Могилевский⁶, но я не уверен, что письмо от В.А. имело бы для него большое значение. Знаете ли Вы его? Если знаете, согласились ли бы Вы написать ему обо

мне и моем желании? Спрашиваю об этом только «теоретически», еще ничего не прося. Если Вы с ним не знакомы, кто, по-Вашему, мог бы ему написать? И какое вообще Ваше мнение об этом деле и возможности добиться успеха? Плохо то, что могу я быть переводчиком только russe-français и обратно. Английский я знаю плохо и не возьмусь быть не только interprète'ом⁷, но и traducteur'ом⁸. Переведешь не так Вышинского⁹, а потом будет война.

Буду очень благодарен за ответ. Как Вы живете в Ницце, куда я, кстати, с удовольствием переселился бы. Если бываете в Жуан, видите ли мою хозяйку Mme Frauin¹⁰, которая — судя по письмам ее — действительно не совсем «в себе»?

Шлю самый сердечный привет, дорогой Марк Александрович, и крепко жму руку. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

Я окончательно спугал орфографии. Простите, если пишу то по старой, то по новой.

¹ Опубликованный позже фрагмент «Комментариев» Адамовича начинался именно с этого вымышленного эпизода: «Алданов однажды сказал в присутствии Бунина: “Великая русская литература кончилась на ‘Хаджи-Мурате’...” Бунин покачал головой, поворчал: “Что-то, Марк Александрович, стали вы чересчур строги! Были и после Толстого неплохие писатели!” — но мне показалось, что ворчит он скорее так, для виду, чтобы не сразу сдаться, а на деле с Алдановым согласен» (Адамович Г. Оправдание черновиков // Новый журнал. 1965. № 81. С. 79).

² В. Микулич (Лидия Ивановна Веселитская; 1857–1936) пришла к Лескову познакомиться в январе 1893 г., начав знакомство словами: «Я знаю, что Вы больны и что Вы любите Льва Николаевича, и я пришла к Вам» (Микулич В. Встречи с писателями: Лев Толстой. Достоевский. Н. Лесков. Всеволод Гаршин. Л., 1929. С. 270).

³ в курсе (фр.).

⁴ ONU (Organisation des Nations Unies) — ООН (Организация Объединенных Наций).

⁵ Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958) — адвокат, общественный деятель, член ЦК Партии народной свободы (1916), старший председатель Киевской судебной палаты (1917–1919). С 1921 г. в эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Париже, один из организаторов и товарищ председателя совета Объединения русских адвокатов во Франции (1926–1939). В 1939 г. переехал в США, товарищ председателя Чикагского комитета Толстовского фонда (1941). Подробнее см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001 С. 271–272.

⁶ Могилевский Владимир Андреевич (1879–1974) — журналист, общественный деятель. За участие в акциях социал-демократов выслан за границу, вернулся в Россию в 1917 г., избран керченским, затем севастопольским городским головой. С 1920 г. вновь в эмиграции, администратор газеты «Последние новости». После войны управляющий делами издательства О.Г. Зелюка «Франко-русская печать» («La presse française et étrangère»).

⁷ синхронным переводчиком (фр.).

⁸ письменным переводчиком (фр.).

⁹ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — советский государственный деятель, с 1939 г. член ЦК ВКП(б), в 1949–1953 гг. министр иностранных дел СССР.

¹⁰ Квартирная хозяйка Адамовича в Париже (53, rue de Ponthieu) в 1949–1954 гг.

26. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

23 января 1949 г. Ницца

23 января 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Очень рад был Вашему письму. Значит, все в порядке. Но жалко, что Ваша лекция не будет напечатана. Немного Вы меня удивили тем, что сделали Бунина участником нашего разговора. Здесь был бы (при мегаломании) случай сказать: «вот как пишется история!» Бог Вас, однако, простит.

С Григоровичем-Барским я немного знаком: раза два видел его в Америке, на заседаниях этой самой Организации. Он говорил мне любезности, так что, может быть, отнесется к моей просьбе и внимательно, хотя я в этом далеко не уверен. С удовольствием напишу ему о Вас, но для этого мне нужно знать его имя, отчество и адрес. Вероятно, Вл<адимир> Андреевич знает. Сообщите мне, и я тотчас ему напишу. Должен Вам, однако, сказать следующее: 1) Он человек правых взглядов и к «Р<усским> новостям», вероятно, относится очень враждебно; а ему, конечно, известно, что Вы там пишете. 2) Все кандидаты в переводчики должны сдавать экзамены, и кандидатов там много. Экзамен как будто не поверхностный: один мой знакомый, поляк, прекрасно знающий французский и русский языки, не был принят. Однако дело не в этом, а в том, можно ли этот экзамен сдавать в Париже? Если да, то Вы ничем не рискуете. Если же экзамены сдаются теперь только в Нью-Йорке, то, конечно, Вы от Вашего плана откажетесь: не ехать же туда на свои деньги без уверенности в том, что место для Вас будет. Вероятно, в Париже еще остались какие-либо органы ОНЮ¹. Советую Вам там справиться. Быть может, это знает Ваш коллега К.К. Грюнвальд². Должна бы знать и семья Тхоржевского³: сын⁴ Ив<ана> И<ванови>ча именно переводчик в ОНЮ (кстати, я слышал, как он переводил речь Громыко⁵, — переводчик он совершенно изумительный). Неужели Вы согласитесь переехать в Нью-Йорк?!

У Буниных я бываю часто, но госпожу Фруэн не видал: Ив<ан> Ал<ексеевич> никого к себе не пускает, мы сидим у него в комнате, где он и завтракает, и обедает, так что из жильцов дома я никого не вижу. История с Союзом, мне давно смертельно надоевшая, его, Бунина, еще очень волнует. Напрасно он, по-моему, пишет и письма в редакцию, Яблоновскому, Зайцеву⁶.

Вот обрадуете, если приедете в Ниццу! Как прошла Ваша французская книга?⁷ Много ли работаете?

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет. Как только Вы мне напишете о сказанном выше, я постараюсь написать Григоровичу-Барскому возможно убедительнее. Не скрою, в успех верю мало. Там платят огромные жалованья, и поэтому лингвисты всех стран стараются туда попасть. Сын В.В. Вырубова⁸, служивший там в секретариате, говорил мне, что в ОНЮ скопилось двадцать тысяч прошений! (конечно, из них только небольшая часть относится к должностям «интерпрэтеров» и «транслэторов»).

¹ Эмигрантская калька с французской аббревиатуры ONU (Organisation des Nations Unies).

² *Грюнвальд* Константин Константинович (1881–1976) — до революции чиновник Министерства финансов. С 1919 г. в эмиграции в Лондоне, управляющий делами Русского торгово-промышленного союза, с 1921 г. в Париже, журналист, сотрудник «Возрождения», «Иллюстрированной России» и др. После войны сотрудник «Русских новостей», почему Алданов и именует его коллегой Адамовича.

³ *Тхоржевский* Иван Иванович (1878–1951) — поэт, переводчик, журналист, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, с 1920 г. в Париже, член правления Русского торгово-промышленного банка, председатель Национального объединения русских писателей и журналистов во Франции (1937), после войны первый редактор журнала «Возрождение» (с 1949).

⁴ *Тхоржевский* Георгий Иванович (р. 1915) — журналист, хранитель архива отца.

⁵ *Громыко* Андрей Андреевич (1909–1989) — советский дипломат и государственный деятель. В 1946–1948 гг. постоянный представитель СССР при ООН, в 1949–1952 гг. 1-й заместитель министра иностранных дел СССР.

⁶ Имеется в виду опубликованное тремя неделями ранее письмо Бунина в редакцию (Новое русское слово. 1948. 30 дек. № 13397. С. 3), в котором он протестовал против некоторых трактовок его выхода из парижского Союза писателей, возражая, в частности, Б.К. Зайцеву и С.В. Яблоновскому (Потресову).

⁷ В эмигрантской печати книга Адамовича «L'autre patrie» (P.: Egloff, 1947) была оценена довольно высоко; см.: *Бахрах* А. «Иное отечество» // Русские новости. 1947. 18 июля. № 111. С. 7; *Оцун* Н. Под знаком Пушкина и Толстого // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 130–137. Хотя в некоторых отзывах высказывалось несогласие с политической позицией Адамовича, см.: *Веселитский* М. Нотабены // Возрождение. 1949. № 3 [Май]. С. 183–192; *Иванов* Г. «Конец Адамовича» // Возрождение. 1950. № 11. С. 179–186; *Струве* Г. Десница и шуйца г. Адамовича // Русская мысль. 1951. 13 июня. № 353. С. 5. См. также оценки в позднейшей исследовательской литературе: *Johnston R.H.* The Great Patriotic War and the Russian Exiles in France // Russian Review. 1976. July. Vol. 35. № 3. P. 313, 321; *Bethea D.M.* 1944–1953: Ivan Bunin and the Time of Troubles in Russian Emigre Literature // Slavic Review. 1984. Spring. Vol. 43. № 1. P. 1–16.

⁸ В ООН служил Николай Васильевич Вырубов (1915–2009), младший сын общественного деятеля Василия Васильевича Вырубова (1879–1963).

27. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 апреля 1949 г. Париж

28/IV-49

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Прежде всего, простите, пожалуйста, что я не написал Вам после Вашего, такого любезного, письма, где Вы предлагали мне помочь в устройстве дел с ONU. Объясняется это тем, что я все думал, как быть и что делать, а потом пришел к заключению, что самое правильное — не делать ничего. Все равно ничего не выйдет.

Спасибо большое, во всяком случае, за Ваше доброе желание. Я был очень тронут Вашим письмом и тем сильнее «угрызаюсь», что сразу Вам не ответил.

А сегодня я Вам пишу по совсем другому поводу.

Меня, да и не одного меня, занимает мысль об устройстве пушкинского вечера¹. Я думал сначала, что будет устроен вечер общий, действительно объединенный с «правыми» и «левыми», на один вечер примирившимися. Но это оказалось невозможным, и есть для примирения пределы (даже для меня). Надо бы, по-моему, все-таки чествование устроить, в дополнение или в противовес тому, которое возглавил, к моему удивлению, Маклаков². Я написал на днях Ив<ану> Ал<ексееви>чу с просьбой быть председателем и главой всего³. Он ответил, что не может сидеть на эстраде, но я надеюсь, что имя он даст. Согласен Ремизов, согласна Тэффи. Скажу Вам правду, мне казалось, что Вы не согласитесь, и я это чувствовал с такой уверенностью, что даже не хотел Вам писать, считая мечтания о Вашем участии вполне «бессмысленными». Вы много раз говорили и мне, и другим о своем желании быть в стороне от всего. Но Надежда Александровна мою уверенность поколебала. «Как? Почему? Марк Александрович наверно согласится!» — вот ее восклицания по телефону. Может быть, она права? Может быть, Вы правда согласитесь дать свое имя, как участника комитета⁴, если к самому вечеру не будете в Париже? Это было бы, Вы сами знаете, до крайности ценно и важно.

Вечер будет без всякого политического оттенка. Если бы Вы согласились дать имя, я обещаю, что до каких бы то ни было объявлений и заметок в газетах Вы были бы извещены о полном составе участников и программе вечера во избежание всяких для Вас сюрпризов⁵. Лишь получив Вашу санкцию, я считал бы дело окончательно решенным.

Но вот один предварительный вопрос: мы думали вторую часть вечера сделать артистической, и возник вопрос о Лифаре⁶, qui à été vaguement pressente⁷. Это все-таки самое большое русское артистическое имя в Париже. Было ли бы его участие для Вас препятствием? Мне кажется, его имя опасно для Зеелера или для Берберовой, но не для людей иного толка, и я согласен с тем, что когда-то сказал Боголюбов: «Нас интересуют его ноги, а не его голова»⁸. Но Ваше отношение может оказаться другим, и, конечно, не может быть ни минуты сомнения насчет того, кем в этом случае пожертвовать. Даю Вам при этом слово, что в случае Вашего «отвода» никто ничего знать не будет, и мы просто о Лифаре забудем.

Простите за длинное и скучное письмо, и надеюсь на быстрый ответ. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ К 150-летию со дня рождения Пушкина в Париже было устроено множество самых разнообразных мероприятий, подробно см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1 (5): 1940–1954. М.; Р., 2000.

² В.А. Маклаков был председателем Пушкинского комитета, совместно с Сорбонной организовавшего 8 июня 1949 г. (16, rue de la Sorbonne) торжественное заседание под пред-

седательством К.Р. Кровопускова, посвященное 150-летию со дня рождения Пушкина. Заседание открылось речью В.А. Маклакова.

³ Пушкинский вечер под председательством И.А. Бунина был устроен Объединением русских писателей и поэтов в Париже 21 июня 1949 г. в помещении Российского музыкального общества за границей. На вечере выступили и Бунин, и Адамович.

⁴ Алданов отказался принять участие в комитете по подготовке вечера, см. след. письмо.

⁵ Фрагмент от слова «обещаю» и до конца предложения отчеркнут на полях рукой Адамовича.

⁶ Второе отделение вечера действительно было концертным, но С.М. Лифарь в нем не принимал участия.

⁷ который вызывает сложные чувства (*фр.*).

⁸ Возможно, речь о шахматисте Ефиме Дмитриевиче Боголюбове (1889–1952). Источник высказывания о Лифаре установить не удалось.

28. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

29 апреля 1949 г. Ницца

29 апреля 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Вы, значит, лучше меня знаете, чем Надежда Александровна. Нет, я ни с Лифарем, ни без Лифаря в Пушкинский комитет войти не могу. И само собой, от этого комитету ни малейшего ущерба нет. Желая большого успеха. Но все-таки зачем *два* комитета? Я слышал, что образован и комитет под председательством Маклакова. Меня туда не звали, но, если б и пригласили, то я тоже отказался бы. Все же мой зять Яков Борисович <Полонский>, который с семьей гостил здесь, еще сегодня говорил мне, что, насколько он помнит, неприемлемых людей в этом комитете нет. А Вам известно, как Я<ков> Б<орисович> к этому чувствителен. Он говорит только, что в комитете под председательством Маклакова, кажется, вообще нет или почти нет писателей. Это действительно странно, но ведь, верно, не к этому относятся Ваши слова «которое возглавил, к моему удивлению, Маклаков»? Во всяком случае, прошу Вас на меня не гневаться за отказ и очень Вас благодарю за приглашение. Еще раз искренно желаю успеха Вашему комитету (без политики).

Увидим ли мы Вас в Ницце? Очень, очень хотелось бы повидать Вас, Вы и во время пребывания здесь нас посещениями не баловали, однако раза три мы могли побеседовать, и это мне было чрезвычайно приятно.

Шлем Вам оба самый сердечный привет и лучшие пожелания.

29. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

14 октября 1949 г. Париж

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

14/X-1949

Дорогой Марк Александрович

Я очень виноват перед Вами. Простите мне, пожалуйста, мою неаккуратность. Принужден, к стыду своему, просить Вас подождать еще немного возвращения моего Вам долга. Дело в том, что расчеты мои с Е.Ф. Роговским кончились не совсем так, как я ждал. В середине ноября я устраиваю вечер, вернее лекцию¹ (устраиваю с отвращением). Как только наберу немного денег, сейчас же вышлю Вам долг. Надеюсь, что я не очень Вас «подвел» и еще раз прошу простить.

Как Вы живете, дорогой Марк Александрович, и как Ваше здоровье? С искренним удовольствием вспоминаю часы — впрочем, редкие, — проведенные с Вами, и очень жалею, что Вы не в Париже. Здесь мало нового, и я каждую осень неизменно удивляюсь, что наша здесь призрачная жизнь все-таки продолжается. Газета в состоянии предсмертном, но *qui sait*², может и воскреснуть. Надеюсь, что если оживет она в прежнем виде, то уже без меня. Но вероятно, что будут перемены.

У меня к Вам две просьбы. Не от себя лично, а от людей, которые просят меня «замолвить слово» за них перед Вами.

Первый из этих людей — Влад<имир> Серг<еевич> Варшавский, который стесняется сам Вам о своем деле написать. Он закончил свой роман и мечтает о его издании³. Мария Самойл<овна> Цетлина обещала просить Зайцева рекомендовать его в «ИМКУ», но ничего не сделала. Да и надежды на успех мало. Он хочет собрать деньги по предварительной подписке⁴ и уже кое-что сделал в этом отношении во Франции. У него есть тут преданные ему друзья, которые ему помогают. Деньги должны поступать не ему лично (во избежание неизбежных предположений, что он их растратит и ничего не издаст), а лицу, которое он укажет, — вероятно, М.Л. Кантору. Вон он и спрашивает, не могли ли бы ему как-либо помочь в Америке: указать лицо, к которому обратиться, написать кому-нибудь и т. д.? Или Вы считаете это дело для себя неприемлемым и вообще безнадежным? Я откровенно сказал В<ладимиру> Серг<ееви>чу, что не знаю, как Вы к его просьбе отнесетесь. Он пока просит только совета, и всякое Ваше указание будет ему очень ценно.

Второе дело — совсем другого рода. Знаете ли Вы о существовании некоей Евгении Максимовны Клебановой⁵ (Женя для всех ее друзей)? Она долго жила в Париже, была, между прочим, дружна с Ив<аном> Алексеевичем, а теперь живет в Нью-Йорке. Ее родители и сестра были депортированы и погибли в Германии. Думаю, что если Вы лично ее не знаете, то знает ее Татьяна Марковна, и, кстати, просьба о ней исходит от Шляпоберских⁶, у которых я этим летом с Татьяной Марковной играл в бридж.

Женя Клебанова служила во время войны и в первые годы после нее в State Department, в отделе, который позднее был весь распущен. Сейчас у нее иссякают средства, и она хотела бы снова в State Department поступить, предпочтительно в русский отдел. Для этого нужна рекомендация, и лучше всего рекомендация Керенского. Насколько знаю, у Вас сохранились с А.Ф. добрые отношения. Не согласились ли бы Вы, Марк Александрович, ему о ней написать? Женя полностью удовлетворяет обоим условиям, которые, кажется, нужны: лояльность в отношении USA (даже смешная, на мой взгляд, — больше, чем сами американцы, вероятно, ждут) и абсолютная *virginité* по части всего коммунистического. Она вообще милый и верный во всех смыслах человек, и я не взялся бы передавать просьбу о ней, если бы не знал хорошо ее сам. Если Вы Керенскому написать согласны, то можно для простоты послать письмо прямо Клебановой: Ms E. Klebanoff, 338 West 89, NewYork.

Простите, дорогой Марк Александрович, что беру на себя роль ходатая по разным чужим делам. Многие люди ищут Вашей помощи и заступничества, а я не могу им отказать в том, чтобы их просьбы Вам передать, хотя и чувствую, что надоедаю Вам.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон и привет Татьяне Марковне. Хороший город — Ницца, и мне очень жаль, что я с ним расстался. Простите, если где-нибудь у меня вкралось «е» вместо «ѣ». Я пишу по малодушию по той или иной орфографии в зависимости от настроения моих корреспондентов, а для Вас избрал старую, но, вероятно, не без примеси новой.

Ваш Г. Адамович

---

¹ 18 ноября 1949 г. Адамович читал в помещении Русского музыкального общества за границей устроенную Объединением русских писателей и поэтов лекцию «Судьба и смысл русской литературы».

² кто знает (*фр.*).

³ Речь идет об автобиографической повести Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) «Семь лет»; главы из нее печатались в «Новоселье» в 1949–1950 гг., отдельное издание вышло на следующий год (Париж, 1950).

⁴ Подробнее об этом см.: Хазан В. «Семь лет»: история издания. Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 183–184.

⁵ Клебанова Евгения Максимовна (?–1975) — знакомая Адамовича по Петербургу, затем по Парижу, после войны жила в США, работала клерком в Госдепартаменте, затем в информационных и туристических агентствах.

⁶ Не удалось найти сведений.

30. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

20 октября 1949 г. Ницца

20 октября 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Я уезжал и *только что* вернулся в Ниццу, где застал в числе других писем Ваше от 14-го. Пожалуйста, извините опоздание в ответе. Не волнуйтесь насчет долга, я подожду.

По делу Владимира Сергеевича — я всей душой рад ему помочь. Но как? Разумеется, я буду одним из подписчиков, — сообщите адрес для посылки денег и цену. Однако я не совсем представляю себе, что можно сделать в Америке? Я мог бы указать десяток (не больше) состоятельных людей, которые, быть может, купили бы книгу. Но ведь это гроши, даже если они все пришлют деньги (а ведь обычно только обещают). Человека, который в Америке объезжал бы возможных подписчиков, я не знаю, и едва ли такой найдется. Даже наверное не найдется. Если Вы помните, был один такой случай предварительной подписки на книгу, — биографию Пушкина, которую должен был написать Ходасевич¹. Тогда же в «Посл<едних> новостях» и «Возрождении» было помещено воззвание за подписью Бунина, Маклакова, Коковцева и моей². Там был повод: юбилей Пушкина. Здесь такого повода нет. Если хотите, я напишу А.А. Полякову³ и попрошу его (а через него и книжный магазин «Н<ового> р<усского> слова») дать заметку (анонимную) о предстоящем выходе книги В<ладимира> С<ергееви>ча и о том, что книжный магазин этот принимает подписку. Заранее говорю, что это почти ничего не даст. Русская колония в Америке вообще на покупку книг не тратится, поэтому там нет ни одного русского издателя. Боюсь также, что книжный магазин потребует себе значительную часть платы. Тем не менее, попытаться можно, и я охотно напишу А<лександр>у А<брамови>чу. Сделает ли он, — не знаю.

Второе дело. Я и сам не знаю, каковы *теперь* мои отношения с Керенским. За мой отказ войти в Лигу он, очевидно, на меня гневается. Мы уже около года не обменивались письмами. Но главное, как раз сегодня из письма Якова Борисовича я узнал, что в «Русской мысли» было сообщено, что Керенский в начале октября приехал в Лондон, к своим сыновьям. Мне давно писали из Нью-Йорка, что он собирается в Париж и Лондон. Его адреса лондонского и парижского я не знаю. Советую Вам поступить так: милейший человек Абрам Самойлович Альперин, конечно, увидит Александра Федоровича в первый же день. Обратитесь к нему, — у Вас с ним наверное множество общих знакомых (напр<имер>, М.Л. Кантор, которому, пожалуйста, кланяйтесь). А<брам> С<амойлович> наверное не откажется попросить Керенского. Я лично не знаю Е.М. Клебановой, но мне ее желание не совсем и понятно: если она служила несколько лет в Государственном департаменте, хотя бы и в совершенно другом отделе, то зачем ей Керенский?! Рекомендация того отдела была бы в сто раз лучше. Сомневаюсь, чтобы Гос<ударственный> департамент очень считался с Александром Федоровичем, — во всяком случае,

послужной список и письмо начальника закрывшегося отдела имеют гораздо больше значения. Однако если Альперин откажется просить А<лександра> Ф<едоровича>, то я мог бы написать в Нью-Йорк Я.Гр. Фрумкину⁴, который уж наверное в дружеских отношениях с К<еренским> и теперь. Для этого, очевидно, надо подождать его возвращения в Америку.

Мы оба шлем Вам сердечный привет и самые лучшие пожелания. Мне тоже очень жаль, что мы так мало встречались в Ницце. В Париж мы раньше декабря не будем.

Здоровье все то же, скрипим. А Вы?

Сердечный привет Вл<адимиру> Серг<еевичу>.

---

¹ Подробно о планах написания биографии Пушкина, истории с подпиской 1935–1936 гг. и отказе Ходасевича от своего замысла см.: В.Ф. Ходасевич и И.Н. Голенищев-Кутузов: Переписка / Публ. Д. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 214–218, 220–222, 243. Там же и текст «воззвания», рассылавшегося гипотетическим подписчикам и опубликованного в парижских газетах.

² Воззвание подписали пять человек: В.Н. Коковцов, В.А. Маклаков, И.А. Бунин, Н.К. Кульман, М.А. Алданов (см.: Возрождение. 1935. 17 янв. № 3515. С. 3).

³ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) — юрист, журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей» и «Русского слова». С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. Париже, секретарь (позже заместитель главного редактора) «Последних новостей», с 1940 г. в Нью-Йорке, секретарь «Нового русского слова».

⁴ Фрумкин Яков Григорьевич (1880–1971) — адвокат, общественный деятель, до революции член Партии народной свободы, активный участник Союза для достижения полноправия еврейского народа в России и организаций содействия евреям — депутатам Государственной думы. После революции в эмиграции; после Второй мировой войны жил в Нью-Йорке, возглавлял нью-йоркское отделение еврейской благотворительной организации ХИАС, старый друг А.Ф. Керенского еще по Петербургу.

31. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

14 ноября 1949 г. Париж

14/XI-49

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо с ответом насчет Варшавского и Жени Клебановой — и простите, что благодарю Вас с опозданием.

Два слова еще относительно Варшавского. После долгих с ним разговоров мы решили, что самое лучшее было бы составить два «комитета» по распространению его книги. Первый — *très restreint*¹, роль которого свелась бы исключительно к тому, чтобы подписать несколько слов о характере книги и желательности ее появления в печати. Второй — который занялся бы всей деловой сто-

роной предприятия. Подписать первое, чисто литературное обращение могли бы (по нашему с Влад<имиром> Серг<еевичем> идеальному плану) три лица: Вы, Бунин и Маклаков — больше никто. Бунин согласен². Маклаков (с ним говорил М.Л. Кантор) ответил пока уклончиво, но, по-видимому, только потому, что боялся соседства нежелательных лиц; у нас тогда была еще мысль дать 10 или 15 подписей. Думаю, что при Вас и Бунине он отказываться не найдет причин. Значит, остается получить лишь Ваше согласие. Надеюсь, дорогой Марк Александрович, что Вы Вашу подпись дадите. Я знаю, как Вы щепетильны, но поверьте — ничего нет и не будет в этом деле такого, что могло бы с какой-либо стороны быть Вам неприятно. Разумеется, Вл<адимир> Сергеевич пришлет Вам на просмотр макет обращения и заранее принимает все Ваши поправки.

Буду очень благодарен за скорый ответ. Я это дело принимаю близко к сердцу потому, что искренно люблю Варшавского, исключительно достойного и скромного человека, и ценю его писания.

Примите мой сердечный привет и не откажите передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ очень сдержанный (*фр.*).

² Переговоры с Буниным, вероятно, велись при личной встрече. В сохранившейся переписке Адамовича с Буниным следов этих переговоров нет, см.: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 8–164.

32. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

16 ноября 1949 г. Ницца

16 ноября 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Я тоже очень ценю Владимира Сергеевича и его талант и чувствую к нему большую симпатию, — Вы это знаете, я Вам говорил. Текст «воззвания» меня несколько не «пугает», хотя, конечно, я должен был бы его предварительно просмотреть. Если Бунин и Маклаков согласны подписать воззвание, то согласен и я, но при одном *непременном* условии, которое, боюсь, может быть для Вас неприемлемо. Предполагаете ли Вы печатать это «воззвание»? Если да, то я могу согласиться на помещение его ТОЛЬКО в нью-йоркском «Н<овом> р<усском> слове». Ни в одном из печатающихся во Франции изданий я не могу поместить ничего, так как, по нашим обычаям, даже помещение простого обращения, вроде этого, устанавливает какую-то долю политической солидарности с изданием. По-моему, *польза* для подписки на книгу может быть преимущественно от личного обращения к тому или другому покупателю, т. е. от посылки ему обращения за нашими тремя

подписями. Появление обращения в газетах едва ли может способствовать подписке, тем более что редко знаешь, как относится покупатель к тому или другому изданию. Вы мне не сообщили, *что* Вы хотите с обращением сделать. Если дело идет лишь о рассылке обращения состоятельным людям, то я, конечно, рад присоединить свою подпись к подписям Маклакова и Бунина. (В этом случае, Вы понимаете, обращение не может быть послано М. Цетлиной, так как Бунин и я с ней в ссоре). Если же дело идет о *печатаньи*, то я должен просить от Вас *честного слова* в том, что наше обращение будет помещено ТОЛЬКО в «Н<овом> р<усском> слове» Все это сообщаю *доверительно* Вам и Вл<адимиру> С<ергееви>чу.

Как Вы живете? Чем кончилась история в «Р<усских> новостях»?¹

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет.

---

¹ В ноябре 1949 г. Адамович без каких бы то ни было печатных заявлений прекратил сотрудничество в «Русских новостях» (которые после этого продолжали выходить до 1970 г.). Его последние публикации в газете — статья о книге А. Ремизова «Пляшущий демон» (Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1949. 11 нояб. № 232. С. 4) и рецензия на комедию В. Шкваркина (Г. А. «Ночной смотр» (Русский драматический театр) // Русские новости. 1949. 18 нояб. № 233. С. 7).

33. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

*Начало декабря 1949 г. Париж*¹

53 ruedePonthieu

Paris 8^e

Ely 68-88

Дорогой Марк Александрович

Прилагаю проект того обращения о книге В.С. Варшавского, о котором я Вам писал. Согласились ли бы Вы его подписать? Напоминаю, что предполагаются только три подписи — Ваша, Ив<ана> Алекс<ееви>ча и Маклакова. Само собой разумеется, что любые изменения или поправки Ваши в тексте принимаются без рассуждений.

A part cela², мне очень бы хотелось Вас видеть, но Вы, вероятно, дорожите своим парижским временем и рассчитываете каждый час. Кажется, мы должны встретиться в пятницу у Рубинштейнов?³ Был бы очень рад, если б это было так.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Г. Адамович

P.S. Конечно, было бы правильнее, чтобы Варшавский обратился бы к Вам сам, а не через меня. Я это ему и советовал. Но он болезненно застенчив и все боится, что он не то скажет или не так выразится.

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Кроме того (*фр.*).

³ *Рубинштейн* Яков Львович (1879–1963) — адвокат, общественный деятель, после революции в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, один из генеральных секретарей Лиги Наций, член правления Нансеновского офиса Лиги Наций по делам беженцев, с 1936 г. председатель Совета общественных организаций в эмигрантском комитете в Женеве, после войны председатель Объединения русских адвокатов во Франции.

34. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

9 декабря 1949 г. Париж

9 декабря 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Ведь Вы получили мое довольно длинное письмо из Ниццы по делу В.С. Варшавского? Я Вам писал, что охотно подпишу воззвание с Маклаковым и Буниным *при условии*, что оно нигде не появится в печати, кроме «Н<ового> р<усского> слова». Вы на это не отвечаете. Если это условие для Вас приемлемо, то, разумеется, я рад подписать прилагаемый текст Ваш и никаких поправок не имею. Боюсь только, что это ровно ничего Владимиру Сергеевичу не даст.

Мне тоже очень хотелось бы повидать Вас. Мы встречаемся у Рубинштейна во вторник 13-го.

Шлю сердечный привет.

35. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

16 февраля 1950 г. Оксфорд

16/II-1950

Wellington Hotel

2, Wellington Square

Oxford

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам искренний привет из Оксфорда. Je fais lanavette¹ между этим очаровательным городом и Манчестером², который очарователен значительно менее. Если у Вас были бы какие-нибудь поручения в Лондоне, я с удовольствием все исполню. Буду там, вероятно, раза два. До Вас, вероятно, доходят слухи о многотрудных родах новой парижской газеты³. Я уехал, когда все еще висело в воздухе — и, кажется, так оно и висит по сей день. Мне пишут, что наш экс-патрон⁴ собирается вложить в дело свой собственный миллион и бодро про-

должать свою линию. Если это так, положение осложняется. Но сами пишущие не очень верят такой щедрости — и считают, что дни «Р<усских> н<овостей>» сочтены⁵.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Надеюсь быть в Париже 15 марта. По возвращении я Вам напишу. Это «турне» немножко поправит мои финансовые дела. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Я курсирую (*фр.*).

² В 1950 г. Адамович приезжал в Англию с лекциями, а в следующем году по рекомендации Б.И. Элькина получил место лектора в Манчестерском университете, где преподавал русский язык и литературу до 1960 г.

³ Разговоры о проекте новой парижской газеты, на которую обещал дать деньги М.Н. Павловский, тянулись в эмиграции на протяжении нескольких месяцев, с лета 1949 г. до осени 1950 г., обсуждались кандидатуры редакторов (в частности, кандидатуры Г.В. Адамовича, А.В. Бахраха, Дон-Аминадо), но дело так ничем и не кончилось.

⁴ Имеется в виду *Ступницкий* Арсений Федорович (1893–1951) — журналист, юрист, участник Белого движения. В эмиграции жил в Париже, сотрудник редакции газеты «Последние новости», после Второй мировой войны близок к движению советских патриотов, редактор газеты «Русские новости» (в 1945–1951).

⁵ 8 февраля 1946 г. Адамович писал А.В. Бахраху: «Теперь — относительно газеты. Я не совсем понял Ваше отчаяние, которым полно первое Ваше письмо. Пусть “Русс<кие> нов<ости>” лопнут хоть завтра — перерыв не так страшен, а он не может длиться очень долго. Завтра “Р<усские> н<овости>” все-таки не лопнут. Я говорил это Зелюку, и он со мной соглашался: одна-две недели перерыва не только не вредны, но даже желательны. (Михельсон с этим, кажется, не согласен, а по-моему, так лучше). Но вообще-то Михельсон прав: Зелюк Вас пугает и морочит Вам голову. <...> Боюсь, что газета вообще может преждевременно скончаться из-за всех этих глупых склок» (BAR. Coll. Vacherac).

36. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

19 февраля 1950 г. Париж

19 февраля 1950

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Оксфорд — очаровательный город, я его знаю. Довольны ли Вы работой? Пожалуйста, *очень* кланяйтесь С.А. Коновалову¹. Вдруг я в апреле — мае съезжу в Англию, — тогда, конечно, у него буду. В Ницце я зашел к нему «с обратным визитом», хотел познакомиться с его супругой, но они накануне уехали. Не забудьте ему это сказать.

Никаких поручений у меня нет, благодарю Вас. Но отчет же Вам не зайти или не позвонить моим родным, которых Вы знаете. Их адрес: [пропуск в машинописи для вписывания адреса]

О миллионе Ступницкого я не слышал. А вот и от Кусковой, и от Маклакова, и от Кантора слышу, что Вы будете редактором новой газеты. Вчера получил от Михаила Львовича приглашение в ней сотрудничать. Вчера же его отклонил по причинам, которые Вы знаете или о которых догадываетесь. Не знаю, согласились ли Екатерина Дмитриевна и Василий Алексеевич. Во всяком случае, я искренно рад, что будет *другая* газета, и желаю успеха. Ради Бога, тотчас, в первой же передовой статье, сожгите то, чему поклонялись — если не Вы, то экс-патрон. Но сожгите так, чтобы всем было ясно: сожжено все, пепел развеян, началась новая страница. Тогда я хоть *читать* буду с удовольствием. Догадываюсь, впрочем, что Вы ничего не сожжете, а будут те придаточные предложения, о которых мы с Вами в Ницце говорили. *Очень* хотел бы в этом ошибиться. А как я Ваш талант и ум почитаю, — Вы давно знаете.

Татьяна Марковна и я шлем сердечный привет.

Кстати, отчего бы Вам не пригласить в сотрудники по музыкальной части Л.Л. Сабанеева?² Ему очень хочется писать, и человек он компетентный и даровитый.

---

¹ Коновалов Сергей Александрович (1899–1982) — русист, историк, профессор Бирмингемского (с 1927 г.), затем Оксфордского университета (с 1929 г.), редактор «Oxford Slavonic Papers».

² Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) — музыковед, композитор. С 1926 г. в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории им. С.В. Рахманинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала».

37. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

13 марта 1952 г. Манчестер

13/III-52

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Я случайно в здешней университетской библиотеке нашел Вашу книгу «Огонь и дым»¹ — которую, представьте себе, никогда не читал! — и прочел ее с таким интересом и увлеченностью, что захотелось Вам написать. Особенно — о славянофилах и их «родстве» с большевиками². Это то, что давно меня занимает, а у Вас я нашел многое в объяснение моих личных догадок или соображений. Да и все вообще так интересно, что я удивлялся — как это я раньше этой книги Вашей не знал!

А кроме того, я вспоминал о Вас по другим, тоже литературным причинам. Вы летом мне в Ницце говорили, что Чехов лучше Тургенева — а я протестовал слабо, плохо Тургенева помня. Но вот теперь я перечел «Отцы и дети», и мне захотелось

протестовать уже иначе. C'est très fort³, и, по-моему, никогда Чехову до этого не дописаться бы. Что Толстой над «О<тцами> и д<етьми>» заснул⁴ — это я, пожалуй, понимаю. Для него все в них было — мимо. Но вообще-то, это, по-моему, вещь замечательная и более сложная, чем все другое у Тургенева. Если Базаров и говорит глупости, то по вине эпохи. А там, где он сам по себе, — он очень умен и как-то странно современен. Зато «Дым» — удручительно, даже в любовной части, которая когда-то очень мне нравилась.

Простите, Марк Александрович, за это непрошеное литературное рассуждение. Когда читаешь чью-либо книгу, хочется с автором поговорить (не всегда, конечно, и не все книги). Значит, отчасти и сами того не зная, Вы меня на разговор вызвали.

Я летом собираюсь быть в Ницце, месяца на два. Надеюсь на встречи в Café de Lyon. Здесь я — до конца мая, с перерывом на Пасху. Город мрачный, вечерами я сижу один и греюсь у печки, но есть в этом и что-то хорошее, «пора подумать о душе».

Крепко жму Вашу руку и прошу передать сердечный привет и поклон Татьяне Марковне.

Искренне Ваш

Г. Адамович

¹ Книга представляла собой сборник «этюдов» о французской и русской революциях, Эрхе Людендорфе и Жорже Клемансо (Алданов М. Огонь и дым. Париж: Франко-русская печать, 1922).

² Имеется в виду следующее рассуждение Алданова: «Куда же пристегнет историк большевиков в смысле теории? Да скорее всего, к их антиподам, — к славянофилам. Последнее родство у нас в общественное самосознание не проникает. В силу чисто внешних “акцидентий” нам трудно привыкнуть к мысли, что Ленин и Троцкий, хотя бы отчасти, являются духовными наследниками Киреевских и Аксаковых. Конечно, внешние признаки говорят против такого сравнения. И социальная структура большевизма совершенно отлична от славянофильской, и Троцкий сам по себе, разумеется, нисколько не похож на Киреевского. Словесность, мундир, обряды у славянофилов были другие. Константин Аксаков не носил красной повязки. Он носил русскую (по словам специалистов, впрочем, персидскую) мурмолку и зипун 17 столетия, “сшитый французским портным”. Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасом. В советской России пьют денатурат, ничем его не разбавляя. Тогда в Москве был Третий Рим (“Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать”). Теперь в Москве Третий интернационал (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не об этом и речь. За различием акцидентий не должно просмотреть поразительное местами сходство субстанций: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофилов» (Алданов М. Огонь и дым. С. 105–106).

³ Это очень сильно (*фр.*).

⁴ Этот исторический анекдот вряд ли достоверен. Ссора И.С. Тургенева с Л.Н. Толстым произошла 27 мая 1861 г. в имении Фета Степановка и была вызвана, по воспоминаниям Фета, совсем другими причинами, после чего оба писателя не встречались на протяжении 17 лет.

38. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

19 марта 1952 г. Ницца

19 марта 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Очень Вы меня обрадовали письмом. Я просто смущен тем, что Вы пишете о моей книге «Огонь и дым», о которой я и думать забыл, не заглядывал в нее, верно, лет двадцать пять. Я в свои старые книги вообще заглядываю редко, кроме «Истоков», — эту книгу я люблю. Только что, например, в Англии вышла моя старая книга «Ключ» — «Бегство» (в Америке и теперь в Англии оба романа идут в одном томе, под заглавием «The Escape»¹). Пока я прочел только одну (холодную) рецензию в «Таймс». Судя по ней (хотя по одной рецензии судить, конечно, нельзя), роман успеха в Англии иметь не будет. Напротив, «Истоки» («Before the Deluge») имели немалый успех, были выбраны «Book Society», и пресса была очень хороша. Я подумал, что англичане правы. Я этот роман («Ключ» — «Бегство») начал как роман уголовный, имея в виду роман «символический», — где же иностранному читателю в этом разобраться (да и идея была сомнительная).

Если память мне не изменяет, я в нашем разговоре о Тургеневе именно выделил «Отцы и дети» как книгу очень талантливую и превосходную. Во всяком случае, Ивану Алексеевичу я еще не так давно писал, что, по-моему, у Тургенева самое лучшее: «Отцы и дети», «Поездка в Полесье» и «Старые портреты». Помните ли Вы «Старые портреты»? Это маленький шедевр. Все остальное неизмеримо хуже, особенно «Дым», «Накануне», «Новь». В юности мне чрезвычайно нравились «Вешние воды». И напрасно.

Мы оба чрезвычайно рады тому, что Вы летом приедете в Ниццу, и надолго. Надеемся, что это Ваше твердое решение? Каковы вообще Ваши планы? Я не знаю, получили ли Вы *постоянное* место в Манчестере или только временное? Где Ваша сестра? Недавно Яновский в письме просил меня Вам кланяться. Я должен был ему ответить, что мне и Ваш адрес неизвестен.

Имеете ли известия из Парижа? Правда ли, что Георгий Иванов очень болен? Есть ли еще литературная жизнь у эмигрантов? Пожалуйста, напишите о себе. О чем Вы читаете лекции? Много ли слушателей? Имеете ли (без «скромности») успех.

О «душе» же действительно пора подумать. Мое «думанье» о ней выражается преимущественно в той самой философской книге. Написав ее до половины по-французски, я вдруг передумал: стал писать с самого начала по-русски. Две причины: 1) Кое-что из того, что я хотел сказать, иностранцам и не очень интересно, — если вообще интересно в ней что бы то ни было, 2) Как ни странно, быть может, русского издателя мне будет для этой книги легче найти, чем французского: по-русски кто-либо издаст в случае моей смерти². Впрочем, после того известного Вам неудачного опыта я больше французского издателя не искал. Еще много надо поработать. Другого сейчас у меня ничего нет. Моя «Повесть о Смерти» кончена и начнет печататься в «Новом журнале» с ближайшей книги³.

Мако довольно тяжело болен (сердце очень не в порядке, да и другое), он уже с полгода не выходит.

Через месяц мы собираемся в Париж. Когда Вы там будете точно?

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. А я еще очень благодарю за добрые слова и за то, что вспомнили.

Ваш М. Алданов

---

¹ *Aldanov M. The Escape.* N. Y.: Charles Scribners's Sons, 1950.

² Так долго ждать не пришлось, книга была опубликована уже в следующем году: *Алданов М. Ульмская ночь: Философия случая.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

³ Журнальный вариант печатался на протяжении двух лет: *Алданов М. Повесть о смерти* // *Новый журнал.* 1952. № 28–31; 1953. № 32–33. Отдельное русское издание появилось много лет спустя после смерти автора (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969).

39. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

2 мая 1952 г. Манчестер

2/V-52

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Благодарю Вас за письмо, и простите, что не могу ответить на вопросы, которые в нем были. Бумаги мои остались в Париже, где я провел две недели на Пасхе. А о чем Вы меня спрашивали — не могу вспомнить. Думаю, что ничего важного не было, иначе я помнил бы, да и ответил бы вовремя.

Сегодня я пишу Вам по делу. Дело касается не меня, а приятеля моего — П.С. Ставрова.

Если я обращаюсь за советом к Вам, то потому, что уверен, что только Вы и можете мне его дать.

Несколько времени тому назад Ставров послал рукопись на просмотр в Чеховск<ое> изд<ательст>во. Рукопись вернулась с отказом, не вполне категорическим, но, по-видимому, надежды не оставляющим (я письма не видал, было оно от В. Александровой¹). Обескуражило это Ставрова до крайности. С неделю назад я получил от него письмо, где он просит помочь ему, написать о нем статью в «Нов<ом> р<усском> слове» и что-либо придумать с целью добиться успеха.

Мне не хочется сделать то, что было бы самое простое и естественное: ответить, что я бессилен и помочь ему не могу. Он — человек больной, положение его в материальном отношении трудное и т. д.

Но к Чеховскому изд<ательст>ву я действительно никакого отношения не имею, никого там и не знаю. Писать им, тем более о ком-либо просить, что-либо

им предлагать — было бы с моей стороны глупо: почему — скажут они — я вообразил, что мое суждение имеет какой-либо «вес»?

Статья в «Нов<ом> русск<ом> слове»? Никакого значения она не имела бы. Да я и не могу написать такой статьи, какой Ставров, несомненно, ждал бы, имея в виду цель ее. Об этом я откровенно написал ему. Да и повода для статьи ведь нет².

Все это я пишу Вам, дорогой Марк Александрович, с единственной целью: спросить Вас, можно ли, по Вашему, что-нибудь сделать, и если да, то что именно?

Я Вас ни о чем не прошу, не думайте, что у меня есть эта скрытая мысль. Уверен, что Вам с такими просьбами надоедают и что удовольствия от них для Вас мало. Но если можно, дайте мне совет и скажите, безнадежно ли, по Вашему, это дело или не совсем.

Пишу Вам в Ниццу, хотя слышал, что Вы сейчас в Париже. Я здесь до конца мая.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать поклон и сердечный привет Татьяне Марковне.

Преданный Вам

Г. Адамович

---

¹ Александрова Вера Александровна (урожд. Мордвинова; 1895–1966) — критик, литературовед, публицист. В январе 1922 г. эмигрировала с мужем С.М. Шварцем (1883–1973) из Москвы в Берлин, в 1933 г. переехала в Париж, с 1940 г. в США, сотрудник редакции журнала «Америка» (1946–1948), главный редактор Издательства имени Чехова (1952–1956).

² Вскоре Адамович все же отозвался о Ставрове в «Новом русском слове», но не в персональной статье, а в обзоре эмигрантской прозы «незамеченного поколения», упомянув его в одном ряду с В.В. Набоковым, В.С. Яновским, В.С. Варшавским, Ю. Фельзенем и др.: Адамович Г. Герои нашего времени // Новое русское слово. 1952. 9 нояб. № 14806. С. 8.

40. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 мая 1952 г. Париж

8 мая 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Я не вижу, как Вы или я могли бы быть полезны Ставрову. Насколько мне известно, порядок в Чеховском издательстве таков: Александрова читает рукопись, делает доклад Вредену¹, который, кажется, после нее тоже рукопись читает или просматривает, а затем, по его докладу, решение принимается на заседании американского комитета. Если Ставрову рукопись *вернули*, то, по-моему, это решение окончательное: некоторым другим авторам они написали, что, быть может, возьмут их книгу позднее, не в этом году, — и спрашивали их, желают ли они, чтобы им рукопись была при этих условиях возвращена.

Но если б я и думал, что какая-то надежда на принятие книги Ставрова есть, я все же писать о нем Вредену или Александровой никак не мог бы: я им «реко-

мендовал» девять авторов, смертельно им надоел, — и три мои «рекомендации» не имели успеха. Больше ни о ком я поэтому им писать не могу.

Не совсем понял то, что Вы пишете о статье Вашей в «Н<овом> р<усском> слове». Возможно, что редакция ее напечатает, хотя они в свое время очень меня ругали за подпись в «коллективном письме» о Ставрове (действительно, письмо было странное, а *что* мне писал о нем Иван Алексеевич, лучше не передавать²). Но если Вашу статью и напечатают при отсутствии для нее повода (они Вас чрезвычайно любят и почитают), то какое же это отношение имеет к издательству! Ни Вреден, ни тем более американские члены Комитета, не знающие по-русски, русских газет не читают. Если решение уже принято (а это весьма вероятно), то его ничто не изменит. Впрочем, попробуйте. Все это пишу Вам конфиденциально. Не знаю, идет ли дело о той же книге Ставрова, по поводу которой мы подписали то воззвание?

Мы вернемся в Ниццу около 1 июня. Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания. Здоровья Вам.

---

¹ *Вреден* Николай Романович (1901–1955) — кадет Императорского военно-морского училища в Петрограде, участник Белого движения в армии Юденича. В эмиграции в США с 1920 г., с 1939 г. управляющий книжным магазином Скрибнеров в Нью-Йорке, в 1944–1955 гг. главный редактор (позже вице-президент и член совета директоров) нью-йоркского издательства Даттона (E.P. Dutton), директор Издательства имени Чехова со времени его основания в 1951 г. Вреден долгое время выступал в качестве литературного агента Алданова в Великобритании и США и переводчика его произведений на английский язык.

² Ни в одну из нескольких вышедших публикаций переписки И.А. Бунина с М.А. Алдановым (печатавшейся во всех случаях с большими купюрами или вообще отдельными фрагментами) этот отзыв И.А. Бунина о П.С. Ставрове не включен; см.: *Fedoulova R. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. № 22. P. 471–488; 1982. № 23. P. 469–500; Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 159–191; № 152. С. 153–191; № 153. С. 134–172; 1984. № 154. С. 97–108; № 155. С. 131–146; № 156. С. 141–163; «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / Вступ., публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156.*

41. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 июня 1952 г. Париж

28/VI-52
53, rue de Ponthieu
Paris 8

Дорогой Марк Александрович

Любовь Александровна <Полонская> сообщила мне о письме Шварца¹ к Вам (и прочла по телефону несколько строк из Вашего письма). Помимо того, я только

что получил открытку от Даманской² с сообщением об «ответе» Шварца и с советами, что лучше всего было бы в изд<ательст>во предложить!

Я не могу на нее сердиться — потому что, вероятно, в ее действиях не было никаких дурных помыслов. Было, м. б., желание продемонстрировать свою влияние и свое право покровительствовать молодежи, только и всего.

Видел я Авг<усту> Фил<иппов>ну в присутствии Любовь Александровны и по своей рассеянности думал, что, м. б., в ответ на ее уговоры или даже предложение написать Александровой только неопределенно что-нибудь «промычал» (это было бы возможно и дало бы А<вгусте> Ф<илипповне> основание считать, что я с ней согласен). Но Любовь Александровна утверждает, что разговор наш хорошо помнит и что я никаких намеков на согласие не делал. Значит, все это выдумка Даманской, без малейшего и хотя бы невольного моего участия. В таком духе я ей и отвечаю: спасибо, но занимайтесь впредь своими делами, а не моими!³

Единственное, что мне неприятно, это то, что Шварц и Александрова могут думать, что инициатива моя. Если будет случай, дорогой Марк Александрович, будьте добры, сообщите им, как обстоит дело. Глупо во всей этой истории то, что Д<аманская>, по-видимому, написала, что «Адамович боится отказа»: значит, я будто бы считаю себя столь важной особой, для которой отказ недопустим!

Вот это-то я и хотел бы опровергнуть: ничего я не боюсь, ничего не жду, ничего не предлагаю, а, как говорят, кажется, в Одессе, «сiju и не рыпаюсь».

Благодарю Вас очень, что сообщили об этом происшествии. Удивительный человек Даманская, не знаешь, чего от нее можно ждать!

Надеюсь быть недели через 2–2½ в Ницце. Любовь Александровна <Полонская> как будто еще колеблется, ехать ей туда или нет. По-моему, ей все-таки будет там лучше, чем где бы то ни было — и во всяком случае лучше, чем в Париже одной.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Шварц Соломон Меерович (урожд. Монозон; 1883–1973) — общественный и политический деятель, революционер, большевик, с 1907 г. меньшевик, литератор. В январе 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, член Заграничной делегации РСДРП, редактор «Социалистического вестника». С 1933 г. в Париже, с 1940 г. в Нью-Йорке, профессор Новой школы социальных исследований (New School for Social Research), с 1970 г. в Иерусалиме. Муж В.А. Александровой.

² Даманская Августа Филипповна (урожд. Вейсман; 1875–1959) — писательница, переводчица, журналистка. В эмиграции с 1920 г., сначала в Эстонии, затем в Париже, сотрудница «Последних новостей». Часто публиковалась под псевдонимом Арсений Мерич. Открытка Даманской вместе со всеми остальными ее посланиями Адамовичу не сохранилась. В бумагах Даманской сохранились 14 писем Адамовича 1947–1957 гг. (BAR. Coll. Damanskaia), но никаких упоминаний об этой открытке и инциденте в целом в этих письмах нет.

³ 20 июля 1952 г. Адамович писал об этом А.В. Бахраху: «С Чех<овским> изд<ательст>-вом у меня вышла история: Даманская, никого не спросив, решила покровительствовать молодежи и спросила их, не издадут ли они сборник моих старых статей. Они об этом запросили Алданова (“почему Ад<амович> действует через третьих лиц?”), в 7 ч<асов> утра мне об этом телефонировала Полонская, я написал Даманской, что она дура, и Даманская ответила мне афоризмом: “Я огорчена, что Вы огорчены”» (BAR. Coll. Bacherac).

42. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

2 июля 1952 г. Ницца

2 июля 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Вы напрасно огорчены: эта небольшая история с Даманской не имеет значения. Я напишу Шварцу (как Вы этого хотите), что Вы тут ни при чем.

Не решаюсь Вам советовать, но думаю, что Вы могли бы «официально» предложить издательству книгу об эмигрантской литературе. Я думаю, что Вам ведь легко ее написать, а платят они прекрасно. Насколько мне известно, они принимают книгу и заключают договор (с авансом) лишь по представлении половины рукописи (для Маклакова сделали исключение и на днях подписали с ним договор, хотя он представил много меньше половины¹). Но обычно авторы их запрашивают сначала «в принципе»: склонны ли Вы были бы напечатать такую-то книгу? Положительный ответ почти ни к чему издательство (да и автора) не обязывает. Однако и он имеет значение. Там сидят люди очень порядочные, и если им такая-то книга и «в принципе» кажется неподходящей или если их программа перегружена, то они так и отвечают, чтобы не вводить писателя в заблуждение.

К большому и приятному моему удивлению, некоторые книги продаются у них отлично. Лучше всего «Тайга» Максимова², — готовится второе издание! Прекрасно идет и «Жизнь Арсеньева»³. По совести, я не надеялся на денежный успех издательства. Очевидно, в самом деле там появился *новый* читатель! Почему же его нет в Европе? Ю.П. Трубецкой⁴ пишет мне, что в Германии ди-пи книг не покупают. Русский «рынок» во Франции мы знаем.

Мы оба очень надеемся, что Вы тотчас дадите о себе знать, когда приедете в Ниццу. До того шлем Вам самый сердечный привет.

---

¹ Книга вышла через два года: *Маклаков В.А. Из воспоминаний*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

² *Максимов С. Тайга*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. О Сергее Сергеевиче Максимова (наст. фам. Пасхин; 1916–1967) см. цикл статей Андрея Любимова в «Новом журнале» (2007. № 246; 2008. № 250; 2009. № 254–257).

³ *Бунин И. Жизнь Арсеньева: Юность*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

⁴ *Трубецкой Юрий Павлович* (наст. фам. Нольден; 1898–1974) — поэт, прозаик, литературный критик. В 1930-е гг. подвергался репрессиям (отбывал заключение в лагере). С середины 1940-х гг. жил в Германии. Подробно о нем см.: *Хазан В. «Но разве это было все на самом деле?»: (Комментарий к одной литературно-биографической мистификации) // A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 464–489.*

43. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

7 октября 1952 г. Манчестер

7/X-1952

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Шлю сердечный привет из Манчестера, где все как обычно: дожди, мгла и холод. С грустью вспоминаю Ниццу и завидую Вам. Кстати, Вы ведь были и в Италии, куда я всю жизнь собираюсь поехать и где все еще не был. Чем я становлюсь старше, тем все чувствительней к солнцу, а судьба уводит меня от него все дальше.

В Париже я был недолго, видел Любовь Александровну <Полонскую>, был у Буниных¹. Получил недавно из Нью-Йорка письмо от Яновского², который между прочим сообщает, что видел Александрову (до ее болезни), счел нужным заговорить с ней обо мне и в ответ услышал жалобу, что «Ад<амович>ч все подсылает к нам ходатаев». Ну как и где мне доказать, что никогда я никого не «подсылал», а страдаю от излишней услужливости друзей?! Но это — пустяки. А вот что меня заинтересовало:

«Здесь оживление. Цетлинша с Гринбергом собираются издавать журнал с участием лучших сил. Редакторами предполагаются Иваск, Пастухов и Глинка»³.

Что это? И что Вы об этом думаете? Пастухова⁴ я знаю. Это — пианист с литературными поползновениями, когда-то писавший стихи. Но кто Глинка?⁵

Видел (и завтракал с ним) А.А. Полякова⁶, который не то что изменился, а как-то осел и притих (написал «осел» и вздохнул о старой орфографии: плохо выходит по новой!). Ратнер⁷ пытался с ним встретиться, но тщетно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Адамович приехал из Манчестера в Париж 14 сентября 1952 г. и обедал у Полонских 17 сентября, см. его письмо А.В. Бахраху от 18 сентября 1952 г. (BAR. Coll. Bacherac). В конце сентября уехал в Ниццу, так что визит к Буниным мог состояться только в последней декаде.

² Письмо Яновского не сохранилось, но сохранилось ответное послание Адамовича от 7 октября 1952 г., в котором он писал: «Обо мне Вы с Александровой говорили напрасно! Без моего согласия и спросу с ней обо мне говорило уже несколько человек (Даманская даже писала!), и она по-своему права думать, что я кого-то “подсылаю”. Но видит Бог, никого я к ней не подсылал. В результате всех этих историй летом я по совету Алданова (получившего на эту тему письмо от Шварца) написал в Чех<овское> из<дательство>во в том духе, что не желают ли они, мол, от меня книги, например о литературе в эмиграции. Ответила Терентьева в том смысле, что why not [почему нет? (англ.)] На этом пока дело и кончилось. Я кое-что напишу и пошлю им “на пробу”» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

³ По всей вероятности, Адамович приводит цитату из того же несохранившегося письма В.С. Яновского.

⁴ *Пастухов* Всеволод Леонидович (1894–1967) — пианист, музыкальный деятель, поэт, прозаик. Молодость провел в Петербурге, посещал «Бродячую собаку» и «Привал комедиантов», был знаком с М.А. Кузминым, Г.В. Адамовичем, Г.В. Ивановым и др. С 1921 г. в эмиграции в Риге, создатель и руководитель музыкальной школы, после Второй мировой войны в США, в 1953–1954 гг. совместно с Р.Н. Гринбергом редактировал первые три номера журнала «Опыты».

⁵ *Глинка* Глеб Александрович (1903–1989) — поэт, прозаик, литературовед. В 1925 г. окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Участник литературной группы «Перевал». В 1941 г. ушел на фронт, попал в плен, содержался в концентрационных лагерях. После войны жил в Брюсселе, затем в Нью-Йорке, сотрудничал в «Новом журнале».

⁶ В сентябре 1952 г. А.А. Поляков приезжал из Нью-Йорка в Париж, где, в частности, виделся с Адамовичем, предложившим ему встретиться в письме от 17 сентября 1952 г.: «Мне было бы правда очень жаль, если бы Вы уехали, не повидавшись со мной. Вы, вероятно, бываете в городе. Назначьте любое время и любое место: я всегда могу освободиться и прийти» (BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1). 1 ноября 1952 г. Адамович уже из Манчестера писал в Нью-Йорк А.А. Полякову: «Ваш парижский визит был действительно мимолетен. По крайней мере, для меня. Вероятно, осталось у вас такое впечатление, будто Вы побывали на пепелище, — не Парижа вообще, но нашего русского Парижа. Я лично на этом пепелище хотел бы и дожить свою жизнь» (BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1).

⁷ *Ратнер* Евсей Владимирович (1905–1970) — журналист, после революции в эмиграции в Париже, сотрудник «Последних новостей», после войны — «Русских новостей».

44. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

13 октября 1952 г. Ницца

13 октября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Извините, что немного задержался с ответом на Ваше письмо от 7-го. Меня поразила по-настоящему внезапная кончина Тэффи¹, с которой мы были в тесной дружбе несколько десятилетий. Я вернулся из Италии после очень приятной поездки, в самом лучшем настроении духа — и нашел на столе краткое сообщение о том, что она скончалась.

О журнале Цетлиной — Гринберга я ничего не слышал, — узнал из Вашего письма и из письма Любови Александровны <Полонской>, которой Вы это сказали. Кто такой Глинка, мне тоже неизвестно, — вероятно, какой-нибудь литератор ди-пи. Пастухова я раз в жизни встретил в Нью-Йорке, с Иваском не встречался, кажется, никогда. Выбор редакторов действительно неожиданный, — если в журнале будут, как Вам пишет Яновский, участвовать «лучшие силы» (?), то и редакторов могли бы выбрать поизвестнее? Доказывает же появление нового журнала лишний раз то, что Цетлина, выставленная Карповичем из его издания, а другими из Литературного фонда и из «Надежды»², умирала от скуки и безделья³. «Дай Бог

поболее журналов», — но не думаю, чтобы этот расплодил читателей и мог составить конкуренцию «Новому журналу»⁴. Желаю ему успеха.

Действительно, давно было бы Вам пора съездить в Италию, благо из Ниццы так близко и недорого. Вот для Вас еще основание скоро снова приехать в Ниццу (чего бы мне — и не мне одному — очень хотелось). Мы с Лялей [А.Я. Полонским] были в Венеции, Флоренции, Неаполе и на Капри. Я в Италии был раз десять, в Венецию до первой войны приезжал чуть ли не каждый год, но на Капри не был никогда. Не без труда разыскал тот дом, где жил Ленин, где была его школа пропагандистов⁵ и откуда «все пошло». Остров необыкновенно красивый, но и необыкновенно мрачный (и скучный), — я написал Ивану Алексеичу, что удивляюсь и Тиберию, и ему: как он мог там жить по несколько месяцев в год! В Неаполе Ляля мне сказал, что его знаменитая бухта не так красива, как Ниццкая, и, по совести, я не уверен, что он неправ. Вдобавок с той поры, как я в последний раз в Неаполе был, Везувий «потух». Тогда он еще дымился и по вечерам сверкало пламя. Помоему, самый прекрасный город Италии — это Венеция, — у меня, очевидно, банальный вкус. На конгрессе⁶ встретил там много писателей, познакомился с некоторыми английскими, — кого прежде не знал. Конгресс был скучноватый, да я и приехал только к его концу.

Пишете ли Вы уже эту книгу для Чеховского издательства?⁷ Надеюсь, хоть начали? Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

---

¹ Тэффи скончалась 6 октября 1952 года в 4 часа дня. Через несколько дней Адамович опубликовал некролог «Памяти Тэффи» (Новое русское слово. 1952. 17 окт. № 14783. С. 8).

² Эмигрантское общество взаимопомощи «Надежда», действовавшее в Нью-Йорке.

³ Алданов довольно точно указывает первопричину появления «Опытов». В 1952 г. «Новый журнал» получил долгосрочную субсидию от Фонда Форда, и М.С. Цетлина, которая на протяжении десяти первых лет существования «Нового журнала» давала деньги на его издание, а также вела финансовые дела редакции, в сложившейся ситуации стала не нужна и принялась придумывать себе новое занятие. В относящемся к тому же 1952 г. недатированном письме Иваск сообщил Адамовичу: «Как-то летом Мария Самойловна написала мне, что очень скучает от ничегонеделанья: Просит ее занять каким-нибудь литературным предприятием» (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts (далее — Amherst). Yurii Ivask Papers).

⁴ Непростую историю издания, а также особенности рецепции его в эмигрантской среде см.: Коростелев О.А. «Опыты» в отзывах современников // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 3–46.

⁵ Партийная школа, основанная на Капри одной из фракций РСДРП, действовала в августе – декабре 1909 г. В.И. Ленин относился к ее деятельности негативно (сам он приезжал на Капри дважды — в 1908 и 1910 гг.).

⁶ Не удалось найти сведений.

⁷ О перспективах написания и выхода книги, затянувшихся на три года, см. в переиздании послесловие «Подведение итогов (книга Адамовича «Одиночество и свобода» в его переписке с друзьями)», а также приложение: «“Простите, что пишу Вам по делу...”: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955)» (Адамович Г.В. Собр. соч.: Одиночество и свобода / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2002. С. 309–322; 323–346).

45. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1952 г. Манчестер

20/X-52
с/o Mrs Davies
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Очень рад был Вашему письму. Спасибо. Вы говорите, что ничего не знаете о предполагающемся в Нью-Йорке новом журнале. На днях я получил письмо от Вл.С. Варшавского, — и делаю из него цитату, не меняя ни слова. (Отчасти по соображениям корыстным, т. к. хочу просить у Вас совета и мнения.)

«Здесь затевается новый журнал, толстый, в 300 стр. Устроительница — М.С. Цетлина. Редакция — Р.Н. Гринберг, Иваск, Глинка и еще кто-то, не могу вспомнить имени. Гринберга и Иваска Вы знаете, а те двое — люди петербургского вида, поэты, музыканты, эстеты. Журнал будет литературный и художественный, чуть ли не “Числа”. Никакой злободневной политики. Публицистика только самая высокая, в виде *essai*. Вы приглашаетесь, значит, вот как раз место, где Вы можете писать “за жизнь”. (Это я писал как-то Варшавскому, что хотел бы лучше писать не критику, а “за жизнь”, как говорит один мой знакомый. Г.А.). Мне кажется, Вы должны согласиться. Гринберг сказал мне, что пошлет Вам официальное приглашение. Он очень этим журналом увлечен»¹.

Вот, дорогой Марк Александрович, разрешите обратиться к Вам за советом. Я никакого еще «приглашения» не получал, не знаю, получу ли.

С Гринбергом у меня отношения скорей натянутые (были когда-то хорошие) после того, как он года два тому назад в Париже, пригласив меня обедать, стал мне читать нотации за участие в «Русск<их> новостях»².

Но если получу — соглашаться или нет? Только, пожалуйста, не отвечайте мне формально и не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения. Мне некого, кроме Вас, спросить, и я Вам верю, как никому другому. На всякий случай даю Вам честное слово сохранить Ваш ответ в тайне.

Все дело, конечно, в Марье Самойловне. Я знаю, как она поступила по отношению к Вам и Ив<ану> Ал<ексееви>чу³. Считаете ли Вы, что журнал, ею издаваемый, — место неподходящее для Ваших и Ив<ана> Ал<ексееви>ча друзей?⁴ Есть ли в согласии сотрудничать в таком журнале что-либо зазорное? Не скрою, что мне, конечно, хотелось бы сотрудничать, *au moment*⁵, что в «Новом журнале» я не состою. Но стоит ли, надо ли?

Буду Вам крайне благодарен за ответ и еще раз обещаю твердо сохранить его в абсолютной тайне, если бы Вы этого желали.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Я Вам говорил летом, что Пушкин выше всего ставил у Шекспира какую-то его сравнительно второстепенную драму: «Цимбелин»⁶. Хотел его перечесть, но здесь нет перевода, а в подлиннике мне Шекспира читать трудно. «Он любил “Цимб<елин>” даже больше “Ромео и Дж<ульетты>”»⁷.

¹ Несохранившееся письмо В.С. Варшавского было ответом на письмо Адамовича от 9 октября 1952 г., именно в нем тот говорил, что предпочел бы писать не критику, а «за жизнь»: «С Чеховск<им> изд<ательств>вом у меня переписка, кажется, дело налаживается, но книга моя — о литературе в эмиграции — только в проекте и мечтах. А за мечты денег не дают, надо что-то сочинить и послать. Тема неприятная, п<отому> что все о знакомых. А знакомые все у меня сплошь гении. О покойнике можно написать, что собственно гением он не был, а о живых невозможно, не купив предварительно домика на необитаемом острове. Я бы предпочел писать взгляд и нечто, вообще, обо всем и ни о чем, “за жизнь”, как говорит мой Рабинович, но им нужны вещи серьезные и солидные» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 266).

² Отношения вскоре наладились, см.: «...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 355–422.

³ Речь идет о разрыве М.С. Цетлиной с И.А. Буниным в 1947 г.; см. примеч. 4 к письму 19 наст. публ.

⁴ Бунин, вскоре скончавшийся, принять участие в «Опытах» не успел, но в журнале появился целый ряд статей о нем, отзывов на его книги, а кроме того, Адамович опубликовал фрагменты из писем Бунина к нему. Алданов в «Опытах» не участвовал.

⁵ в момент (*фр.*).

⁶ «Цимбелин» (1609) — пьеса Шекспира последнего периода творчества.

⁷ Ср. «Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний)» Г.П. Данилевского: «“Цимбелин” был любимой драмой Пушкина; он ставил его выше “Ромео и Юлии”» (Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С.И. Машинского. М., 1952. С. 443).

46. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

22 октября 1952 г. Ницца

22 октября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо. Я *очень* ценю, что Вы, да еще со столь добрыми словами, обратились за советом именно ко мне. Отвечаю Вам тотчас и совершенно искренно.

Я не вижу ровно ничего «ззорного» в Вашем участии в этом журнале. То, что его издает Цетлина, по-моему, никак не может быть препятствием. Уже после ее письма к Бунину и его и моего ухода из «Н<ового> журнала» Карпович остался редактором (хотя был ею чрезвычайно недоволен, а нас упрашивал остаться со-

трудниками), а он мой старый приятель. Остались и все сотрудники, хотя вынесли резолюцию о нежелательности нашего возвращения (Далину было даже поручено лично убеждать в этом меня, а через меня и Ивана Алексеевича, — он тогда по своим делам побывал в Ницце); между тем у меня среди них было (и осталось) много приятелей и друзей. Мне (не знаю, как Ивану Алексеевичу) *и в голову не приходило* на них сердиться за то, что они остались в «Новом журнале». Да я и сам, уже после нашей ссоры, числился с Цетлиной и в Правлении Литературного фонда, и в обществе «Надежда», пока ее оттуда не «ушли» (отнюдь не из-за нас, Бунина и меня, и не при моей помощи). Это никак, думаю, не может быть и препятствием для Вашего участия в ее журнале. Да и других причин не участвовать я не вижу. Не запросили ли бы Вы еще А.А. Полякова?¹ Ему на месте виднее.

Меня разве только удивляет, зачем это Вам? Собственно, все то, что Вы хотите писать, Вы могли бы печатать (с продолжениями) в «Н^{овом} р^{усском} слове», будь это критика или «за жизнь». Правда, для журнала можно писать и чуть иначе (именно чуть, так как и в газете появляются статьи, стоящие на уровне хороших журналов). Зато у «Н^{ового} р^{усского} слова» есть огромное преимущество: эту газету, верно, читает не менее 50 000 человек, а этот журнал едва ли будут читать пятьсот. Выходить же он будет, должно быть, не часто, вроде как «Новоселье»². Карпович мне сказал в Ницце, что книга в 300 страниц теперь обходится не менее как в 1500 долларов. Цетлина бережлива, и боюсь, будет выпускать — много, если две книги в год. Я до этого Вашего письма думал, что Гринберг будет *издателем* (с ней). Но Вы теперь пишете, что он будет редактором. Значит, весь убыток должна будет покрывать она? Впрочем, не знаю. Во всяком случае, скажу еще раз: Вы, конечно, можете в этом издании писать. Имейте, кстати, в виду, что «Новый журнал» теперь платит *два* доллара за страницу. Все сотрудники нового издания могут настаивать по крайней мере на такой же плате.

Я не знал, что журнал будет аполитический. И еще меня удивляет, как в составе редакции нет Берберовой³. Где же все-таки они возьмут беллетристику? Я никак не думаю, чтобы Карпович поставил беллетристам, поэтам и критикам условие: либо у меня, либо там. Но ведь Зайцев печатает своего «Глеба» в «Новом журнале», и ничего другого у него нет⁴. Вероятно, из старых эмигрантов там будет только Ремизов, а остальные все — «молодежь» и в парижском 50-летнем возрасте, и ди-пи в более близком к этому слову смысле⁵. Что ж, я искренно рад, что будет еще одно издание. Иваска и Глинку я не знаю, а Гринберг очень милый человек. Сирин, хотя его друг, к ним, верно, не пойдет⁶: он и вообще по-русски не пишет, и люто ненавидит М^{арию} С^{амойлов}-ну.

Кстати, уже после моего ответного письма к Вам я получил письмо от Яновского (он мне никогда не пишет). В^{асилий} С^{еменович} спрашивал Ваш адрес и тоже сообщал об этом журнале, — но его сообщение целиком совпадало с Вашим первым и было очень кратким.

Так Пушкин, правда, так восторгался Цимбелином?! Впрочем, помнится, и Виктор Гюго восторгался этой драмой, особенно ее развязкой. Но это вроде того, что Андре Жид говорил мне: лучшая вещь Достоевского — «Вечный муж»!

Мы оба шлем самый сердечный привет и лучшие пожелания. Не забывайте.

¹ Такого запроса в сохранившихся письмах Адамовича А.А. Полякову нет (см.: BAR. Coll. Poliakov).

² «Новоселье» (1942–1950) — литературно-художественный журнал, выходивший в Нью-Йорке (в 1950 г. в Париже). Редактор-издатель С.Ю. Прегель.

³ Н.Н. Берберова в редакцию «Опытов» не входила, но в журнале печаталась, а также предоставляла для публикации материалы из архива Ходасевича и своего собственного архива.

⁴ В «Новом журнале» печатались главы из третьей и четвертой частей тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (1946. № 12, 13–14; 1947. № 15; 1952. № 28–30). Однако и в «Опытах» Зайцев принимал участие начиная с самого первого номера: Зайцев Б. Дни (Записи) // Опыты. 1953. № 1. С. 159–162; *Он же*. Отдых (глава из книги «Чехов») // Там же. № 2. С. 25–33; *Данте*. Ад / Введ. и перевод 5-й песни Бориса Зайцева // Там же. 1955. № 4. С. 21–32.

⁵ Предположение Алданова не оправдалось. В «Опытах» публиковались произведения А.М. Ремизова, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцева, Ф.А. Степуна, Л.И. Шестова, А.Л. Толстой, С.К. Маковского, М.И. Цветаевой, В.Ф. Ходасевича, В.В. Вейдле, Г.В. Адамовича, Г.В. Иванова, Н.А. Оцуца и др., так что в результате эмигранты второй волны даже начали упрекать журнал в консервативности и малой заинтересованности в новых авторах.

⁶ Набоков печатался в «Опытах» с первого номера, опубликовав стихи, воспоминания и «Заметки переводчика». О его непростых отношениях с журналом и его первым редактором Р.Н. Гринбергом см. в публикациях их переписки: «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // *In memoriam: Ист. сб. памяти А.И. Добкина*. СПб.; Париж, 2000. С. 345–397; *Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967* / Вступ. статья, публ. и коммент. Р. Янгирова // *Диаспора: Новые материалы*. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 477–556.

47. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

25 октября 1952 г. Манчестер

25/X-52

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Спасибо большое за быстрый ответ. Буду, значит, считать, что участие в журнале приемлемо «в принципе», — ну, а там видно будет. Гринберг — кроме редакторства, наверно, будет и полу-издателем. Он — человек более чем состоятельный, и я не думаю, чтобы его могли пригласить редактором без денежной поддержки журнала.

Вы спрашиваете, «зачем это мне»? Особого рвения у меня и нет. Но я не согласен с Вами, что в газете можно писать то же, что в журнале. Нет, в газете и темы другие, и отношение к теме другое, — пожалуй, именно потому, что читают газету

50 000 человек. В газете я стараюсь все «разжевывать», а иногда это себе самому надоедает. (И, по-моему, надоедает какому-то маленькому % читателей.)

Но пока все это — гадательно. Я не уверен, что журнал будет, не уверен, что в нем буду я. Хотел только знать Ваше мнение и еще раз очень за него благодарю.

На днях я читал Чаадаева и нашел у него неожиданный отзыв о «Переписке» Гоголя, — которого, как Вы, конечно, знаете, он терпеть не мог: в книге Гоголя есть «des pages d'une étourdissante beauté, des pages telles que celui qui les lit se sent heureux et fier de parler la langue dans laquelle de pareilles choses sont écrites»¹.

Это — из письма к Вяземскому. Я до сих пор знал только презрительные отзывы Ч<аадаева> о Гоголе и потому был удивлен. Но сразу вспомнил Вас, — потому что Вы никаких «beautés²» в «Переписке» не находите. Я согласен, что книга противная. Но написана она местами так, как никто другой не написал бы. Еще, тоже на днях, нашел в той же «Переписке» фразу, которая ни у кого, кроме Гоголя, в те времена немислима:

«Если и музыка нас покинет, что будет с нашим миром?»

По-моему, сказано удивительно по интонации, по предчувствию всего того, что потом стали говорить Мережковский и К°, но гораздо хуже. Простите, дорогой Марк Александрович, за эту литературную интермедию. Кстати, мне писала М^{ме} Терентьева, чтобы я прислал пробную часть предполагаемой книги «в ближайшие дни». Я ответил с просьбой о сроке в 2 недели — и пошлю ей на днях страниц 30–35, где две статьи — о Мережковском и о Шмелеве³. Остальное — потом, если эти листы будут приняты. Не понимаю, почему нужно торопиться, я думал послать больше, а теперь не знаю — писать ли дальше, до получения ответа.

Крепко жму Вашу руку, кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович цитирует в неточном французском переводе письмо П.Я. Чаадаева П.А. Вяземскому от 29 апреля — 10 мая 1847 г.: «страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 202–203).

² красот (фр.).

³ 29 октября 1952 г. Адамович написал Т.Г. Терентьевой письмо, отправляя одновременно в издательство две главы будущей книги — «Мережковский» и «Шмелев», см.: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства им. Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 206–207.

48. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

Ноябрь 1952 г. Манчестер¹

104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Я только что кончил статью о Вашем романе² и посылаю ее Вейнбауму³. А самый роман кончил читать вчера и весь еще «полон» им.

Думаю, что многого в «Ж<иви> к<ак> хоч<ешь>» не понял, не могло быть иначе. Вы писали Вашу книгу года два, едва ли меньше, я читал ее десять дней — и наверно многое прошло для меня незамеченным. Я об этом не написал в статье, но только потому, что такие признания обыкновенно подхватываются теми, кто рад на чужой счет поиронизировать.

Мне все хотелось — и не удавалось — объяснить «смысл» романа и его названия, т. е. «что автор хотел сказать». А потом я вспомнил слова Толстого (из предисловия к Поленцу⁴):

«Если смысл художеств<енного> произведения можно выразить своими словами, незачем было писать художественное произведение» (кажется, нет «своими»⁵).

И это, конечно, верно, — и, значит, хорошо, что мне не удалось объяснить ничего, кроме общего тона и склада (м. б., это тоже не удалось, не знаю, но то наверно было бы искажением).

А вообще-то Ваш роман втягивает в себя, как в живой, незнакомый мир. Удивительно при этом то, что люди Ваши вовсе не очень привлекательны — а расстаться с ними трудно. Какой-то круговой порукой они связаны со всеми людьми, разгадка, вероятно, в этом. Мне милее всех из Ваших людей Сильвия, жена Пемброка, о которой сказано у Вас два слова, но которая наверно похожа на Там<ару> Матвеевну Кременецкую, образ чудный, вроде пушкинской капитанши Мироновой. И еще — эта несчастная «ведьма», которую сожгли: есть что-то в ней très poignant⁶. Вы, наверно, подумаете, что я пишу Вам вздор.

Пожалуй! Я сел писать с желанием что-то сказать, а чувствую только какое-то смущение и волнение от прочитанного, как, м. б., и должно быть. C'est très triste en somme, mais on ne dirait pas — en quittant votre univers — que le monde soit irrémédiablement perdu⁷.

Я вспомнил Герцена в статье⁸, и все больше думаю, что у Вас с ним много общего. Вообще, замечательно то, что, читая теперешние русские книги — даже Бунина, — не вспоминаешь из прошлого решительно ничего. А у Вас наш grand siècle⁹ — продолжается, со многими темами его. Простите, Марк Александрович, весь этот болтливый туман. Письма надо бы писать толково, на французский лад, а я будто сижу в café Mozart, да и то вместо кофе выпил коньяку.

Ваш Г.А.

¹ Датируется по содержанию.

² *Адамович Г. «Живи как хочешь»* (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

³ *Вейнбаум* Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1913 г. жил в США, сотрудник (с 1914 г.), затем редактор-издатель (с 1923 г.) газеты «Новое русское слово».

⁴ *Поленц* (Polenz) Вильгельм фон (1861–1903) — немецкий писатель. Роман «Крестьянин» (1895) привлек внимание Л.Н. Толстого, который написал предисловие к русскому изданию 1902 г.

⁵ В «Предисловии к роману В. фон Поленца “Крестьянин”» Л.Н. Толстого слова «своими» действительно нет: «Если смысл художественного произведения может быть выражен словами, то незачем было и писать мнимо-художественное произведение» (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.*: В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 520).

⁶ очень трогательное (*фр.*).

⁷ Все это очень грустно, но, покидая этот мир, я бы не сказал, что он безвозвратно потерян (*фр.*).

⁸ Адамович писал в статье: «Я читал роман Алданова — и вспоминал Герцена, не легко в двух словах объяснить почему. Есть что-то поздне-герценовское, печально-прозорливое, почти — но все-таки не совсем — безнадежное во внутреннем складе романа, с его обращенностью к будущему и будто сжимающимся за судьбу этого будущего сердцем. Есть то, что заставило Герцена говорить о жизни как о “вихре случайностей”, после того как были в его сознании сметены и разбиты все навеянные Гегелем надежды на неотвратимо-осмысленный ход истории» (*Адамович Г. «Живи как хочешь»* (Новый роман М.А. Алданова). С. 8).

⁹ великий век (*фр.*).

49. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

30 ноября 1952 г. Ницца

30 ноября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Ваше письмо и очень тронуло меня, и даже несколько взволновало. От души Вас благодарю.

Я не послал Вам экземпляра «Живи как хочешь» по следующей причине. Месяца полтора тому назад Столкин¹ показал мне письмо, полученное им от Г. Света², сотрудника «Н<ового> р<усского> слова». Свет писал ему и просил сообщить мне, что он предложил Вейнбауму написать о моем романе. Вейнбаум ответил, что отзыв даст Адамович. Надеюсь, вы мне поверите: я ни одного слова не писал «Н<овому> р<усскому> слову» (ни другим изданиям), что прошу поручить рецензию такому-то. Но, разумеется, был чрезвычайно рад тому, что они просили о рецензии именно Вас. Ваше мнение для меня *чрезвычайно* важно, — Вы это знаете давно. Если б я после письма Света послал Вам книгу, то это было бы «каптацию беневоленции»³.

Не знаю, конечно, *что* Вы написали. Если то, что пишете в письме, то как же мне этому не радоваться? Ничто не может быть более лестно, чем сравнение с

Герценом, в какой бы форме оно ни было сделано. Столь же лестны и Ваши слова о продолжении «гран сиекль»⁴.

Я над романом работал даже не два, а три года. Вы говорите, что потратили на его чтение десять дней, этого больше чем достаточно. У американских критиков, даже у самого известного из них, Орвиля Прескотта⁵, пишущего четыре рецензии в неделю в «Нью-Йорк таймс», всегда есть один, очень много если два дня для рецензии о любой книге. Мой роман вышел по-английски 10 ноября, я уже получил с десяток рецензий от нью-йоркского бюро вырезок. Пока есть и очень лестные, и нелестные. Тот же Орвиль Прескотт начинает с совершенно незаслуженного мною комплимента, — будто я «без сравнения самый выдающийся из современных русских писателей» (!), — а затем разносит книгу. Невольно я себя спросил: если «самый выдающийся» так не знает своего дела, то что же сказать о других эмигрантских и советских писателях?! Пока его рецензия самая неблагоприятная из всех — и самая важная («Таймс»!). Вижу, что нововведение — «активизация» действующих лиц романа посредством перенесения их в гораздо более драматическую обстановку в пьесах, вставленных в роман, — ему очень не понравилось, — как не понравились пьесы и некоторым другим критикам. Боюсь, что книга успеха иметь не будет.

Заго приятное известие. Вреден как будто выпустит в 1953 году по-русски мою философскую книгу⁶. Я тогда скажу: «Нунк димиттис»⁷ (кстати, удивительно глупыми кажутся иностранные слова, написанные русскими буквами. Вы, правда, подумаете, отчего же было не сказать «ныне отпускаеши», и Вы будете правы).

Имеете ли Вы новые известия от Чеховского издательства? Конечно, иметь их Вы можете, только если уже послали им несколько глав из Вашей книги. Надеюсь, Вы над ней работаете, правда?

Я не помнил процитированных Вами слов Толстого. Какой он был во всем кладезь мудрости — даже тогда, когда с ним согласиться трудно, — ведь этот Полонец был очень средний писатель. По крайней мере, показался мне таким лет сорок тому назад, с тех пор я ничего его не читал. Вероятно, он «подкупил» Льва Николаевича тенденцией.

Что же с журналом Цетлиной — Гринберга? Мне писал Я.Г. Фрумкин, что от периодического издания она будто бы уже отказалась, а будет выходить альманах, — вероятно, раз в год. Другой осведомитель сообщил, что там все уже в плохих отношениях между собой. Нисколько не ручаюсь в верности обоих сообщений, но если первое окажется верным, то подтвердит то, что я Вам давно писал. Получили ли Вы «официальное» приглашение? Если получили, то скажу еще раз: примите его. Вы могли бы, кстати, там напечатать и отрывки из Вашей книги.

А вот удивили меня Ваши слова о том, что персонажи моего романа («кроме Сильвии»!) не очень привлекательны. Неужели непривлекательны и Надя, и Яценко, и Дюммлер, и Лафайетт! По-моему, кроме Делавара, Гранда и Тони, в этой моей книге нет вообще непривлекательных людей. Кстати, Маклаков мне пишет, что Тони (по-моему, самый неудачный из персонажей) ему «до жути напоминает» одну женщину, которую он близко знал (не пишет, кто это).

Простите, что пренебрег в письме правилом «ле муа э айссабль»⁸, — но тут Вы сами виноваты, я ведь отвечаю. Еще раз сердечно благодарю. Мы оба шлем Вам самый сердечный привет. Довольны ли Вы Манчестером?

¹ *Столкин*д Абрам Яковлевич (?–1964) — юрист, журналист, общественный деятель, меценат. До революции сотрудник «Русского слова», в 1908 г. корреспондент в Государственной думе. После революции в эмиграции в США, сотрудник «Нового русского слова», председатель Литературного фонда, миллионер. В 1943 г. по состоянию здоровья поселился на юге Франции (Канны, Ницца), где был широко известен своей благотворительной деятельностью. Награжден орденом Почетного легиона (1954).

² *Свет* Гершон (Герман) Маркович (1893–1968) — журналист, общественный деятель. После революции в эмиграции в Берлине, с 1933 г. в Париже, с 1934 г. в Палестине, корреспондент «Нового русского слова» и «Форвертс», с 1948 г. в Нью-Йорке, редактор газеты «Ауфбау».

³ От лат. *captatio benevolentiae* — снискание расположения.

⁴ См. примеч. 9 к предыдущему письму.

⁵ *Прескотт* (Prescott) Орвилл (1907–1996) — американский литературный критик, сотрудник «Ньюсвик», затем редактор «Кью», а в 1942–1966 гг. постоянный автор «Нью-Йорк таймс» (действительно публиковавший еженедельно три-четыре рецензии на протяжении многих лет).

⁶ *Алданов* М. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁷ От лат. «*Nunc dimittis...*» («Ныне отпускаеши...») — слова Симеона Богоприимца, произнесенные в Иерусалимском храме в день Сретения (Лк. 2: 29–32) и вошедшие в состав богослужебных песнопений.

⁸ От фр. «*Le moi est haïssable*» — «Я» отвратительно» (из «Мыслей» Блеза Паскаля).

50. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

9 декабря 1952 г. Манчестер

104, Ladybarn Road

Manchester 14

3/ХП-52

Дорогой Марк Александрович

Я всегда боюсь отвечать на письма, которые сами по себе были ответом, п<отому> что выходит, будто навязываешься на переписку. Но на этот раз позволяю себе сделать исключение.

Спасибо за письмо. Я был очень рад ему. То, что Вы пишете об отзывах о Вашем романе, т. е. о том, что отзывы есть всякие — меня не удивляет. Независимо от художественных достоинств романа в нем есть что-то вызывающее и почти презрительное в отношении *soi disant*¹ «нового искусства», вроде того, к которому склонен Ваш кинематографический режиссер. А 90 % критиков эта тенденция не по душе, п<отому> что они-то эту «новизну» и поддерживают, боясь, как бы кто не подумал, что они ее не понимают. Вот недавно умер *Eluard*², поэт, м. б., и замечательный, не знаю, не берусь судить. Но почти во всех статьях его памяти эта комическая и жалкая склонность быть на стороне «нового», «передового во что бы то ни стало» просто умилительна. А у Вас и в самом складе романа, а кое-где и прямо — это выведено на чистую воду, и не может всем критикам нравиться. Я очень люблю Бодлера. Но его мало было бы повесить за его стих — «*au fond de*

l'inconnu pour trouver du nouveau!»³ Он, вероятно, не предвидел, сколько глупости и пошлости от этого его «лозунга» пошло.

А вообще критика — пустое дело, и я все больше в этом убеждаюсь. Отчасти именно потому, что критик читает в два дня то, что писатель пишет два года. По долгу службы я здесь перечитываю наших «великих» критиков, Белинского, Добролюбова и К°. Какая это все болтовня! И если я Вам пишу об этом, то с мыслью о снисхождении, которого должен бы у Вас просить за то, что написал сам. Конечно, для автора, для Вас — это все мимо, и только читатели по простодушию думают, что критик что-то понял, разобрал, оценил и указал. За собой я признаю, кстати, только одно достоинство, которое, вероятно, считается недостатком: то, что у меня нет системы и твердого взгляда, вроде как у Добролюбова. Когда начинаются системы, то критика становится чепухой окончательной.

Относительно «непривлекательности» Ваших персонажей — я, конечно, не точно выразился. Дюмлер и Яценко привлекательны, хотя Яценко *par le temps qui court*⁴ избалован жизнью, и читатели эмигрантские скажут, вероятно, что он блажит и недоволен положением, которое почти все они считали бы верхом благополучия и счастья. Надю я как-то не чувствую, а между тем чувствую, что это один из Ваших любимых образов, часто у Вас повторявшийся. Пемброк тоже привлекателен, и даже Грант — не совсем подлец. Он был бы подлецом вполне в романе Поля Бурже⁵, но не в романе Толстого, а Вы к Толстому ближе, чем к Бурже. Ну, довольно, — простите за этот фельетон, к тому же непрошенный.

Насчет нового нью-йоркского журнала — «ни слуху ни духу». Похоже, что не будет ничего, хотя Иваск утверждает, что будет.

Вы спрашиваете о моих делах с Чех<овским> изд<ательств>вом. Месяца полтора тому назад Терентьева просила прислать пробные листки «как можно скорее». Я послал в конце октября страниц 25–30 — о Мережковском и о Шмелеве, с указанием, что посылаю мало из-за спешки. Недели две назад Терентьева сообщила мне, что она «в восторге» (или что-то в этом роде) от прочитанного, передала все Вредену и надеется вскоре дать ответ определенный. С тех пор еще не было ничего. Надеюсь, что ответ будет благоприятный, *mais on ne sait jamais*⁶.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Пожалуйста, не считайте, что письмо это требует ответа, и кланяйтесь сердечно Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Я дал «Ж<иви> к<ак> х<очешь>» здешнему русскому профессору Добрину⁷, человеку умному, хотя мало литературному. Он прочел книгу в один день и, возвращая ее мне, сказал: «Дюмлер, конечно, списан с Маклакова». Мне это не пришло в голову, думаю, Вам тоже.

¹ так называемого (*фр.*).

² *Элюар* Поль (наст. имя Eugène Émile Paul Grindel; 1895–1952) — французский поэт, один из основателей дадаизма, затем сюрреализма, скончался 18 ноября 1952 г.

³ Из стихотворения Бодлера (1821–1867) «Путешествие» («*Le voyage*», 1859). В переводе М. Цветаевой: «В неведомого глубь — чтоб новое обрести!»

⁴ по нашим временам (*фр.*).

⁵ *Бурже* (Bourget) Поль Шарль Жозеф (1852–1935) — французский писатель, первоначально поэт-декадент и критик, затем автор психологических романов, с 1894 г. член Французской академии.

⁶ но никогда не знаешь (*фр.*).

⁷ *Добрин* Самуил Иосифович — юрист, до революции помощник М.М. Винавера по адвокатуре, после революции в эмиграции в Англии, профессор кафедры русистики Манчестерского университета.

51. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

9 декабря 1952 г. Ницца

9 октября¹ 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Сегодня получил от Александра Абрамовича <Полякова> Вашу статью о моем романе². От души Вас благодарю. Я чрезвычайно рад ее появлению, и не только потому, что она столь лестна и что оценка исходит от Вас: без этой статьи, боюсь, девять десятых читателей плохо поняли бы смысл и конструкцию романа. Прочел Вашу статью два раза, тогда как американские рецензии, даже очень лестные, только пробегаю. Подумал, что, быть может, и назвать роман следовало бы «Покой и воля». Я этот стих только вставил в текст: давать второй эпитаф, в дополнение к строкам из Мопассана³, мне не хотелось.

Удивило меня лишь то, что Вы нашли сходство между Дюммлером и Лафайеттом. Я первого во втором никак не «активизировал» и, по-моему, они друг на друга не похожи.

Думаю, что после письма к Вам Терентьевой можно считать решенным вопрос о принятии Вашей книги Чеховским издательством. Все же полной уверенности у меня нет: до сих пор они неизменно требовали от авторов представления по крайней мере *трети* рукописи, а главы о Мережковском и Шмелеве, вероятно, составляют меньше трети? Незачем Вам говорить, как я хотел бы, чтобы Ваша книга была возможно скорее окончена и напечатана. Кто ведь знает, долго ли будет существовать Чеховское издательство. Не подумайте, что у меня есть сведения, будто издательство будет существовать недолго, — избави Бог! Никаких таких сведений или даже слухов нет ни у меня, ни, насколько я знаю, у других. Но Карпович мне в Ницце говорил, что они обеспечены лишь на три года. А ведь почти полтора года уже прошли. Для всех нас будет катастрофой, если издательство почему-либо закроется. Хотя это только *теоретическая* возможность, пишу Вам об этом совершенно доверительно и больше для того, чтобы Вы по возможности ускорили работу над Вашей книгой.

Луниц⁴ на днях говорил мне, что где-то видел Гринберга. Тот сказал ему, что «Опыты» *будут*, хотя есть трудности.

Изумлен словами Добрин, будто Дюммлер «списан с Маклакова»! Верно, он Василия Алексеевича не знает. Вы правы: мне это и в голову не приходило.

Верно, к Новому году мы приедем в Париж. Собираетесь ли Вы во Францию? «Покоя и воли» больше всего в моем случае в Ницце. Но нужна и Национальная библиотека или Нью-йоркская публичная.

Еще раз спасибо. Шлем оба самый сердечный привет.

Перечел Ваше письмо. Вы как будто «оправдываетесь», что не сказали всего о романе и его идеях! Помилуйте, как же можно было бы в небольшой статье сказать все о двухтомной книге.

---

¹ Опечатка Алданова, письмо написано в декабре.

² *Адамович Г.* «Живи как хочешь» (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

³ Эпиграфом к своему роману Алданов взял слова Ги де Мопассана: «Этот критик считает романом более или менее правдоподобное происшествие, рассказанное по образцу театральной пьесы в трех актах: в первом изложение, во втором действие, в третьем развязка. Такой род творчества вполне допустим, но при условии, что будут считаться приемлемыми и все другие. Разве существуют правила для создания романа, вне которых написанная история должна носить какое-либо другое название? Каковы же эти пресловутые правила? Откуда они взялись? Кто их установил?».

⁴ *Луниц Григорий Максимович* — литератор, журналист, книгопродавец-букинист, библиофил, друг Алданова.

52. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

22 декабря 1952 г. Париж

22/XII-52

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Благодарю Вас за письмо — и простите, что делаю это с опозданием. Я получил его в Манчестере накануне отъезда в Париж, а здесь в первые дни — обычная суета, переписке мешающая.

Я очень рад, если статья моя о «Живи как хочешь» не показалась Вам слишком пустой и неверной¹. У меня были насчет нее большие сомнения, как всегда, впрочем, когда хочешь написать хорошо, а не просто отделаться от книги (или автора). Да и теперь я все думаю: надо было сказать то-то и то-то, а совсем не то, что сказал в действительности. Я терпеть не могу Шарля Моррасса, но у него есть об этих «мучениях» при чтении уже напечатанной статьи несколько очень верных строк (в предисловии к «La vie intérieure»²). О сходстве Дюммлера с Лафайетом: что-то общее у них есть, хотя и очень смутное. Какой-то «дон-кихотизм», высокого порядка. К тому же оба очень стары — так что смешать их было естественнее, чем других. У меня осталось в памяти от разных прочитанных книг, что Лафайет был глупым человеком, — не знаю, верно ли это. А у Вас он не глуп, хотя Дюммлер и умнее.

Вчера был у Буниных. Иван Алексеевич — лучше, чем был осенью, и при мне сделал надпись на портрете Горького в какой-то книге: «полотер, вор, убийца». Так что все в порядке. Сейчас его главный враг Зин<аида> Гиппиус, не знаю почему. Вы знаете, что я его очень люблю и чувствителен к его «шарму» и многому другому в нем. Но жаль все-таки, что к старости у него ничего лафайето-дюмлеровского не осталось или, вернее, не появилось. А может быть, и «шарм» его — в этом отсутствии, при всяких других дарах.

Сегодня должен обедать у Любовь Александровны <Полонской>.

Крепко жму Вашу <руку> и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. «Покой и воля» — действительно было бы очень хорошим названием романа. По-моему, вообще лучше называть книгу существительным в именит<ельном> падеже, как всегда делали раньше, а не фразой (хотя фразы есть у Толстого и др.). Книга есть мир или вещь, и должна иметь имя, а не характеристику содержания. А «Покой и воля» и звучит прекрасно.

---

¹ Адамович Г. «Живи как хочешь» (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

² Вероятно, Адамович имеет в виду предисловие Шарля Моррасса (Maurras; 1868–1952) к книге «La Musique intérieure» (P.: Grasset, 1925).

53. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

4 января 1953 г. Ницца

4 января 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Искренно Вас благодарю за письмо. Помимо прочего, Вы несколько успокоили меня насчет Ивана Алексеевича. У меня в последнее время нервная тревожность увеличилась. Всякий раз, когда от него долго писем нет, я начинаю беспокоиться, и Ваше письмо пришло как раз в такой момент. Все же должен оговориться. Получив Ваше письмо, я тотчас ему написал и сегодня получил письмо с «опровержением»: Адамовичу, пишет, только показалось, что вид у меня лучше, а я чувствую себя плохо. — Вдобавок едва ли не в первый раз в жизни он не пишет мне пером, а диктует письмо Вере Николаевне. Тем не менее Ваше письмо меня несколько успокаивает, — даже фактами, тем, что он ругательски ругал Горького и Гиппиус. А почему ее? Вы совершенно правы: ему дюмлеровское начало чуждо, но это тоже особенность его очарования.

Лафайетта считал недалеким человеком Наполеон. Не думаю, чтобы он был прав, да он и всех «идеалистов» презирал, как всех «идеологов». Мы с Вами, кроме того, сходимся в признании полной неопределенности понятия «ум».

Была у меня Мадам Лезелль¹, — взяла книги Тэффи для Н.В. Милюковой². «Войну и мир» она уже прочла, так что это никак не должно быть препятствием к Вашему приезду в Ниццу. Боюсь, что Вы ни теперь, ни на Пасху не приедете? А относительно лета я не загадываю, — далеко лето.

У меня впечатление, что Бунины почти «заброшены», что к ним почти никто не ходит. Быть может, я тут и ошибаюсь? Было ли у них хоть какое-либо подобие встречи Нового года? У нас ничего не было, но нам это не тяжело, да в Ницце никого ведь и нет. Встречали ли Новый год Вы? Мы поедem в Париж в конце месяца, но слышали (от Мадам Лезелль), что Вы скоро возвращаетесь в Манчестер. Когда именно и надолго ли? Я уверен, что Вы до отъезда еще побываете у Ивана Алексеевича. Могу ли я просить Вас тогда, до отъезда, опять мне написать? Заодно тогда, пожалуйста, сообщите мне, имеете ли что-либо от Чеховского издательства? И еще маленькая *конфиденциальная* просьба. Вам, верно, известен *весь* состав руководящего комитета издательства «Рифма». Я знаю, что туда входят Яссен, Терапиано, Маковский, Чиннов, но есть, кажется, еще один или два человека³. Кто именно? Не подумайте, что я начал писать стихи.

Я от Чеховского издательства уже месяца полтора никаких известий не имею. Вреден не пишет. Таким образом, я не знаю, как продается мой роман по-английски (в последние дни рецензии от бюро вырезок почти все хорошие). По-русски, верно, идет очень плохо, — прежде всего по необыкновенно высокой цене двух томов. Но и об этом мне ничего не сообщают.

Не собираются ли какие-либо пишущие люди в Ниццу, в Жуан-ле-Пэн?

Оба шлем Вам самые сердечные пожелания к Новому году (простите, что чуть запоздалые) и столь же сердечный привет.

---

¹ *Мадам Лезелль* (M-me Lesell) — квартирная хозяйка Адамовича в Ницце (4, avenue Emilia, Nice).

² *Милюкова* Нина (Антонина) Васильевна (урожд. Григорьева; в первом браке Лаврова; ? — после 1959) — музыкантша, вторая жена П.Н. Милюкова (с 1935 г.).

³ «*Рифма*» — издательство, основанное в Париже в 1949 г. И. Яссен и печатавшее только сборники стихов. В редколлегию входили, помимо самой Яссен, Г.В. Адамович, С.К. Маковский, Георгий Раевский, П.С. Ставров, а также А.М. Элькан, которая была и секретарем издательства. После смерти И. Яссен издательством заведовала С.Ю. Прегель (до своей кончины в 1972 г.), а затем Ю.К. Терапиано. Подробнее см.: *Терапиано Ю.* Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта.

54. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

5 января 1953 г. Париж

Paris 8°
53, rue de Ponthieu
5/1-53

Дорогой Марк Александрович

Я думал, что Вы в самом начале января будете в Париже, и потому не написал Вам к Новому году. А оказывается, Вы приезжаете еще не скоро; во всяком случае, после моего возвращения в Англию.

Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние пожелания благополучия, здоровья и успеха во всех делах.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Г. Адамович

55. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

11 января 1953 г. Париж

Paris
11 января 1953

Дорогой Марк Александрович

Получил третьего дня Ваше письмо¹, спасибо. Уезжаю в Англию послезавтра, а вчера был у Буниных. Ему было хуже, чем обычно, т. к. у него жар. При мне был Зернов², который считает, что жар от каких-то кишечных причин, т. е. что это осложнение случайное и не важное. Потеря крови, мучившая И<вана> А<лексеевича> все последнее время, прекратилась. В общем — все то же, но вчера он был слабее, чем на прошлой неделе, и говорил с трудом. У Веры Николаевны вид совсем измученный, т. к. он ей почти не дает спать.

Вы спрашиваете о моих делах с Чех<овским> изд<ательством>. Никаких дел! Со времени письма Терентьевой, о котором я Вам сообщил, — ни слова. Я написал ей по приезде в Париж с просьбой сказать, продолжать ли писание (т. к. у меня здесь хранятся всякие материалы, которые я взял бы с собой, если «да») — ответа никакого. Все это довольно странно, каково бы ни было их решение. Из «Опытов» приглашение получил³. Entre nous⁴ (но совсем entre nous), Гринберг пишет, что не решается к Вам обратиться, зная Ваше отношение к М<арии> Самойловне <Цетлиной>⁵. Она, по-видимому, его к этому подталкивает, и, вероятно, Гринберг «зондирует почву». Я ничего ему еще не ответил и не знаю, что ответить.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо от 4 января 1953 г.

² *Зернов* Владимир Михайлович (1904–1990) — доктор, лечащий врач Буниных.

³ Первым обратился к Адамовичу с предложением сотрудничества в «Опытах» В.Л. Пастухов в письме от 12 декабря 1952 г., текст письма опубликован в примечании к первому письму Гринберга, см.: «...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 358–359.

⁴ Между нами (*фр.*).

⁵ Р.Н. Гринберг в своем письме Адамовичу от 2 января 1953 г. назвал и другую причину, почему он не хотел просить у Алданова прозу для журнала: «Где, у кого искать ее, я думаю, прозу, не даму. У Алданова? Он так поссорился с М.С. Цетлиной, нашей издательницей, что боюсь сунуться, но кроме того, его проза “не курьезна” больше, примелькалась, истерлась, и сказать ему, судя по последнему роману, “Пиши как хочется”, кроме цитат, нечего. Это — между нами. Марк Алекс<андрович> такой любезный человек и чувствительный, что я бы не хотел...» («...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...». С. 357–358).

56. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

23 января 1953 г. Ницца

23 января 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Очень огорчило меня Ваше сообщение об Иване Алексеевиче. Я ему написал и ответа не имею.

Дня через два или три после Вашего письма я получил и непосредственное приглашение от Р.Н. Гринберга принять участие в «Опытах», он написал очень любезно, я ответил так же, но приглашение отклонил. А успеха им пожелал весьма искренно. Они едва ли будут конкурентами «Новому журналу»¹. Между тем писателям печататься почти нигде: «Новый журнал» может отводить беллетристам, например, не более 500 страниц в год. Гринберг пишет, что редакторы он и Пастухов. Иваска не называет. Какие у них главные сотрудники, не знаю.

От Чеховского издательства я получил договор на мою философскую книгу «Ульмская ночь». Я им послал в свое время 150 страниц, это без малого половина книги. Вреден мне тогда же написал, что принимает книгу, и отозвался о ней очень лестно. Но договора я ждал месяца два, получил его только вчера. Таким образом, произошло то же, что с Вами, с той разницей, что я послал 150 страниц, а Вы гораздо меньше. Препроводительное письмо было не от Вредена, а от его помощницы по административной части, госпожи Диллон Планте². Александрова вернулась к работе. Вреден мне давно писал, что будет в марте в Париже. Если я его увижу, поговорю с ним и о Вашей книге, — предполагая, что Вы против этого не возражаете? Писать же ему бесполезно, — когда он по два месяца не отвечает! Я запросил бы Александрову, но, как Вы помните, ее муж давно мне намекнул,

что о других писать ей не следует. Вы могли бы, конечно, ей теперь же написать. По-моему, Вы даже должны это сделать.

О составе кружка, руководящего издательством Яссен, Вы мне не ответили, — на то есть, верно, причины. Это не так важно.

Прилагаю интервью Цвибака³. Недавно я прочел в «Н<овом> русском> слове»⁴, что издательство выпустило книгу Г. Иванова «Петербургские зимы»⁵. Значит, они отказались от своего правила, по которому у них не принимаются книги, уже выходившие отдельными изданиями. Тем лучше, разумеется (прежде они делали исключение только для Бунина, зная, что у него новых книг нет и не будет). У Ивана Алексеевича они приобрели три книги, он мне давно писал, что продал им еще две после «Жизни Арсеньева», но недавно сообщил, что вторая и третья выходят сразу в 1953 году. Это меня чрезвычайно обрадовало: я опасался, что «Митина любовь» назначена на 1954 год. По две книги они взяли у нескольких авторов, в том числе и у меня («Живи как хочешь» и «Ульмская ночь»). О продаже не знал ничего. Не знаю, как «Живи как хочешь» продается и по-английски. Рецензии продолжают еще поступать. Преобладают приятные.

Дней через восемь будем в Париже.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

---

¹ Мнения такие, однако, высказывались, хотя речь шла, конечно, о конкуренции не буквальной, а интеллектуальной. Проводил такие параллели, в частности, и сам Адамович, писавший Ю.П. Иваску 25 апреля 1959 г.: «Как “противостояние” СССР — “Опыты” вернее “Н<ового> ж<урнала>”, даже если у них есть слабости и крайности. <...> Эмиграция все равно кончается. Через 10 лет (maximum) кончится все. Значит, лучше: кончиться с “Оп<ытами>” как неким знаменем, чем с процветающим “Н<овым> ж<урналом>”» (Amherst. Yurii Ivask Papers). Подробнее см.: Коростелев О.А. Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России 1941–2001 гг.: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле (сост.), О.В. Будницкого. М., 2007. С. 103–117.

² Диллон Планте Лилиан (Dillon Plante) — исполнительный директор (Associate Director) Издательства имени Чехова.

³ Неясно, о каком именно интервью Я.М. Цвибака (А. Седых) идет речь.

⁴ Публикация не выявлена.

⁵ Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. По сравнению с первым изданием (Париж: Родник, 1928) книга Иванова была существенно переработана.

57. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

19 февраля 1953 г. Париж

19 февраля 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Ваше письмо сегодня получил — в Париже. Я здесь уже две недели и пробуду еще столько же. Т<атьяна> М<арковна> ни за что не хотела со мной сюда приехать: она удручена предстоящей нам в июне поездкой в Нью-Йорк (наша обратная виза в Америку в июне истекает, и она никуда до того ездить не хочет). Действительно, не может быть ничего глупее: тратить огромные для нас деньги только для того, чтобы побыть там месяца три и получить новую обратную визу! Мне тоже очень не хочется это делать, но иначе пришлось бы навсегда порвать с возможностью уехать в С<оединенные> Штаты.

Вреден до 28 февраля пробудет в Лондоне (Grosvenor House, Park Lane), а 1 марта приезжает в Париж, где я с ним 1 марта вечером и встречу в Ройаль Монсо. Повидать его Вам не мешало бы, но не думаю, чтобы он мог Вам сказать что-либо в дополнение к тому, что Вам сообщило Чеховское издательство: Бунин и Зайцев, предложившие издательству новые книги, получили (разумеется, каждый отдельно, как они и писали) точно такой же ответ, что Вы: до мая Чеховское издательство никаких новых договоров подписывать не может (?). Иван Алексеевич, как Вы знаете, уже продал им три книги, Зайцев пока только «Древо жизни», но сносился с ними о биографии Чехова, которую он хочет написать, и они уже давно ответили, что «в принципе» очень рады (договора же, повторяю, с ним на нее еще не подписали). В Париже Вреден пробудет всего три дня. Если хотите, я с полной готовностью поговорю с ним о Вас. Вы знаете, как я хочу, чтобы Ваша книга была ими принята. Напишите мне об этом (я живу у сестры¹). Но по опыту я знаю, что мои (да и не только мои) рекомендации у них большого успеха не имеют. Я очень им рекомендовал воспоминания покойной Тэффи, а недавно ее дочь Грабовская² написала мне, что получила от них отказ! Причины мне совершенно непонятны, — кажется, они их Грабовской и не указали³.

Любовь Александровна <Полонская> просит передать Вам (как и Ляля <А.Я. Полонский>) самый сердечный привет и сообщить Вам, что она Вам не пишет, так как Вы, по Вашим собственным словам ей, писем не читаете (?).

Примите и мой самый сердечный привет. Когда Вы приезжаете? Будете ли скоро в Ницце?

Ив<ан> Алек<еевич> чувствует себя не очень плохо.

---

¹ Л.А. Полонской.

² Грабовская (Grabowska) Валерия Владиславовна (урожд. Бучинская; 1892–1964) — старшая дочь Тэффи, переводчица, сотрудница польского правительства в изгнании, с которым уехала из Польши во Францию, затем в Португалию и в Англию, где поселилась до конца жизни.

³ В 1951 г. Тэффи предложила Издательству имени Чехова сборник рассказов, но ее предложение не было принято. Писательница скончалась, не успев завершить работу над мемуарной книгой «Моя летопись». Сборник ее рассказов вышел в издательстве уже посмертно: *Тэффи Н.А.* Земная радуга. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

58. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

21 февраля 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/II-53

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Конечно, я ничего не имею — и не могу иметь — против того, что бы Вы поговорили с Вреденом о моей книге, — если будет случай, если это Вам ни в малейшей степени не неприятно и т. д. По письму Т.Г. Терентьевой дело как будто бы улажено, но от дела, сделанного «в принципе», до подписанного контракта — есть расстояние. Мне не совсем ясно, почему контракты (по-видимому, все) не могут быть подписаны сейчас. Если сейчас нет денег, аванс может быть выслан позже. Но какая-то причина задержки есть.

Ваше письмо меня очень огорчило. Я собираюсь летом в Ниццу, и был уверен, что наши встречи в *café Mozart* продолжатся. А оказывается, Вы летом будете в Нью-Йорке! Мне правда это очень, очень жаль. Почему бы Вам не поехать раньше, а не в июне, — раз все равно ехать надо? Все говорят, что лето в Нью-Йорке — ад, а Вы как раз едете на самое жаркое время. Вы, конечно, сами об этом подумали, но я ищу доводов в пользу Вашего летнего пребывания в Ницце, хотя и знаю, что они напрасны.

Еще я хочу поделиться одним моим сомнением. Я сегодня послал в «Опыты» рукопись, озаглавленную «Комментарии»¹ — как Гринберг и просил. Но «Комментарии» пишет теперь Карпович². Он, конечно, не обязан знать, что я этим названием пользовался еще 20 лет назад и что у меня есть на него некие «авторские права»³. Может выйти, что это в «пику» ему, тем более что и «Опыты» — отчасти в пику его журналу⁴. Название мне не хочется изменять, я его люблю и свыкся с ним. Что Вы об этом думаете? Между моими «Ком<ментария>ми» и карповичевскими нет ничего общего, но все-таки — что-то меня тут смущает. И, несомненно, 99 % читателей в Америке решат, что я название у Карповича украл.

Любовь Александровна <Полонская> взводит на меня напраслину. Действительно, я иногда письма не дочитываю (зная по опыту, что ничего не теряю), но написал я ей об этом только потому, что она сама об этом догадалась, и написал с заверениями, что к ней относиться это никак не может. Кстати, где же стихи Гизеллы Лахман?⁵ Боюсь, что Л<юбовь> А<лександровна> решила, что я предпочитаю от них уклониться, а это совсем не так⁶.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, самый сердечный поклон Любови Александровне <Полонской> (*malgré la*⁷ напраслина) и Ляле <А.Я. Полонскому>.

А когда будете писать, то кланяйтесь очень Татьяне Марковне.

Хочу с Вами поделиться словами Толстого о «Жизни Иисуса» Ренана, в письме к Страхову. Я только что их с восхищением прочел: «Это детская, пошлая и подлая шалость»⁸. До чего верно, и как сказано!

Спасибо заранее, если ответите о Карповиче, и за разговор с Вреденом.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Адамович Г. Комментарии // Опыты. 1953. № 1. С. 93–106.

² «Комментарии» М.М. Карповича появлялись в «Новом журнале» на протяжении восьми лет почти в каждом номере (1951. № 26–27; 1952. № 28–29, 31; 1953. № 32–35; 1954. № 37–39; 1955. № 41–43; 1956. № 44–47; 1957. № 48; 1958. № 52–54).

³ Заметки под названием «Комментарии» Адамович публиковал на протяжении всей своей эмигрантской жизни — с 1923 по 1971 г. — в разных журналах и альманахах («Цех поэтов», «Числа», «Современные записки», «Круг», «Новоселье», «Опыты», «Новый журнал»). Первая порция появилась даже не двадцатью, а тридцатью годами ранее этого письма: Адамович Г. Комментарии // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 59–64.

⁴ Опасения Адамовича оказались небеспочвенными, русские американцы обратили внимание на совпадение названий, в частности, написал об этом Адамовичу В.С. Яновский в несохранившемся письме, см. ответ Адамовича от 7 марта 1953 г.: «Вы мне сообщаете, что “Комментарии” — теперь название Карповича. Я это знаю и этим смущен. Но с другой стороны, оно было моим раньше, чем стало его, и мне оно по душе. Конечно, многие решат, что я название у него украл, а другие скажут, что это ему и его журналу в пику» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

⁵ Лахман Гизелла Сигизмундовна (урожд. Рабинерсон; 1890–1969) — поэтесса, переводчик. С 1918 г. в эмиграции в Германии, с 1933 г. в Швейцарии, с 1940 г. в США, работала в библиотеках Филадельфии и Нью-Йорка, с 1950 г. библиограф Библиотеки конгресса. Подробнее о ней см.: Левинг Ю. «Ахматова» русской эмиграции — Гизелла Лахман // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 (5). С. 164–173; *Он же*. Забытые имена русской эмиграции. Поэт Гизелла Лахман // Евреи из России в Америке: Кн. 2 / Ред.-сост. Эрнст Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 103–105.

⁶ По-видимому, Л.А. Полонская просила Адамовича отозваться в печати на книгу Г.С. Лахман «Пленные слова» (Нью-Йорк: Изд-во Кружка русских поэтов в Америке, 1952). Адамович написал о сборнике в обзоре наряду с новыми книгами С.Ю. Прегель, С.К. Маковского и Ю.П. Иваска: Адамович Г. Новые стихи // Новое русское слово. 1953. 4 окт. № 15135. С. 8.

⁷ несмотря на (*фр.*).

⁸ Точная цитата из письма Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову от 17–18 апреля 1878 г. (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 414).

59. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

12 марта 1953 г. Ницца

12 марта 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Простите, что долго Вам не отвечал (хотя Ваше письмо было ответным): я задержался в Париже и только теперь, вернувшись в Ниццу, могу засесть за корреспонденцию, — там не было буквально ни одной свободной минуты.

Я обедал с Вреденом 1 марта, было очень весело (много выпили), но больше я его не видел. Он обещал на следующий день позвонить мне, обещал встретиться с Маклаковым, Буниным, записал их адреса и телефоны, но не позвонил ни им, ни мне. Очевидно, уехал еще раньше, чем думал. Я с ним говорил и о Вас, и еще о других писателях. Он, как всегда, был очень мил, сказал, что все сделает, но прибавил (я уже это знал и от Бунина, и от Зайцева), что новые договоры они начнут подписывать только с лета, когда будет вторая ассигновка. В том, что они эту ассигновку получают, Вреден *нисколько не сомневается*. Будем надеяться, что это так: исчезновение Чеховского издательства было бы настоящей катастрофой для всех нас, особенно же для Ивана Алексеевича, так как иначе (говорю конфиденциально) ему просто будет, и очень скоро, нечем жить. Как будто все меценатские возможности уже использованы, а новых иностранных переводов он не ждет. Я просто боюсь об этом думать.

Завтракал я в Париже и с Николаевским¹. Я ему устно повторил то, что раньше писал. Я отклонил приглашение войти в их Координационный центр² и не могу по тем же причинам принять участие в газете Координационного центра³. Но так как мы с ним в очень хороших *личных* отношениях, то я счел возможным спросить его о Вас (и еще о двух писателях): как он и будущий редактор отнеслись бы к Вашему постоянному участию в этой газете. Заверил его (ведь это правда), что говорю от себя, что Вы меня на это никак не уполномочили. Он ответил, что не только не будет возражать, но всячески поддержит это предложение, так как высоко Вас ставит. Прибавил: «Правда, Адамович годами сотрудничал в “Русских новостях”, но для меня это препятствием не будет. Допускаю, что могут быть возражения со стороны Мельгунова». Однако и тогда за завтраком он мне сообщил, что Мельгунов редактором газеты не будет (его почти никто не хочет — это достоверно⁴), а может возражать разве только как председатель К<ординационного> центра. А когда я уезжал из Парижа, туда пришло известие, что Мельгунов из К<ординационного> центра вышел⁵. Это известие «официального подтверждения» не получило до сих пор. Я ему не очень верю. Во всяком случае, редактором будет не он. Теперь говорят больше всего о Зензинове, — с ним поладить легко. Или же будет редакционная коллегия, — не знаю, в каком составе.

Вреден поразил меня сообщением, будто моего романа «Живи как хочешь» уже продано 1500 экземпляров. Я ему не поверил, так как стоит мой роман чрезвычайно дорого и так как «Истоков» не за четыре месяца, а кажется, за три года

продано всего 1100 экземпляров. Он меня заверил честным словом, что это так, и добавил, что некоторые другие книги, особенно Зоценко⁶, продавались еще много лучше. Я этого просто не понимаю. *Кто* может покупать книги по подобным ценам? Боюсь, что в конце концов все эти тиражи окажутся недоразумением, — не могу лишь понять, в чем оно заключается.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

---

¹ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк, архивист, журналист, общественный деятель, с 1920 г. член ЦК РСДРП(м). В январе 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, сотрудничал одновременно в эмигрантских и советских изданиях, официальный представитель в Берлине московского Института Маркса — Энгельса (1924–1931), а также пражского Русского заграничного исторического архива. С 1933 г. в Париже, директор парижского отделения Международного института социальной истории (Амстердам), с 1940 г. в США, в 1949 г. один из организаторов Лиги борьбы за народную свободу.

² Имеется в виду *Координационный центр Совет освобождения народов России* (позже Координационный центр антибольшевистской борьбы), созданный в августе 1951 г. и субсидируемый Американским комитетом союз эмигрантских организаций под председательством С.П. Мельгунова (первоначально их было 5, затем 9, 12, а к 1953 г. 15 организаций, в том числе НТС, Союз борьбы за освобождение России, Российское народное движение, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу, Центральное объединение послевоенных эмигрантов, Комитет объединенных власовцев, а также национальные организации).

³ Газета в результате так и не была создана, Координационный центр антибольшевистской борьбы выпускал «Вестник» (Мюнхен, 1953–1954; вышло 7 номеров). В редколлегиях издания вошли И.А. Курганов, А.Н. Михайловский и Г.А. Сааруни.

⁴ Ср. отзыв в воспоминаниях Р.Б. Гуля: «За то время, что Б.И. <Николаевский> был в Париже, мы все, что нужно, обсудили, обговорили. Он спросил о Мельгунове. Я сказал, что едва ли останусь у него в редакции: тут и неврастенический характер С.П., и его методы работы, да иногда и направление журнала. Все говорит за то, что я оттуда уйду. Б.И. рассказал о скором основании в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу. Просил быть, пока негласным, представителем ее в Париже. Я согласился. Я рассказал, что ни Ник. Влад. Вольский (Валентинов), ни П.А. Берлин к Мельгунову в журнал не идут, издавна зная его характер. Упомянул, что когда я сказал Ник.Влад. Вольскому, что вступил в редакцию Мельгунова, Вольский с горячностью ответил: “Ну, большей глупости, дорогой мой, вы сделать не могли. Я же его знаю еще по Москве. С ним нельзя работать. Он патологический тип, невропат”» (*Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 3: Россия в Америке / Предисл. и развернутый указ. имен О. Коростелева. М., 2001. С. 137*).

⁵ С.П. Мельгунов остался председателем Центрального бюро Координационного центра, но сам союз столь разных по устремлениям организаций изначально был нежизнеспособным, к тому же сразу дали о себе знать и личные амбиции их руководителей. Трения между ними происходили постоянно, а в начале июня 1953 г. в Координационном центре произошел окончательный раскол, и вскоре Американский комитет прекратил его поддерживать, констатировав в заявлении от 27 августа 1953 г., что единый фронт эмиграции создать не удалось. После этого Координационный центр еще продолжал некоторое время существовать на взносы и пожертвования.

⁶ Зоценко М. Повести и рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

60. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

15 марта 1953 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
15/III-1953

Дорогой Марк Александрович

Я получил Ваше письмо из Ниццы и хочу сказать Вам, что я чрезвычайно тронут Вашим желанием наладить какие-то мои отношения с будущей газетой. Тронут потому, что Вы, конечно, думаете при этом обо мне, а не о газете. Но едва ли из этого что-нибудь выйдет! Я не хочу перед Вами «ломать комедию» и уверять, что у меня есть сомнения в позволительности участвовать в таком издании. *Après tout*¹ (и во французском, и в русском смысле — т. е. после всего, что было) мне все равно, а распространяться, почему, как и отчего все равно — не стоит. Я прекрасно понимаю, что Вы туда не идете. Как сложится будущее — неизвестно, и испортить себе биографию участием в таком предприятии можно еще успешнее, чем писанием в «Русск<их> новостях». Но я на биографию не рассчитываю и скажу еще раз: мне все равно. Может быть, это позорно и постыдно, но я не могу заставить себя чувствовать иначе. Однако другим не «все равно». Мельгунову, наверно, не «все равно», а м. б., и другим. Никаких *démarche*'ей я делать не склонен и не буду, да и их (т. е. Мельгунова и его друзей) сомнения о том, не осквернятся ли они, приглашая «большевика» или хотя бы «экс-больш<евика>», мне противны. М. б., они по-своему правы, как политики. Но... а впрочем, и об этом не стоит писать, долго и скучно. Я почти уверен, что из Ваших добрых желаний ничего не получится, но за самое желание — искренно благодарю². Уверен, что Вы мне возразили бы, что никаких *démarches* с моей стороны и не ожидается. Да, но есть что-то ложное и в этой боязни их сделать, и в осторожности со стороны *puissance invitante*...³

Спасибо и за сведения о Чех<овском> изд<ательст>ве. Что же, будем ждать и надеяться! Уверенность Вредена в получении ассигновки была бы залогом верным, если бы были другие времена. А теперь возможны всякие «новые веяния» и всякие повороты. Очень рад, что Ваш роман так хорошо идет. Он, по-моему, менее занимателен, чем некоторые прежние Ваши романы, и то, что это не препятствует его успеху, делает честь читателям. Есть где-то у Метерлинка очень замечательная страница о занимательности и о том, что ему скучно именно то, что прельщает других⁴. Но я не думал, что сейчас у нас столько Метерлинков, мне, наоборот, казалось, что «Живи как хоч<ешь>» может оказаться всяким новым ди-пи «не по зубам».

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ После всего (*фр.*).

² Адамович писал А.В. Бахраху 26–28 марта 1953 г.: «Какие новости здесь? В сущности — никаких. Насчет газеты — *très vague* [очень неясно (*фр.*)], и отчасти ввиду неясности общего положения и возможности американских желаний не дразнить тигра, явно поджавшего хвост. Вчера был у Бунина: он говорит, что газеты не будет. Но эти сведения у него от Алданова, который мне пишет совсем другое, и Бунин явно что-то путает. Алданов сообщил мне (уже из Ниццы), что завтракал с Николаевским, говорил с ним обо мне и “еще нескольких литераторах” и Николаевский выразил радость, готовность, но сказал, что решение зависит не только от него. На что я Марку Ал<ександрови>чу ответил, что мне довольно противны их колебания и опасения, что с Мельгуновым я во всяком случае дела иметь не могу (да он и не захочет), что мне все равно, кто будет редактор (кроме Мельгунова), что я очень рад в газете писать, но что сам ни одного шага не сделаю и никаких авансов не “эскисирую” [от *фр. esquisser* — намечать], как выражается Маковский. Кстати, выразил некоторое вежливое недоумение, почему он, Алданов, — ратует за участие других, считая лично для себя участие недопустимым. Ответа не получил, да едва ли ответ (на это) будет. В общем — это ящик очень долгий, и даже если бы что-нибудь и вышло, рассчитывать на это нельзя» (BAR. Coll. Vacherac).

³ власть предержавших (*фр.*).

⁴ О каких произведениях идет речь, установить не удалось.

61. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 июня 1953 г. Нью-Йорк

8 июня 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо¹. Спасибо. Мы оба тоже *очень* жалели, что не повидали Вас перед отъездом.

Одновременно с Вашим письмом пришло из Ниццы письмо от Анны Григорьевны, моей тещи. Она сообщает, что в Сиота в больнице скончался наш бедный Сергей Александрович Мако, прилагает теплый некролог из «Нис-Матэн»². Я знал, что ему жить недолго, но это для меня все-таки тяжелый удар, — я очень его любил, мы годами встречались в кофейнях раза три в неделю. Знаю, что и Вы будете огорчены. Если б Вы как-либо могли способствовать помещению в парижских газетах заметок о нем, это было бы прекрасно, но ведь едва ли Вы можете это сделать? Некролог «Нис-Матэн» я сегодня же послал в Нью-Йорк Лит<ературному> фонду с просьбой о помощи семье.

У меня было тоже впечатление, что Л.Ф. [Зуров] болен³, но признаюсь, мне не приходило в голову, что это может быть *опасно* для И.А. [Бунина]. Боюсь, что Ваши опасения основательны. Но просто не знаю, что же можно сделать?

О статье Ив<ана> Ал<ексеевича>⁴ я чрезвычайно сожалел и так ему и сказал. Был ли уже ответ «Р<усской> мысли» и какой?

Т<атьяна> М<арковна> и все здесь шлют Вам самый сердечный привет. Надеемся скоро вернуться. Не забывайте.

¹ Письмо не сохранилось.

² Публикация не выявлена.

³ В начале 1953 г. у Л.Ф. Зурова проявились первые симптомы душевной болезни. В июле 1953 г. он был помещен в клинику, откуда после успешного завершения курса лечения вернулся 12 декабря 1953 г.

⁴ В своей статье Бунин, в частности, писал: «Нелепая ложь Зеелера была и есть вполне законна в том потоке лжи, которой целых три года, при безмолвном соучастии Зайцева, старалась опозорить меня “Русская мысль”, начав со лжи о том, будто я совершил “сальто-мортале” к большевикам» (Бунин И. К моим «Воспоминаниям» // Новое русское слово. 1953. 17 мая. № 14995. С. 8).

62. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 сентября 1953 г. Париж

53, rue de Ponthieu, Paris 8e (до 28-го)

После: The University of Manchester

Russian Department

Manchester

21 сент<ября> 1953

Дорогой Марк Александрович

Надеюсь, что письмо мое еще застанет Вас в Нью-Йорке. У меня есть к Вам маленькая просьба, но — спешу сказать — не связанная ни с какими хлопотами или *démarche*'ами.

Вы, вероятно, помните, что я нахожусь в каких-то смутных переговорах с Чех<овским> изд<ательст>вом. Около года тому назад (в ноябре) я послал им, по срочному требованию Т.Г. Терентьевой, две главы из предполагаемой книги о литературе в эмиграции. В январе получил одобрительный отзыв и обещание прислать контракт в мае. С тех пор — ни слова, ни с моей стороны, ни с их.

Я им писать не хочу. По-моему, это — скорей их дело.

Летом Яновский мне конфиденциально сообщил, что «Вреден колеблется между Вами (т. е. мной) и Слонимом»¹. Это — его право, пусть колеблется и решает.

Но я хотел бы знать, *à quoi m'on tenir*², и хочу Вас спросить, дорогой Марк Александрович, какое Ваше мнение об этом. Вы, вероятно, осведомлены и о будущности Чех<овского> изд<ательст>ва, и о их планах. Повторяю, что ни о чем другом, кроме Вашего личного суждения, я не прошу. Я уезжаю через неделю в Манчестер, и мне хотелось бы знать, надо ли о книге думать — или не стоит. Конечно, за истекший год я мог бы представить изд<ательст>ву не 25–30 страниц текста, а по крайней мере половину книги. Но они об этом не просили, и я не хотел работать впустую.

Простите за эту просьбу. Надеюсь, она Вас не обременит.

Очень жалел, что летом Вас не было в Ницце. Я изредка встречался с Сабаневым — и всегда вспоминали Вас.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Ив<ан> Алексеевич, по-моему, совсем плох. В таком состоянии, как сейчас, я его еще никогда не видел. Доктор будто бы говорит, что «ничего» — но я по опыту знаю, что эти докторские «ничего» ничего и не значат.

---

¹ 7 марта 1953 г. Адамович отвечал В.С. Яновскому на несохранившееся письмо: «Насчет Вредена, ничего я не “проворонил”, согласно Вашему элегантному выражению, а просто мне не о чем с ним было говорить и не за чем к нему в Лондон ехать. Хочет — издаст, не хочет — не надо. Терентьева мне писала, что “да”, значит, я жду и надеюсь, а подлизываться к начальству не намерен. Все это я изложил в письме к Алданову, который должен Вредена видеть в Париже» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1). К этому же вопросу Адамович вернулся в письме от 10 октября 1953 г.: «Что Вреден колеблется для книги между мной и Слонимом — ну, пусть колеблется! Скажу Вам честно, до денег я жаден, но писать книгу о здешней литературе надо бы, только купив предварительно домик на необитаемом острове. Вы же первый возопите, если я напишу, что хотя Вы и гений, но Шекспир и Гомер тоже были гениями. А другие! <...> Конечно, Слониму лучше книгу на эту тему не поручать. Он напишет, что Пузанов из Воронежа лучше Бунина, п<отому> что он именно из Воронежа» (Там же).

² на что мне рассчитывать (*фр.*).

63. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

2 октября 1953 г. Манчестер

2/X-1953

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Искренно благодарю Вас за быстрый ответ и справку о делах Чех<овского> изд<ательств>ва¹. По разным доходившим до меня слухам и толкам я так положение себе и представлял. Будем, значит, ждать — и надеяться.

A part cela², у меня есть к Вам еще просьба, совсем другого характера. Вера Николаевна с возмущением сообщила мне, что кто-то писал Вам, будто Зуров хотел убить Бунина. Я вполне искренно отвел от себя всякие подозрения. А оказывается, виной — именно я! Думаю, что я писал Вам о своей боязни, что внезапные вспышки безумия иногда так кончаются. Действительно, такие опасения у меня были. Но только — опасения, в сущности ни на чем не основанные, кроме взаимной неприязни З<урова> и Б<унина>³. Но Вы знаете, как Вера Николаевна болезненно Зурова взволнована, как она нервна и даже сбита с толку. Мне было бы очень

неприятно быть причиной лишнего ее волнения, и я очень Вас прошу меня не то что «не выдавать», а объяснить — если уж пойдет речь — то, что я имел в виду. Лучше же всего — просто об этом с ней не говорить.

Иван Алексеевич показался мне в это мое пребывание совсем, совсем плох, как я и писал Вам. Но накануне отъезда я был у него на минутку — он меня удивил: такой же был бодрый, как весной. Дай Бог, чтобы это не было именно только на минутку!

В Манчестере я уже два дня. Читаю «Отца» Ал<ександры> Львовны⁴ и места-ми поражаюсь безграничной ее наивности, вроде рассуждения о том, почему до сих пор люди читают «Войну и мир». Но о матери — много лучше, чем в прежних ее писаниях, и, вероятно, вернее. До свидания, дорогой Марк Александрович. Не откажите передать низкий поклон Татьяне Марковне. Счастливого пути в Европу!

Ваш Г. Адамович

---

¹ Письмо не сохранилось.

² Кроме того (*фр.*).

³ Адамович писал Алданову о болезни Зурова в несохранившемся письме от конца мая — начала июня 1953 г. (см. выше ответ Алданова от 8 июня 1953 г., письмо 61 наст. публ.). Еще несколькими месяцами ранее, 26–28 марта 1953 г., Адамович писал об этом Бахраху: «Бунин плох, хуже, чем был в январе, опять какие-то задыхания и все другое. Но В<ера> Ник<олаевна> в тревоге сообщила мне, что Леня тоже очень нездоров и плохо спит по ночам. “Иван Ал<ексеевич> не знает, но я совсем измучилась, т. к. тоже не сплю из-за этого”» (BAR. Coll. Vacherac).

⁴ Воспоминания Александры Львовны Толстой (1884–1979) были опубликованы двухтомным изданием: *Толстая А.Л. Отец: Жизнь Льва Толстого*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

64. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

14 октября 1953 г. Нью-Йорк

14 октября 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Вчера я наконец повидал Вредена, завтракал с ним в его клубе. Он поправился, но в Чеховском издательстве еще не был. К большой моей радости, он мне сказал, что считает издание Вашей книги почти решенным делом, — с той единственной, относящейся к нам ко всем, тяжелой оговоркой: если Чеховское издательство получит деньги. Вреден не сомневается в том, что деньги будут получены, — привел мне много доказательств этого, но все-таки знать это он не может. Как Вам, вероятно, известно, Генри Форд оставил 500 миллионов долларов на культурно-просветительные цели (при одном условии: они не должны быть связаны с политикой). Правление фордовской организации почему-то находится в Калифорнии, и заседает оно раз в месяц (на последнем заседании, как сообщают газеты, они

ассигновали 12 миллионов долларов какому-то американскому университету!). Таким образом, ни Вреден, ни даже члены правления русского отдела фордовской организации, Джордж Кеннан¹ и профессор Мозли², не могут, по-моему, знать, когда, на каком заседании, будет обсуждаться крошечный, по ее масштабам, вопрос о Чеховском издательстве. Оно ждало ответа еще в мае. Теперь говорят о конце ноября, раз в октябре вообще заседания не будет.

Совершенно конфиденциально скажу Вам, что Александрова и Терентьева обе заговорили со мной о Ваших «конкурентах», Слониме и Струве, и заговорили по *своей* инициативе: я по понятным соображениям ни слова не сказал об этом. Обе чрезвычайно Вас хвалили: и те страницы, которые Вы им прислали, и другие Ваши работы. И обе, особенно первая и особенно о первом (об его, Слонима, писаниях), высказались очень отрицательно (как Вы догадываетесь, я молчал и только хвалил Вас, не сказав ничего о С<слониме> и С<струве>). Еще более обрадовало меня то, что и Вреден вчера, хотя и гораздо более сдержанно, сказал мне, и опять по своей инициативе: «Нам предлагал книгу об эмигрантской литературе и Слоним, но какой же он конкурент Адамовичу!»

Со всем тем (независимо от вопроса об ассигновке) лично я не считаю дело решенным, — могут быть посторонние влияния, может быть и то, что они «в первую очередь» книги об эмигрантской литературе не возьмут, — мало ли что может быть. Говорю это, впрочем, лишь на всякий случай.

Если ассигновка последует в конце ноября, то, как сказал мне Вреден, договоры будут подписываться только в самом конце года. Александрова и Терентьева обещали твердо помнить о Вашей книге, но я тогда напомню и Вредену. А вот как сказать Ивану Алексеевичу в его нынешнем состоянии, что если ассигновка и будет, то денег он не получит до января, — я просто не знаю!

Любовь Александровна [Полонская], верно, Вам объяснила, почему я написал Вере Николаевне о Зурове. Подробно повторять не стоит. Я ей Вас НЕ назвал, — сказал только, что «один писатель» писал мне, что опасается покушения З<урова> на Ивана Алексеевича. Кстати, еще до проявления болезни Зурова Иван Алексеевич сам не раз говорил мне, что тот ему грозил («хотел меня бить» и т. д.)³. Так было еще в Грассе. Бедная Вера Николаевна, верно, просто потеряла голову. Скажу ей, как Вы желаете.

Мы послезавтра садимся на пароход. Писать можно по адресу моей сестры.

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Надеюсь, побываете в Ницце?

---

¹ Кеннан (Kennan) Джордж Фрост (1904–2005) — американский дипломат, политолог и историк, в марте — сентябре 1952 г. посол США в СССР, с 1953 г. на научно-преподавательской работе; профессор Принстонского университета (с 1956 г.), основатель Института Кеннана.

² Мозли (Mosely) Филипп Эдвард (1905–1972) — ученик М.М. Карповича, профессор Колумбийского университета, директор Русского института, один из организаторов и первый глава Бахметевского архива. См. о нем некролог: *Dallin A. Philip E. Mosely, 1905–1972 // Russian Review. 1972. Vol. 31. № 2 (Apr.). P. 209–211.*

³ О сложных взаимоотношениях двух писателей см. в публикации их переписки: «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 232–284; «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Леня»: Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Часть 2 (1933–1953) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 179–224.

65. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 октября 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
23/X-1953

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо и за то, что Вы сообщаете о Чех<овском> изд<ательств>е. Еще больше — за то, что Вы говорили с Вреденом о моей предполагаемой книге. Поверьте, у меня не было и в мыслях просить Вас об этом. Но если был случай, если это было Вам не слишком неудобно, — что же, я очень рад. Меня несколько удивило, что, по Вашим словам, Александра в этом деле — скорей мой сторонник. Бывает ведь, что на расстоянии, без всяких конкретных оснований, чувствуешь отношение к себе. Так мне почему-то казалось, что Александра *n'est pas mon homme*¹ и скорей сторонница слонимовской линии в литературе. Если я ошибся, тем лучше. Но вообще-то я об этой книге думаю со страхом и даже тоской. «И хочется, и колется». Ее следовало бы написать, предварительно уехав на необитаемый остров.

Надеюсь, что Вы совершили приятное путешествие и рады возвращению в Европу. Передайте, пожалуйста, привет и низкий поклон Татьяне Марковне. Как ее и Ваше здоровье? У меня есть слабая надежда побывать на Рождество — или чуть-чуть позже — в Ницце. Был бы очень рад пожать Вашу руку, посидеть в *café de Lyon*, да после здешних сплошных туманов и посмотреть на ниццское небо было бы приятно.

Ваш Г. Адамович

---

¹ не мой человек (*фр.*).

66. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

12 января 1954 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

104, Ladybarn Road
Manchester 14
12/I-1954

Дорогой Марк Александрович

Хотел написать Вам еще из Парижа, но в обычных парижских хлопотах — не успел. С удовольствием вспоминаю наши встречи в Ницце и жалею, что они были так коротки. От всей души желаю, чтобы Ваши семейные невзгоды и болезни оказались мимолетны и все вошло бы в норму. Par le temps qui court¹, это единственное, о чем лично я мечтаю: чтобы ничего не изменялось.

У Люб<ови> Александровны <Полонской> я был два раза, и, м. б., виноват тем, что несколько встревожил ее рассказом о Вашем грустном настроении. Мы не условились с Вами насчет этого, и я откровенно передал ей свое впечатление. Простите, если что-нибудь получилось не так, как следовало бы. Подчеркиваю, что говорил я не о здоровье — Вашем или Татьяны Марковны — а именно о настроении.

Вера Николаевна как-то еще растеряннее, чем была. Мне показалось, что Леня опять возбужден и вообще странен, хотя ни одного ненормального слова он не сказал. Говорили обо всем, в частности о сборнике памяти И<вана> А<лексеевича>². Мысль о редактировании Александровой явно В<ере> Н<иколаев>не не по душе, как и Лене, конечно. Сборник будто бы будет «не наш», и так, т. е. на этом, разговор и кончился. В том, что Чех<овское> изд<ательст>во сдержит все свои обещания, В<ера> Н<иколаевна> не сомневается и ждет контракта в ближайшие дни. Я не стал ее смущать и пугать. Денег у нее совсем нет, хотя какой-то чек на 400 долл. должен вскоре прийти, и задержка только формальная. На Лит<ературный> фонд большая обида из-за того, что деньги обещаны, но не высланы, а что не высланы они по соображениям «опеки» — В<ера> Н<иколаевна>, очевидно, не знает и не догадывается.

Вот, кажется, всё. Насчет Мельгунова: разрыв с Гукасовым³ произошел будто бы бурно и мгновенно, а причина разрыва — денежная, чуть ли не с обвинениями в растрате. Первым кандидатом в редакторы был Г. Мейер⁴, но почему-то отказался или не подошел. В день моего отъезда я узнал, что редактором будет Померанцев⁵. Это — ближайший друг Г. Иванова, человек не бездарный, но бестолковый, а при слабой общей грамотности все время цитирующий Парменида или Гейдегера. Едва ли он редактор — надолго.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Крепко жму Вашу руку. Передайте, пожалуйста, низкий поклон и привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ По нынешним временам (*фр.*).

² Идея сборника принадлежала А.В. Бахраху, см. письмо Адамовича к нему от 17 ноября 1953 г.: «Ваша идея о сборнике — правильна. Что-то такое — “*hommage*” [дань уважения (*фр.*)], по возможности, коллективный — надо бы сделать. К сожалению, коллектив наш только довольно скудный, а из “того” лагеря — т. е. зайцевского — никого приглашать не надо бы, да, в сущности, и там никого нет. Чех<овское> изд<ательство>во вообще на ладан дышит, и еще неизвестно, прельстится ли оно этой идеей, мало “рентабельной”. Но это, как Вы верно рассудили, область и дело Алданова, и Вы хорошо сделали, что первому ему об этом написали» (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1952–1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 1989. № 217. С. 71–72). Первоначально предполагалось, что редактором сборника будет Адамович, но он категорически отказался один выступать в этом качестве, см. его письмо А.В. Бахраху от 25 ноября 1953 г.: «О сборнике памяти И<вана> А<лексеевича>: ни в коем случае быть его единоличным редактором я не согласен, несмотря на высокую честь. Если в компании — *pourquoi pas?* [почему бы и нет? (*фр.*)]. По-моему, и лучше коллективное редакторство, а еще лучше никаких редакторских имен не упоминать» (BAR. Coll. Bacherac).

³ С.П. Мельгунов редактировал издававшийся А.О. Гукасовым журнал «Возрождение» с сентября 1949 г. по январь 1954 г. (№ 5–31). После того как в редакции «Возрождения» в конце 1953 г. произошли перемены (в частности, секретарем стал Е.М. Яконовский, а Г.А. Мейер ближайшим сотрудником), многие авторы печатно заявили о прекращении сотрудничества с журналом. С.П. Мельгунов, ознакомившись с № 31 (январь 1954 г.), заявил о том, что не может больше «сотрудничать с “Возрождением” Гукасова» (*Мельгунов С. Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 8 янв. № 622. С. 5*). На обложке следующего номера его имени уже не было, номер открылся неподписанным сообщением об уходе С.П. Мельгунова, завершавшимся словами: «Издательство просит адресовать письма и статьи на имя секретаря редакции Евгения Михайловича Яконовского» (От издательства «Возрождение» // Возрождение. 1954. Март — апр. № 32. С. 8). В таком виде, без утвержденного редактора, журнал выходил на протяжении целого года, затем появилось объявление: «Издательство просит адресовать письма и статьи на имя Георгия Андреевича Мейера» (Возрождение. 1955. Янв. № 37. С. 4).

⁴ Мейер Георгий Андреевич (1894–1966) — публицист, критик, литературовед, сотрудник «Родной земли», позже «Возрождения». В 1955 г. исполнял обязанности редактора «Возрождения», но недолго, уже осенью в журнале появилось объявление: «Вследствие болезни Г.А. Мейера издательство просит адресовать письма и статьи на имя Владимира Александровича Верещагина» (Возрождение. 1955. Ноябрь. № 47. С. 4), а в марте 1956 г. (№ 51) статьи предлагалось адресовать на имя нового секретаря редакции И.К. Мартыновского-Опишни. В таком состоянии журнал выходил на протяжении почти трех лет, и лишь после ряда высказанных в печати недоумений по поводу никем не управляемого издания в январе 1959 г. (№ 85) на титульном листе появился официальный список редакторов: «...при ближайшем участии кн. С.С. Оболенского, В.А. Злобина и И.К. Мартыновского-Опишни».

⁵ Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907–1991) — поэт, журналист, сотрудник «Возрождения» и «Русской мысли», где, помимо стихов и рецензий, публиковал статьи и эссе философской тематики, весьма пафосные, но не очень глубокие. Ср. относящийся к этому же времени отзыв Д.И. Кленовского в письме к В.Ф. Маркову от 14 января 1954 г.: «Читаете ли вы “Рус<скую> мысль”? Заметили ли Вы там высказывания об эмигрантской поэзии некоего К. Померанцева, который подвизается, кроме того, там же и в “Возрождении” как поэт, романист, философ, историк и т. д. и т. д. Нечто совершенно умопомрачительное по апломбу и безответственности! Меня от его писаний в дрожь бросает! И не находится никого, кто бы поставил его на место» («Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 105).

67. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

16 января 1954 г. Ницца

16 января 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Очень благодарим Вас за письмо и за неизменное внимание. Мне еще больше, чем Вам, жаль, что Вы были в Ницце так недолго.

Ничего худого не было в том, что Вы сказали Любви Александровне <Полонской> о наших настроениях. Я им сам об этом писал.

А вот удивили Вы меня сообщением о Вере Николаевне. Я от нее вчера получил письмо, в котором она пишет, что никаких известий от Чеховского издательства не имеет и что это ее беспокоит. Вы же пишете, что она «не сомневается» в исполнении издательством всех (?) его обещаний и ждет контракта «в ближайшие дни». Обещание (словесное, т. е. не обязательство) было только в отношении книги рассказов, т. е. они в издательстве все мне летом говорили, что эту книгу издадут (как и мою «Повесть о смерти»). Что же они могли обещать еще? О сборнике памяти Ивана Алексеевича, насколько мне известно, пока и речи с ними не было? А я все не могу сообщить Вере Николаевне ничего и о книге рассказов. На днях я получил коротенькие письма и от Александровой, и от Терентьевой, но в них не было *ни слова* ни об этой книге, ни о «Повести о смерти». Позавчера я написал Александровой и решил ее спросить и о них, и о Вашей книге. Когда получу ответы, сообщу и Вам, и Вере Николаевне.

Теперь о сборнике памяти И.А. <Булнина>. Думаю (разумеется, не уверен), что шансов в Чеховском издательстве мало (уж скорее в «УМСА-Пресс»?). Напишет ли Бахрах или кто другой Чеховскому издательству? Повторяю, я в редакторы ни за что не пойду. Если и Вы не согласны, а В.Н. <Булнина> не хочет Александровой, то кого же предложат? По-моему, на Зурова и там не согласятся, — это уже подорвало бы все шансы у них. Что же Вам об этом сказала В.Н. <Булнина>? Неужели она хочет, чтобы был Леонид Федорович <Зуров>? Ведь говорили же Вы с ней и о редакции? Я ничего ей об этом писать не могу, а издательству тем более¹.

Кускова и Маклаков пока не получили моей «Ульмской ночи». Вероятно, еще не получили и Вы? Сообщите, пожалуйста, когда получите.

По совести, думаю, что будет «смешанная», хоть и с комплиментами, быть может, рецензия в «Н<овом> р<усском> слове», а затем, кроме брани, ничего не жду².

Мориак отказался председательствовать на спектакле в память Бунина в «Вье Коломбье»³. Не знаю, будет ли этот спектакль. Вера Николаевна очень хочет, чтобы он был. Думает, что она и без Рогнедова⁴ продаст билеты! Я этого не думаю.

Она еще пишет (как будто по поводу ненапечатанного дневника Ивана Алексеевича, но без всякой связи с ним): «О многом не могу писать... И мерзавцы же есть на свете». Мне было бы неприятно ее спрашивать, что и кого она имеет в виду. Вероятно, она говорила то же и Вам? Пожалуйста, сообщите, в чем дело⁵.

У нас нового ничего. Все так же невесело, — очень невесело.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и наши лучшие пожелания.

Узнали ли в Париже еще какие-либо литерат<урные> новости? Напишите.

¹ 27 января 1954 г. Адамович писал А.В. Бахраху: «Алданов спрашивает, “написал ли Бахрах Чех<овскому> изд<ательст>ву с предложением сборника памяти И<вана> А<лексеевича>?” Я ответил, что, по-моему, Вы считаете, что это его роль и дело. Правда? Но я думаю, что сборник лучше отложить ввиду неладов из-за редакторства» (BAR. Coll. Bacherac). Сборник в результате так и не увидел свет.

² В «Новом русском слове» рецензию написал Адамович, оценив книгу очень высоко (Адамович Г. «Ульмская ночь» // Новое русское слово. 1954. 4 апреля. № 15317. С. 8). О том, что Адамович на этот раз в своей оценке не лукавил, свидетельствует его письмо от 24 февраля 1954 г. к А.В. Бахраху, с которым Адамович был наиболее откровенен: «Насчет того, что еще возможны всякие “сюрпризы”, то об этом я как раз читаю сейчас книгу Алданова “Ульмская ночь”: все в жизни есть случай! Кстати, книга очень интересна, но не для Вас, а для любителей чтения серьезного» (BAR. Coll. Bacherac). Среди прочих отзывов, хоть и попадались «смешанные», но «брани» не содержали и они.

³ «*Vue Colombie*» (Théâtre du Vieux-Colombier; «Театр старой голубятни») основан в 1913 г. Жаком Копо в шестом округе Парижа (21, rue du Vieux-Colombier). После войны здесь нередко ставили русскую классику (в частности, Ю.П. Анненков). Сведений о том, что спектакль памяти Бунина состоялся, найти не удалось, но возможно, что устроители просто немного изменили планы. В это время состоялось несколько мероприятий памяти Бунина в разных городах и странах. В Париже вечер памяти Бунина под почетным председательством В.А. Маклакова был проведен совместно Объединением русских писателей и поэтов и Комитетом по увековечению памяти И.А. Бунина 11 апреля 1954 г. (в Salle Chopin; 8, rue Daru), он открылся выступлением Адамовича. Еще один вечер под названием «Hommage à Ivan Bounine» состоялся 10 мая 1954 г. в Париже (в помещении La maison internationale des P.E.N. Clubs; 66, rue Pierre-Charon).

⁴ *Рогнедов* Александр Павлович (?–1958) — импресарио в Киеве, позже в Париже, имевший широкие связи в Европе. См. о нем очерк Б.К. Зайцева «Наш Казанова» (Русская мысль. 1959. 3 февр. № 1325).

⁵ В сохранившейся переписке Адамовича с Верой Николаевной таких упоминаний нет. (См.: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 8–164.)

68. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

24 января 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
24/I-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо — и за то, что в письме Чех<овскому> изд<ательст>ву спросили и обо мне. Судя по всему, что я знаю (от Вас), надежды у меня мало, но пока нет отказа, есть все-таки «огоньки впереди»¹. Едва ли Бахрах уже писал им и предлагал издать сборник памяти И<вана> А<лексеевича>. Думаю, что он надеялся в этом смысле на Вас (хотя ничего определенного не знаю). Мне кажется, что ввиду всяких разногласий и неурядиц идею эту вообще лучше отло-

жить. Такой сборник может выйти и через год-два. А вот вечера памяти И<вана> А<лексеевича> устраиваются даже в Венесуэле. А в Париже — ничего. Насчет того, кто «мерзавцы», о которых писала Вам Вера Ник<олаев>на, ничего сказать не могу. Кроме обычных разговоров о Зайцеве, ничего такого от нее не слышал. Кантор мне пишет, что она считает, что у нее осталось 4 друга: Вы, Любовь Ал<ександров>на <Полонская>, он (Кантор) и я. Мне ее очень жаль, она сбита с толку, ни в чем отчета себе не отдает и, действительно, друзей у нее мало (как было их в последние годы мало и у самого И<вана> А<лексеевича>). Но ее беспокойство о Чех<овском> изд<ательств>е — для меня новость. При мне она ждала желанного письма со дня на день и считала дело верным.

«Ульмской ночи» я еще не получил. На днях пришел от них пакет, и я был уверен, что это Ваша книга, но оказалось — поэтическая антология Иваска, со множеством таинственных для меня незнакомцев, вероятно, из ди-пи². Спасибо большое за книгу. Буду ее читать со всем вниманием, на которое способен — а главное, медленно, п<отому> что чем больше живу и читаю, тем яснее вижу, что от быстрого чтения и проку нет, да и понимаешь $\frac{1}{10}$ из того, что сказано автором. Бердяев читал толстую философск<ую> книгу в два часа. У меня еще убавилось к нему доверия и почтения, когда я узнал это.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Как все у Вас? Как глаза Анны Григорьевны? Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Отсылка к популярному в начале века стихотворению в прозе Короленко «Огоньки» (1900): «Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своей близостью... Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, и они еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди — огни!» (Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 379).

² Речь идет о книге: На Западе: Антология зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. Вскоре Адамович посвятил этой антологии статью, в которой вел речь лишь о тех поэтах, которые составили последний раздел «Новые голоса» (Д. Кленовский, И. Елагин, О. Анстей, Ю. Трубецкой, В. Марков, Н. Моршен, Ю. Галь): Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 1954. 6 июня. № 15380. С. 8.

69. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

31 января 1954 г. Ницца

31 января 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Ваше письмо, а вчера и письмо от Александровой. Я ее о Вашей книге запросил, и она отвечает: «Думаю, что не превышу своих полномочий, если скажу Вам, что мы очень хотели бы издать Адамовича, — и ждем от него продолжения

его рукописи». — От себя добавляю: это не обязательство, но похоже на что-то вроде морального обязательства. Действительно, ведь Вы им послали очень немного страниц (от Маклакова они потребовали трети рукописи, и он им прислал 80 печатных страниц ДО заключения договора). Убедительно Вам советую исполнить их желание. В самом худшем случае, если они все-таки книги не возьмут, — Вы, верно, будете иметь возможность почти все написанное напечатать в «Опытах», в «Н^{овом} р^{усском} слове» или еще где-либо.

О Вере Николаевне и обо мне она пишет тоже довольно неопределенно, — дело, мол, в принципе решенное, — но договора мы пока не имеем. Между тем и «Петлистые уши», и моя «Повесть о смерти» сданы им были полностью еще летом. Тем не менее, я почти уверен, что они книги издадут.

Разумеется, Вы можете сослаться на вышеприведенные слова Александровой в письме к ней. Но лучше с той же ссылкой пришлите ей и продолжение. Помимо всего прочего и само собой разумеющегося, ведь это немалые деньги. Если Вы долго будете ждать, то они могут, боюсь, предложить Вашу тему другим. Тем более что Александрова понимает, что я ее слова Вам немедленно сообщу, — «а он не откликнулся». Всего легче, — напишите ей тотчас, что к такому-то сроку сдадите им столько-то страниц, а все — тогда-то.

Анна Григорьевна¹ чувствует себя лучше, вчера Т^{атьяна} М^{арковна} водела ее опять к окулисту, и он очень обнадеживает.

Вы мне писали, что редактором «Возрождения» будет Померанцев. Совершенно ли это достоверно? Я как раз на днях получил письмо от Бор. Зайцева, и он мне сообщает к слову, что в «Возрождении» длительный кризис и что Гукасов его, Зайцева, вызывал к себе, — не то для совещания, не то для предложения ему редакторского поста (для чего именно, из письма Б^{ориса} К^{онстантинови}ча не ясно).

Маклаков и Кускова уже получили «Ульмскую ночь». Надеюсь, получили и Вы? Вы ведь говорили, что Кантор все Вам пересылает, — все приходящее по Вашему парижскому адресу.

Совершенно с Вами согласен о Бердяеве.

При нынешнем нашем положении в Ницце я едва ли скоро смогу приехать в Париж. Между тем с вечером памяти Ивана Алексеевича в Пен-Клубе как будто Рогнедов спешит. Помните Ваше обещание приехать и прочесть о нем доклад для французов.

Мне тоже очень жаль В^{еру} Н^{иколаевну} <Бунину>, — ее материальное положение также отнюдь не улучшается². И это через три месяца после кончины Ивана Алексеевича! Что же будет потом?! Пишу письмо за письмом, и толку мало.

Оба шлем самый сердечный привет и самые лучшие наши пожелания. У Т^{атьяны} М^{арковны} нормальное давление крови держится.

¹ Зайцева Анна Григорьевна (1871–1959) — теща Алданова.

² В 1954 г. В.Н. Бунина с помощью парижского литературного агента Дженнифер Брэдли смогла получить от американского правительства авторские отчисления за изданные в США переводы книг Бунина. Деньги были «заморожены» с конца 1940 г., поскольку Бунины проживали на оккупированной территории (гонорары за послевоенные американские издания

Бунин получал исправно, а о деньгах, накопившихся за время войны, видимо, даже не подозревал). Первую часть денег (380 долларов) В.Н. Бунина получила в июне, а вторую (488 долларов) в середине ноября 1954 г. См. дневниковые записи В.Н. Буниной за 5 февраля, 13 июня и 19 сентября 1954 г. (Leeds Russian Archive. University of Leeds (далее — Leeds). MS.1067/501 и 431), а также письмо Дж. Брэдли от 5 ноября 1954 г. с приложением чека и извещения от государственной казны США (Leeds. MS. 1067/1493-1495).

70. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 февраля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
З/П-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо, за цитату из письма Александровой — и еще за то, что сообщаете о здоровье Татьяны Марковны и Анны Григорьевны. Я рад не только хорошим вестям, но и тому, что Вы, значит, верите, что справлялся я об этом не потому, что «так принято».

Александровой я отвечаю сегодня же¹, но отвечаю не совсем то и не совсем так, как Вы советуете. Я ей пишу, что произошло недоразумение (разумеется, в самом что ни на есть вежливом и сговорчивом тоне). Больше года тому назад Терентьева, ее заместительница, сообщила мне, что они обе чуть ли не «в восторге» от тех двух глав, которые я по ее требованию спешно послал, и постарается выслать контракт, как только это будет возможно.

Из этого я вправе был заключить, что для решения: да или нет? — присланных глав достаточно, и работу прекратил. Все время я ждал, что письмо и обещание Терентьевой получит продолжение. Но их молчание длилось больше года — а теперь, оказывается, они «ждут продолжения рукописи»! В ближайшие 2–3 месяца я занят: мне надо написать к апрелю маленькую книжку о советск<ой> литературе для «Amis de la liberté»² и, кроме того, надо кончить большую книжку, которую я забросил и оставил на половине³. Я пишу Александровой откровенно, что был бы ей очень благодарен, если бы она обещание Терентьевой оставила в силе — и при решении брать книгу или не брать считала бы, что с этой стороны все в порядке, т. е. что присланных двух глав достаточно. В таком случае я всю рукопись ей доставил бы к концу сентября. Ну, а если нельзя — то нельзя, и пусть делает как знает. Никаких дополнительных глав «на пробу» я сейчас, да и вообще до конца весны, в лучшем случае, послать ей не могу. Помимо того — но об этом я пишу Вам, а не ей — до осени все может опять измениться, и моя «проба» пропадет напрасно. С договором — дело верное.

Простите, Марк Александрович, что так подробно пишу Вам о том, что, в сущности, Вас не интересует. Но Вы сами оказались по своей воле *intermediaire*'ом⁴ между Александровой и мной. Оттого я считаю нужным Вам о положении дела сообщить.

Насчет «Возрождения» и Померанцева — Вы правы: он, по-видимому, сам распустил слух о своем редакторстве, когда еще не был на этот высокий пост назначен. Меня это известие удивило, т. к. даже для «Возрождения» это было бы падением. Мне пишут из Парижа, что теперь Померанцев в унынии, дело сорвалось, а кто будет редактором — неизвестно.

Писал ли Вам из Лондона Колин-Гершун⁵ о вечере памяти И<вана> А<лексеевича> в эмигрантском отделении Пен-клуба?⁶ Он сам читает доклад⁷, а меня просит быть председателем (т. к. их председательница М^{ме} Кунцевич⁸ сейчас в Ницце) и сказать несколько слов для вступления. Будет это 19 февраля. Я согласился, но с тем, что говорить буду по-французски, а не по-английски, — кроме того, советовал написать Вам и попросить Вас прислать хотя бы полстранички о Бунине, которые он и огласил бы. Кроме того, он хотел писать В<ере> Н<иколаевне> с просьбой прислать портрет И<вана> А<лексеевича> — которых у нее много, всех размеров. Не знаю, сделал ли он все это. Я его вообще почти не знаю, он приезжал в Манчестер на один вечер и произвел на меня впечатление болтуна не без развязности. Посмотрим, что будет за доклад. Он непременно хотел пения на слова И<вана> А<лексеевича>. По-моему, никто романсов на его слова не писал, — или я ошибаюсь? Только что пришел сюда «Новый журнал», и я вижу, что там Ваша статья о И<ване> А<лексеевиче>⁹. Прочесть ее я еще не успел, — но думаю: м. б., Колин мог бы перевести что-нибудь оттуда, если Вам не хочется писать для него специально?

Насчет рогнедовского вечера в Пен-клубе: Вы мне напоминаете о моем обещании приехать, если надо. Конечно, если надо, я приеду. Но надо ли? В этом я сомневаюсь искренне, без всякого притворства. Но если надо, мне было бы крайне желательно, чтобы вечер был в пятницу или субботу (университет очень строг насчет отпусков, каковы бы ни были причины). А во-вторых, я сказал Вам, что дорога — *aller retour*¹⁰ — стоит 30 фунтов. Нет, всего 16, о чем сообщаю «во избежание недоразумений». С 25 марта до 20 апреля я во всяком случае рассчитываю быть в Париже.

«Ульмской ночи» все еще нет. Кантор — человек аккуратный и мне пересылает все, да и моя консьержка тоже пересылает ему все без особой задержки. Но, конечно, могло что-нибудь произойти, и в последнем письме Кантор писал мне, что простудился: может быть, он не выходит (допускаю еще и то, что, получив книгу, он на несколько дней оставил ее у себя для прочтения, — на что есть у него от меня полное разрешение).

До свидания, дорогой Марк Александрович. Простите за чрезмерно длинное письмо. М. б., пригласить Веру Марковну на вечер 19 февраля? Не знаю только, стоит ли: м. б., вечер будет таким, что лучше его и не рекламировать! Передайте, пожалуйста, самый сердечный поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович действительно написал В.А. Александровой в тот же день, изложив все свои соображения, которые привел и в письме М.А. Алданову, см.: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955)

// «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 208–209.

² «Друзья свободы» (фр.).

³ Ни ту ни другую из упомянутых здесь книг Адамович так никогда и не написал.

⁴ посредником (фр.).

⁵ Гершун-Колин Андрей Иванович (1892–1957) — литератор, философ, участник Белого движения, в эмиграции жил в Англии, один из организаторов «Центра писателей-беженцев» при английском ПЕН-клубе.

⁶ Три недели спустя, 24 февраля 1954 г., Адамович писал А.В. Бахраху о вечере памяти И.А. Бунина, организованном «Центром писателей-беженцев» и лондонским ПЕН-клубом: «Был на днях в Лондоне, на вечере памяти И<вана> А<лексеевича>. Ничего, могло быть много хуже. Я, как Вам известно, был президентом, произнес блестящую речь, но по-французски, а не по-английски. Все, кажется, были достаточно грамотны. Вчера был даже отчетик об этом вечере в “Manchester Guardian”, довольно неожиданно» (BAR. Coll. Vacherac). 7 марта 1954 г. Гершун-Колин прислал В.Н. Буниной более подробный отчет: «Вечер в память усопшего Вашего мужа прошел с большим подъемом, при большом стечении русской, польской и английской публики. Хотя вечер был организован мною, председательствование было предложено мною Георгию Викторовичу Адамовичу, как большому знатоку русской литературы и другу покойного Бунина. Он предложение принял и специально приехал из Манчестера. Сказав несколько слов по-английски, Г<еоргий> В<икторович> продолжал свою речь по-французски. Почти все его понимали и очень оценили его речь. В.П. Белявина говорила о богоискательстве Бунина. Mr. R. Evans произнес речь об отражении бунинского творчества в восприятиях тех англичан, которые либо по подлинникам, либо по переводам знакомы с его произведениями. Г-жа Fitz Lyon прочла переведенную ею на англ<ийский> язык статью М. Алданова о Бунине в “Le Monde”. Стихотворения покойного, специально переведенные в стихах г-жой F, были прочитаны декламаторшей, г-жей Crosland. Д.М. Леско пела романсы, под аккомпанемент гитары. Я же сделал подробный доклад о творчестве Бунина и прочел несколько отрывков по-русски и по-английски. Доклады и декламация заняли 2 часа, но все оставались до самого конца. Память покойного Ив<ана> Ал<ексеевича> была достойно почтена!» (Leeds. MS. 1067/2342).

⁷ По всей видимости, тезисы этого доклада А.И. Гершун-Колин и положил в основу своей статьи о Бунине, которая вскоре была опубликована на английском языке: Colin A. G. Ivan Buninin retrospect // The Slavonic and East European Review. 1955. Vol. XXXIV. № 82. P. 156–173. Русский перевод А.В. Курт см. в изд.: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010. С. 487–494.

⁸ Кунцевич (Kunsewiczowa) Мария (1897–1989) — польская писательница русского происхождения, прозаик, эссеист, филолог, переводчица; в 1940–1955 гг. жила в Великобритании, председатель эмигрантского отделения ПЕН-клуба.

⁹ Алданов М. О Бунине // Новый журнал. 1953. № 35. С. 130–134.

¹⁰ туда и обратно (фр.).

71. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

6 февраля 1954 г. Ницца

6 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Ну что ж, надо ожидать ответа Александровой. Боюсь только, что по 20–30 страницам рукописи они договора еще не подпишут. Меня ведь удивило не то, что теперь написала Александра, а то, что Вам год тому назад написала Терентьева: насколько мне известно, они до сих пор ни разу не подписывали договоров, не получив трети или хоть четверти рукописи. А чаще всего требовали, чтобы им прислали не меньше половины.

Я просил издательство послать Вам «Ульмскую ночь» уже давно. Давно получили ее Кускова и Маклаков. Из этого я заключаю, что либо они моего желания не исполнили, либо книга пропала. Поэтому я сегодня отправил Вам отсюда мой экземпляр (один из двух). Но прошу Вас непременно, если Вы все-таки получите экземпляр от издательства, пришлите его мне по почте. Разумеется, незачем Вам торопиться с чтением, — прочтете, если захотите и когда захотите. Но я советовал бы Вам пропустить или отложить две первые главы, они особенно скучны и отобьют у Вас охоту читать дальше, как отбили у моей сестры, у моего приятеля Лунца и, быть может, у других.

Дальше от руки (строк 5): застопорилась машинка.

72. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

10 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester

10/II-1954

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня книгу, и очень за нее благодарю, притом не только за внимание Ваше (и надпись, меня приведшую в некоторое смущение и замешательство!), но заранее за читательское удовольствие: я только перелистал книгу, и почувствовал к ней такой «аппетит», чуть не к каждой странице, что примусь читать завтра же, и жалею, что кое-что прочел наспех, без связи с целым. Вы мне советуете не читать первых глав! Но при всей моей малограмотности в этих вопросах интерес и любопытство у меня к ним великое, — как же я это пропущу! Мимоходом видел, что Вы чуть-чуть обидели Платона, и «возмутился духом», ибо даже сквозь плохие переводы (но «Федон» переведен хорошо, кажется, Жебелевым¹, недавно) там есть какая-то такая «прозрачная и прохладная» прелесть, м. б., не столько самой мысли, сколько чего-то над ней и около нее, что не знаю, с кем и сравнить.

Похоже на лучшее, что есть у Пушкина, — будто отсутствие красок, все черное и белое, особенно в «Федоне» именно, хотя доказательства там и детские. Простите за непрошенные рассуждения.

И насчет «клякс» в «Войне и мире» — очень мне понравилось и показалось очень верно². Там есть замечательная не «клякса», а пропуск в сцене туалета Наполеона, перед Бородиным³. Все взято у Лас-Каза⁴, но пропущено то, что хорошо — чтобы вышло противно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Еще раз спасибо. Если получу книгу от Чех<овского> изд<ательст>ва, сейчас же ее Вам вышлю. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) — историк, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии, академик АН СССР (1927); профессор кафедры греческой словесности Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета (в 1904–1927), затем сотрудник Государственной академии истории материальной культуры. Адамович имеет в виду его перевод «Федона», опубликованный в издании: Полное собрание творений Платона: В 15 т. / Под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова. Пб.; Л.: Academia, 1922–1929. Т. 1: Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон / Пер. С. Жебелева. Пб., 1923.

² Имеется в виду рассуждение Алданова: «“Величайшая книга всех времен — это ‘Война и мир’ Толстого”, — недавно сказал Сомерсет Мохэм. И если в ней редко, чрезвычайно редко встречаются крошечные кляксы, то они объясняются тем, что Толстой, едва ли не в первый раз в художественном произведении, хотел подогнать жизнь под свою философию и впадал в противоречие сам с собой» (Алданов М. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 16–17).

³ Речь идет об эпизоде романа Л.Н. Толстого (Война и мир. Т. 3. Ч. 2. XXVI): «25-го августа, накануне Бородинского сражения... Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколому. Короткие волосы Наполеона были мокры и спутаны на лоб. Но лицо его, хоть опухшее и желтое, выражало физическое удовольствие: “Allez ferme, allez toujours...”» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 213). Сцену утреннего туалета Наполеона Л.Н. Толстой несколько раз переписывал, см. черновики к роману.

⁴ Лас Каз (Las Cases) Эммануэль Огюстен де, граф (1766–1842) — французский картограф, камергер Наполеона, автор книги о нем «Мемориал святой Елены» (*Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène suivi de Napoleon dans l'exil par M. M. et de L'Historique. Tt. I–VIII. P., 1822–1824*). Во время работы над «Войной и миром» Л.Н. Толстой пользовался двухтомным иллюстрированным изданием книги Лас Каза, вышедшим в серии «Le panthéon populaire»: *Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène suivi de Napoleon dans l'exil par M. M. et de L'Historique. P.: Gustave Barba, Librairie Éditeur, [1852]*. Это издание с многочисленными пометами Толстого хранится в яснополянской библиотеке. Толстой одно время даже хотел перевести на русский язык книгу Лас Каза, о чем писал П.И. Бартеневу 14 сентября 1868 г., но намерение свое не осуществил.

73. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

18 февраля 1954 г. Ницца

18 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно благодарю Вас за письмо, все в нем (даже написанное только после просмотра книги) было мне *чрезвычайно* приятно.

Я не «обижал» Платона, но за исключением страниц ста из его произведений они не производили на меня по-настоящему потрясающего впечатления, такого, как «Экклезиаст», начало «Иова» и многое другое в обоих Заветах или из Гомера. Не все, вероятно, и его, т. е. в самом деле им написано. Но спорить не могу: вероятно, правы Вы и столь бесчисленные его поклонники (всего).

От Чеховского издательства ни Вера Николаевна, ни я не имеем никаких известий. В<ера> Николаевна поссорилась окончательно с Рогнедовым, вернее, не поссорилась, а сделала почти невозможными дальнейшие деловые отношения. Правда, виноват *он*, но отпадает и этот источник небольших денег для нее. По не очень понятным мне причинам ей, по-видимому, страстно хочется устроить вечер или даже вечера (дело тут у нее никак не в деньгах). Французский *спектакль* и раньше казался мне делом рискованным: пустой зал, плохая или ничемная программа и убыток. Но уж теперь без Рогнедова о *спектакле*, по-моему, и говорить не приходится. Я приехать и читать не могу. Надеюсь на Ваш доклад в Пен-клубе, с Мориаком или Моруа, как только Вы приедете в Париж. Вера Николаевна тоже очень этого (Вашего доклада) хочет. Затем для *русского* вечера у нее уже есть Кедрова¹ и Вырубов². Я ей советовал еще добавить хорошего пианиста, который сыграл бы, например, Вторую сонату Шопена, с похоронным маршем. Как она ни заиграна, вот это именно, по-моему, вещь потрясающая. Знаю, что мне очень хотелось бы, чтобы ее сыграли в мою память, — она ведь проходит и в моих романах, — да этого не будет: будут похороны в Ницце с моими, Сабанеевым, Тейтелем³ и мадам Лезелль в числе десяти провожающих. И Левашев⁴ скажет слово или же Масловский⁵. Но, без неуместных тут шуток, убедите Веру Николаевну в том, что французский спектакль ни к чему. Без ужаса не могу себе представить, как какая-нибудь завалящая французская артистка, по настоянию Мориака и ради «Figaro», прочла бы что-либо из книг Ивана Алексеевича в переводе! И при пустом зале.

А как сошел вечер в Лондоне?

Нового ничего. Оба шлем Вам самый сердечный привет. И еще раз спасибо.

---

¹ Кедрова Елизавета (Лиля) Николаевна (1918–2000) — актриса, снималась во французских комедиях, затем в голливудских фильмах. В 1964 г. получила «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана, позже переехала в Канаду.

² *Вырубов* Александр Александрович (1882–1962) — актер 1-й студии МХТ; с 1922 г. в Берлине, входил в состав Пражской труппы МХТ, затем в Париже.

³ *Тейтель* Яков Львович (1851–1939) — юрист, общественный деятель, до революции судебный следователь. С 1921 г. в эмиграции в Германии, председатель Союза русских евреев в Германии, затем в Париже, организатор ряда филантропических учреждений. Подробнее о нем см.: *Капитайкин* Э. «Веселый праведник» — Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919–1939 гг. / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 465–475.

⁴ Возможно, *Левашов* (князь Вяземский) Владимир Леонидович, граф (1889–1960) — лейтенант лейб-гвардии Гусарского полка. С 1919 г. в эмиграции в Париже, управляющий конным заводом и скаковой конюшней Л.А. Манташева, сотрудник «Последних новостей» и «Русской мысли», историк масонства.

⁵ *Масловский* Евгений Васильевич (1876–1971) — генерал-майор Генштаба, военный писатель; участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Болгарии, с 1927 г. во Франции, жил в Ментоне под Ниццей, с 1940 г. заведовал церковной библиотекой в Ницце, публиковался в «Часовом», «Иллюстрированной России», «России и славянстве».

74. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester
20/II-1954

Дорогой Марк Александрович

Так как Вы интересовались моими делами с Чех<овским> изд<ательст>вом и были настолько добры, что принимали в них участие, сообщаю Вам, что получил письмо от Александровой:

«...Вчера видела Н.Р. Вредена и, в результате разговора, он склонен сделать для Вас исключение, т. е. заключить контракт с Вами, не дожидаясь высылки всей рукописи. Но для этого нужно, чтобы Вы дослали хотя бы одну (подчеркнуто Ал<ександров>ой) треть рукописи».

Я ответил, что благодарю за исключение и дошло нужное число страниц в марте. По точному смыслу письма надо бы дослать треть. Но надеюсь, что если треть получится вместе с имеющимися у них главами, все будет в порядке. Сейчас я, к сожалению, никак не могу взяться за писание, и не умею писать две вещи сразу.

Ответ, как видите, благоприятный. Спасибо Вам большое. Не знаю ни Александровой, ни Вредена, но думаю, что без Вашего вмешательства ответ был бы, пожалуй, другой.

Вчера я был в Лондоне, на вечере памяти И<вана> А<лексееви>ча¹. Сошло лучше, чем я думал, — за исключением никчемной (и очень плохой) музыки в конце. После нескольких моих вступительных слов была прочтена в переводе Ваша статья, а затем сделал доклад Колин (тоже лучше, чем я ждал). Во втором

отделении читали вещи И<вана> А<лексеевича>, и какой-то неведомый мне англичанин (Evans) очень толково и умно говорил о том, что действует на англичан у Бунина. Этот Evans, еще молодой человек, «начальство» Колина на каких-то курсах по русскому языку и бывший оксфордский студент. Было человек 50, всех национальностей.

Еще хочу Вам сказать, что я прочел две первые главы «Ульмской ночи» почти что с возмущением; вдруг бы я Вас послушался и стал бы читать сразу с 3-й главы! Не понимаю, как могут эти первые две главы быть кому-либо неинтересны! Ведь это действительно о «самом важном», как любила выражаться Зин<аида> Николаевна, и знаете, я уверен (а м. б., с Вашей точки зрения, ошибаюсь?), что дальнейшие главы, как бы они ни были литературно увлекательны, все же менее существенны, чем первые главы. Дальше ведь идет иллюстрация того, что сказано здесь — или я действительно ошибаюсь? Не решаюсь Вам докучать сверхдилетантскими рассуждениями о прочитанном. Для меня это — подтверждение того, что давно я скорей чувствовал, чем знал или думал, à jamais² восемнадцатый век и отчасти девятнадцатый строили мир по человеческой мерке, в согласии с человеческим разумом. А когда выяснилось (благодаря тому же разуму, который по своей ненасытности роет себе могилу), что мир вовсе к нашему пониманию и спокойствию не приспособлен, создается впечатление, что живем мы в сумасшедшем доме. Когда-то в университете проф. Кареев³ читал кончающим студентам лекции «о выработке мирозерцания»⁴. Я тогда уже сомневался в его «мирозерцании», а теперь хотел бы дать ему Ваши две главы! Между прочим, меня поразили отдельные Ваши замечания — например, о числе 2, к которому человек подгоняет природу. А о вероятности я когда-то читал Е. Бореля⁵, ради рулетки⁶, правда: он утверждает, что если одну неделю выходили больше красные номера, то «le rétablissement est certain⁷», выйдут затем черные. Почему certain⁸? Это то, что у Вас определено как уверенность статистическая, не больше. Ну, простите, я увлекся и пишу то, что покажется Вам, верно, болтовней и чепухой. Но еще раз: как могли вы счесть, что эти главы кому-либо «неинтересны», не говоря уже о бездне учености? Да, хочу с Вашего разрешения украсть у Вас цитату из И. Лойолы⁹ для рассуждений о совет<ской> литературе: уж очень подходит, в самую точку.

Вот позвали меня обедать, а на столе лежит у прибора Ваше письмо. Спасибо большое. Насчет Платона остаюсь при особом (впрочем, «особое» — именно Ваше мнение) мнении, а насчет Шопена и его Второй сонаты согласен совсем. А Третья соната у него еще лучше. По-моему, это самая вершина музыки, и только Моцарт (иногда) и Бах еще лучше. Но на похоронах своих я хотел бы, чтоб только прочли молитву, а ничего не играли. Ваша мысль, что хорошо было бы сыграть эту сонату на вечере памяти И<вана> А<лексееви>ча, по-моему, опасна: если бы сказать, что да, заиграно, почти опошлено, «а все-таки...» и растолковать бы смысл и содержание этого «а все-таки», было бы великолепно. Но Вы этого не сделаете, сонату сыграют плохо, и это будет тот Шопен, о котором Балакирев¹⁰, его боготворивший, сам себе говорил, когда играл его: «и никаких юнкеров! никаких институток!»¹¹ Знаете ли Вы, что такое Вырубов, уже Верой Ник<олаевной>, по Вашему письму, будто бы приглашенный? Это — ужасный актер, худший тип, потому что это

Чухлома с неврастений, претензией на трагизм, Достоевского и т. д. Шопен с ним заодно превратится совсем в Бог знает что.

То, что Вы пишете о вечере в Пен-клубе, где будто бы я должен прочесть доклад, — меня очень смутило. Когда? Наверно ли — или это только планы? Все-таки не могу же я написать это в один вечер, а Вы пишете — «как только Вы приедете в Париж». Надеюсь, что если что-нибудь решится, В<ера> Н<иколаевна> мне сообщит все, что знать нужно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Мне правда очень совестно и неловко, что пишу я Вам — кажется, вторично — столь длинные и мало связанные письма. Простите. Кланяйтесь, пожалуйста, сердечно Татьяне Марковне. Как все у Вас, как здоровье?

Ваш Г. Адамович

---

¹ О вечере см. в наст. публ. письмо 70 и примеч. к нему.

² всегда (фр.).

³ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — русский историк и философ, с 1910 г. член-корреспондент Петербургской академии наук, с 1929 г. почетный член АН СССР.

⁴ Эти лекции были выпущены отдельным изданием: Кареев Н.И. Беседы о выработке мирозозерцания. СПб., 1895; книга неоднократно переиздавалась.

⁵ Борель (Borel) Феликс Эдуард Жустин Эмиль (1871–1956) — французский математик и политический деятель, преподаватель Лионского университета (с 1893), профессор Эколь Нормаль (с 1897), во время Второй мировой войны участник французского Сопротивления.

⁶ Борель был одним из основоположников теории меры и ее приложений в теории вероятности, в качестве модели случайных чисел использовал, среди прочего, рулетку. Адамович, скорее всего, читал его книгу «Случай»: Borel E. Le hasard. P., 1914 (русский перевод: Борель Э. Случай. М.; Л., 1923).

⁷ достоверно определено (фр.).

⁸ достоверно (фр.).

⁹ Адамович имеет в виду следующее место из «Ульмской ночи» Алданова: «Новое, введенное Лойолой, заключалось даже не в принципе абсолютного послушания воле начальства: ведь это всегда было основой и военной дисциплины. Новое заключалось в том, что с начальством надо быть и внутренне-согласным. Так прямо сказано в “Exercices”: “Необходимо всегда следовать правилу: то, что мне кажется белым, я должен считать черным, если таково иерархическое определение предмета”. Эта идея стала завоевывать мир именно в двадцатом столетии».

¹⁰ Балакирев Милий Алексеевич (1836/1837–1910) — композитор, пианист, дирижер, глава «Могучей кучки».

¹¹ См. воспоминания Б. Асафьева об игре Балакирева: «У меня было впечатление, что Балакирев нарочито и вызывающе “снимает” с Шопена все, что содержало хотя бы намек на “ушеугодие”, на любовную романтику. Уже играя, он проворчал: “Никакого Мюссе и уж, конечно, ни юнкеров, ни лицейстов!”» (цит. по: Алексеев А. Русские пианисты. М.; Л., 1948. С. 156).

75. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

25 февраля 1954 г. Ницца

25 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Я чрезвычайно рад тому, что Ваше дело с Чеховским издательством устроилось. Устроилось как будто и мое. Терентьева мне пишет, что, как мне будто бы давно известно от Александровой, моя книга утверждена. На самом деле Александрова мне об этом ничего не писала! Но, вероятно, это так.

Еще раз сердечно Вас благодарю за то, что Вы пишете об «Ульмской ночи». Но одно Ваше замечание *очень* меня огорчило: Ваши слова о «сумасшедшем доме»! Неужели Вы усмотрели в моей книге что-либо нигилистическое или атеистическое? Это было бы неверно и очень печально. Вы увидите, дочитав книгу до конца, что Вы тут ошиблись, — если я правильно понял Ваши слова.

Рад, что лондонский вечер сошел недурно. Я получил письмо от Рогнедова (который помирился с Верой Николаевной). Он сообщает, что вечер во французском Пен-клубе назначен на 17 марта и что доклады будут Анри Труайя¹ и либо Паскаля², либо Андре Пьера³. Ну и слава Богу. Тогда ни Вам, ни мне тоже выступать не нужно (а я и не мог бы). Но Вера Николаевна так путано пишет, что я и понимаю с трудом. Очевидно, она хочет, чтобы Вы и я выступили на *русском* вечере (по-видимому, в конце марта). Я тем более на русском вечере не выступлю: ведь для *французского* вечера достаточно было бы кратких общих мест. Мне приехать почти и невозможно. Но Вы тогда будете в Париже, Вам отказаться нельзя, и я *уверен*, что Вы согласитесь. Умоляю Вас не отказываться. В<ера> Н<иколаевна> настаивает на том, чтобы выступали друзья Ивана Алексеевича, и только друзья. Кроме того, в день полугодовщины предполагается (опять при помощи Рогнедова) французский *спектакль*. Таким образом, *три* вечера!!⁴ У В.Н. как будто «комплекс», что она должна что-то делать, особенно устраивать чествования. Невольно себя спрашиваю, что же будет в следующем году?! В связи с этим у меня возникла мысль. Хотя она на меня явно сердится (за что?!), я хочу ей посоветовать, чтобы *она* написала биографию И.А. — Никто не знает его жизнь так, как она, она писала когда-то статьи и может справиться с этой задачей. Тогда у нее будет дело. Не очень верю, что Чеховское издательство напечатало бы ее книгу, но ее можно издать и по подписке (несмотря на неудавшийся прецедент с Зуровым: подписчики нашлись, деньги поступили, частью истрачены, — и книга не вышла⁵). Во всяком случае, *когда-либо* книга вдовы Бунина о нем *будет* напечатана, так что ее работа не пропадет. Это могло бы и заменить проблематический сборник статей в память Ивана Алексеевича. Как Вы об этом думаете? Напишите мне Ваше мнение, и я тогда обращусь с этим советом к Вере Николаевне⁶.

Вырубова я никогда не видел и не слышал. Но В<ера> Н<иколаевна> мне сообщила как об удаче об его согласии выступить. Хмара⁷ несовместим с Кедровой (которая *гораздо* нужнее всех других артистов). Быть может, Богданов⁸ или Рощина-Инсарова?⁹

Для музыкального номера я, кроме Ирины Энери¹⁰, никого не вижу. А Вы? Орлов, кажется, живет в Англии?

Я не знаю Третьей сонаты Шопена. Что Вы имеете в виду? Сонату с виолончелью или концерт? По-моему, при хорошем исполнении Вторая соната лучше всего. Или «Фюнерай» Листа?¹¹ Впрочем, без пианиста и говорить об этом рано. Вера Николаевна о музыке упорно молчит. Кажется, ей нужны преимущественно доклады...

У нас нового ничего. Оба шлем Вам самый сердечный привет. Получите аванс за книгу, — приезжайте в Ниццу, очень, очень обрадовали бы.

---

¹ *Труайя* (Troyat) Анри (наст. имя Лев Асланович Тарасов; 1911–2007) — французский писатель российской-армянского происхождения.

² *Паскаль* (Pascal) Пьер (1890–1983) — французский славист, переводчик. В 1916–1933 гг. жил в России, был секретарем Г.В. Чичерина в Наркоминделе, работал в отделе печати Коминтерна, затем в Институте Маркса — Энгельса. С 1937 г. профессор Школы восточных языков, с 1959 г. — Сорбонны.

³ *Пьер* Андре (Pierre; 1887–1966) — славист, журналист, переводчик. Среди прочего опубликовал в разные годы несколько статей о Бунине во французской печати.

⁴ См. примеч. 3 к письму 67 наст. публ.

⁵ В 1950–1952 гг. В.Н. Бунина вела сбор средств по подписке на издание романа Л.Ф. Зурова «Зимний дворец», но книга не была выпущена.

⁶ Адамович всячески поддержал эту идею Алданова занять В.Н. Бунину и в письмах к ней часто интересовался, как идет работа над книгой.

⁷ *Хмара* Григорий Михайлович (1882–1970) — в 1910–1920-х гг. актер МХТ. С 1915 г. снимался в кино. С 1920 г. жил во Франции, продолжал сниматься в кино, в том числе с Гретой Гарбо, играл на сцене. Активно работал до войны в парижских театрах миниатюр, студиях, в том числе и собственной.

⁸ *Богданов* Александр Николаевич (1892–1963) — актер, режиссер, театральный деятель. С начала 1920-х гг. в эмиграции в Праге, с 1924 г. в составе Пражской труппы МХТ; с 1926 г. в Париже, один из организаторов Русского драматического театра в Париже, член правления Союза русских театральных и кинематографических деятелей.

⁹ *Рощина-Инсарова* Екатерина Николаевна (урожд. Пашенная, в замужестве гр. Игнатьева; 1883–1970) — актриса, сестра В. Пашенной. В эмиграции с 1919 г., в 1923–1925 гг. глава русской труппы, затем русского Камерного театра в Риге; с 1925 г. в жила в Париже. Покинула сцену в 1949 г., в 1957 г. поселилась в старческом доме в Кормей-ан-Паризи (Cormeilles en Parisi).

¹⁰ *Энери* Ирина Алексеевна (урожд. Горяинова, в замужестве Боровская; 1897–1980) — пианистка, педагог. С 1923 г. в эмиграции во Франции, выступала вместе с вокальным квартетом Н.Н. Кедрова, квартетом имени М.П. Мусоргского, с 1934 г. профессор Русской консерватории в Париже. В 1933 г. принимала участие в чествовании И.А. Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

¹¹ «*Funérailles*» («Погребальное шествие», 1849) — фортепианная элегия Ф. Листа.

76. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

27 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
27/II-54

Дорогой Марк Александрович

Меня всегда стесняет отвечать сразу, — или даже отвечать на письмо, которое само является ответом, — будто приглашение и вызов к тому же! Не поймите моей спешки именно так.

А отвечаю я сразу из-за Шопена, «возмутившись духом» из-за Вашего вопроса, не считаю ли я его Третьей сонатой сонату виолончельную или фортепианный концерт? (которых у него два). Нет, я писал Вам о Третьей фортепианной сонате. По-моему, она еще лучше Второй, кроме финала. Гуго Риман¹ утверждал, что самый большой мелодический дар был у двух людей — Шуберт и Шопен, и для Шопена где-то ссылается при этом на мелодию (действительно какую-то «бесконечную») в начале Третьей сонаты. Простите, я как будто хочу блеснуть ученостью, но это действительно так! Попросите Сабанеева Вам эту сонату сыграть, стоит того. Насчет русского вечера памяти И<вана> А<лексеевича>, я, конечно, согласен на все, что В<ере> Н<иколаевна> считает нужным. Она мне пишет об «инициативной группе», о «кооптации» новых членов группы и, по-видимому, очень этим занята. Ее, по-видимому, очень огорчило, что Вы участвовать не можете (не думаю, что она на Вас «сердится» — как Вы предполагаете). Не согласились ли бы Вы, Марк Александрович, на такой компромисс: не написали бы Вы специально для этого вечера нескольких строк об И<ване> А<лексеевиче>, с тем чтобы Ваше имя было в программе, а на вечере было объявлено, что Вы приехать не могли, но прислали текст того, что хотели сказать? По-моему, это было бы крайне желательно, и наверно В<ере> Ник<олаев> не пришлось бы по душе. Должен Вам покаяться, что я об этом ей написал, не спрося Вашего согласия². А то что же это будет за вечер! Нельзя же ограничиться только актерами?

Относительно музыки на вечере: я написал В<ере> Н<иколаевне>, что в Лондоне вечер был испорчен частушками и песнями в конце. Она ответила: и прекрасно, Иван Ал<ексеевич> был бы доволен! он терпеть не мог ничего похоронного! Так что Ваша идея о сонате Шопена или «Фюнерай» Листа ей едва ли понравится.

Par contre³, идея Ваша о биографии И<вана> А<лексеевича>, которую бы она написала, — ей, думаю, понравится наверно. Это во всех отношениях хорошая мысль, прежде всего для самой В<еры> Н<иколаевны>: это надолго ее займет и заполнит ей жизнь. (Кстати, читали ли Вы книгу Слонима о брачной жизни Достоевского? Я не хотел об этом настаивать в заметке для «Н<ового> р<усского> слова»⁴, но, по-моему, там проявлена редкостная бестактность в описании любовных подробностей.)

А о «Ульмской ночи» я писал Вам, что мы живем в сумасшедшем доме, без желания заподозрить Вас в нигилизме. Если по Эйнштейну — пространство конечно и притом

имеет форму какой-то спирали, то это для меня и есть «сумасшедший дом», т. е. мир, не согласованный с нашим рассудком. Я, конечно, при этом плохо выражаюсь. Но это ничего общего не имеет с нигилизмом (насчет атеизма уверенности у меня меньше). А книгу Вашу я продолжаю читать с великим интересом и увлечением. Эпизод с дивизиями Клапареда и Фриана меня давно уже поразил, и я был рад прочесть, что Вы — при Вашем отношении к Толстому — отметили, что это явный вздор⁵. Ген. Фуллер⁶, оказывается, — фашист, и во время войны был отставлен от всех должностей именно из-за этого, хотя, как мне сказал здешний историк, военно-научный авторитет его в Англии чуть ли не первый из всех. Но на Money-Power⁷ он нападает не с марксистской, а с гитлеровской точки зрения, и до 1939 г. агитировал за союз с Гитлером.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Риман (Riemann) Гуго (1849–1919) — немецкий музыковед и лексикограф, автор «Музыкального словаря».

² Адамович писал В.Н. Буниной 25 февраля 1954 г.: «Не лучше ли было бы отложить вечер на июнь? Это у меня мысль не по личным соображениям, а потому, что летом — все лучше, как-то светлее и торжественнее. Может быть, и Алданов тогда приехал бы. По-моему, было бы хорошо сделать с Алдановым так, если он согласен, конечно: поставить его имя на афишу, попросить его написать небольшую статью о И<ване> А<лексеевиче>, а на вечере сказать, что он приехать не мог, но прислал то, что хотел прочесть сам. Все convenances [приличия (*фр.*)] были бы соблюдены, и не думаю, чтобы М<арк> А<лександрович> мог от этого отказаться» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 121).

³ Напротив (*фр.*).

⁴ Имеется в виду рецензия на книгу М. Слонима «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953): Адамович Г. Три любви Достоевского // Новое русское слово. 1954. 14 февр. № 15268.

⁵ Речь идет об эпизоде из «Войны и мира» (Т. 3. Ч. 2. Гл. XXXIV), в котором Наполеон в ходе сражения внезапно меняет решение и отдает другой приказ: «Хотя не было никакого преимущества в том, чтобы вместо Клапареда посылать дивизию Фриана, и даже было очевидное неудобство и замедление в том, чтобы остановить теперь Клапареда и посылать Фриана, но приказание было с точностью исполнено. Наполеон не видел того, что он в отношении своих войск играл роль доктора, который мешает своими лекарствами» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 243).

⁶ Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарльз (1878–1966) — английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930). С 1933 г. в отставке. Адамович имеет в виду упоминание о нем в «Ульмской ночи» Алданова: «У марксистских историков в самое недавнее время появился довольно неожиданный и курьезный “союзник”, английский военный историк Фуллер. Этот старый генерал, недавно разработавший план расчленения России, написал книгу “Решительные сражения”, чрезвычайно ученую и по-своему очень интересную. Из Наполеоновской эпохи он берет два сражения, под Иеной и под Лейпцигом, и по их поводу высказывает ту мысль, что главным врагом Наполеона была не Россия, не Англия, а Власть Денег, — он и пишет эти два слова не без мистического ужаса с больших букв: The Money Power».

⁷ Власть денег (*англ.*).

77. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 марта 1954 г. Ницца

13 марта 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Вера Николаевна, по-видимому, ухватилась за мысль о том, чтобы написать биографию Ивана Алексеевича. Говорит только, что знает его жизнь лишь с тех пор, как ему было 36 лет, а до того у нее «нет материалов». Кажется, она больше на меня — поэтому ли? — и не сердится. Я сказал ей, что готов, если она *настаивает*, прислать краткое слово для оглашения. А вот Кедрова участвовать не может или не хочет, а музыки «не хотят все», т. е., верно, именно она сама (В.Н.). Будут Крыжановская¹, Рощина-Инсарова и Вырубов!

По поводу музыки. Я ведь Вам писал только, что я не знаю Третьей сонаты Шопена. И я отнюдь не знаток. Впрочем, я спросил Сабанеева. Он сначала сказал, что существуют лишь две сонаты Шопена. Затем несколько изменил свое сообщение: есть еще одна соната, но посмертная, авторство Шопена не доказано, и ее часто приписывают Мошелесу². Наверное, Вы правы.

Об «Ульмской ночи», к моему приятному удивлению, появилась в «Русской мысли» очень лестная рецензия Сперанского³. Очень лестная и, между нами, довольно наивная. Если у моей книги есть какое-либо достоинство, то разве в том, что в ней основное — *ново*, а он об этом не сказал ни слова. Насколько мне известно, пока была только эта рецензия. «Новое русское слово» еще никакой не дало, и я не знаю, кто у них пишет. Не знаю также, будут ли рецензии в «Новом журнале», в «Возрождении». Слышал, что редактором «Возрождения» назначен Витт⁴, ученик Струве, — я его не знаю. В том же номере «Русской мысли», в котором помещена рецензия об «Ульмской ночи» и который мне прислал Маклаков, было письмо в редакцию Терапиано. Он просит сообщить, что и он не может участвовать в «Возрождении» «при нынешнем составе редакции»⁵. Не знаете ли Вы, что это значит? Очевидно, в газете раньше был список ушедших сотрудников и они объяснили, почему именно уходят. Статья Рогаль-Левицкого⁶, верно, тут ни при чем, так как Мельгунов, бывший тогда редактором и поместивший ее, с тех пор ушел, и слова о «нынешнем составе редакции» к нему относиться, значит, не могут.

Я, конечно, знал, что ген. Фуллер никак не марксист, и даже упомянул об его антисемитизме. Я и не говорил, что он нападает на Монеи Пауер слева. Разумеется, справа.

Маклаков, только что выпустивший в Чеховском издательстве свои воспоминания, называет их в письме ко мне «последним словом подсудимого». И каждому из нас надо сказать это последнее слово. Не знаю, будет ли им для меня «Ульмская ночь». *По существу* почти наверное будет.

Нового у нас ничего. Приятного тоже ничего.

Вероятно, в Париже мы в этот Ваш приезд не увидимся. Но не приедете ли опять в Ниццу? Очень, очень хотелось бы Вас увидеть.

Сегодня почему-то вспоминал начало эмиграции: 1919–22 годы в Париже. Мы жили тогда одной компанией, в центре был не Отей, а Пасси, и встречались чуть не каждый день: Тэффи, Ал. Толстой, Бунин, Ал. Яблоновский, Куприн и — стояли несколько более обособленно — Мережковские. Зайцев тогда еще был в России, Вы тоже. И вот из этой, тогда дружной, компании остался в живых один я... Да еще, пожалуй, Вера Николаевна, — «пожалуй» потому, что по ресторанам и кофейням она ходила меньше. Я еще не был женат.

Оба шлем Вам самый сердечный привет, лучшие наши пожелания.

---

¹ *Крыжановская* Мария Алексеевна (1891–1979) — драматическая актриса, с 1915 г. в МХТ, участница качаловской группы; после участия в зарубежных гастрольях МХТ (1922–1924) примкнула к Пражской труппе; неоднократно участвовала в зарубежных театральных предприятиях М.А. Чехова.

² *Мошелес* (Moscheles) Игнац (Исаак) (1794–1870) — богемский пианист, дирижер, композитор, педагог.

³ *Сперанский* Валентин Николаевич (1877–1957) — философ, правовед, публицист, общественный деятель; до революции профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов; с 1922 г. в эмиграции в Ревеле, с 1925 г. в Париже, читал лекции на русском факультете Парижского университета, выступал с докладами на эмигрантских собраниях, сотрудник «Последних новостей», «Дней», «Возрождения», «Иллюстрированной России», после войны постоянный автор «Русской мысли», где появилась, в частности, и рецензия его на «Ульмскую ночь» (Русская мысль. 1954. 5 марта. № 638. С. 6).

⁴ Так и остается невыясненным, которому из двух братьев предлагали стать редактором «Возрождения»: Дмитрий Львович де Витт (1896–1963) и Лев Львович де Витт (1897–1961) оба были военными, оба жили во Франции, печатались в одних и тех же изданиях (наиболее часто в «Военной были»), оба выступали в качестве военных писателей и публицистов. В любом случае Витт очень недолго исполнял обязанности редактора «Возрождения», так как не сошелся с А.О. Гукасовым и не был официально утвержден на этом посту.

⁵ Через два месяца после того как С.П. Мельгунов заявил о своем уходе из «Возрождения» (см.: *Мельгунов С.* Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 8 янв. № 622. С. 5), такое же письмо опубликовал и Ю.К. Терапиано: «Позвольте присоединить мое имя к списку сотрудников тетрадей “Возрождения”, отказавшихся принимать участие в этом журнале при настоящем составе редакции» (*Терапиано Ю.* Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 5 марта. № 638. С. 6).

⁶ *Рогаль-Левицкий* (Рогаля-Левицкий) Юрий Сергеевич (1895–1959) — поэт, критик. С 1918 г. в эмиграции в Швейцарии, затем в Париже, до войны участник монпарнасских бдений, член Союза молодых поэтов и писателей, после войны резко «поправел», сотрудничал в «Возрождении», «Русской мысли» и «Русском воскресении». Речь идет об откровенно рассчитанной на скандал, снабженной эпиграфом из «Выврождения» Макса Нордау статье Ю.С. Рогалья-Левицкого, в которой тот поминал недобрый словом своих старых приятелей-поэтов, пытаюсь развенчать Адамовича и всю «парижскую ноту» в целом, обрушиваясь заодно на «Числа», «Новоселье», Мережковских: «В памяти нашей проходит ряд мизерных литературных силуэтов <...> Прежде всего, Борис Поплавский, поэт *par excellence* “заумный”, певший сломанным голосом, в свое время немало нашумевший, впрочем... даже лучшие стихотворения Поплавского, как “Флаги” или “Черная мадонна”, содержали в себе, наряду со стилистическими погрешностями, очевидные нонсенсы. <...> Поэтесса Лидия Червинская задавала читателю не менее головоломные загадки <...>

Авторов-прозаиков в “Союзе” было значительно меньше, чем поэтов. Все они, за редким исключением, отличались кто тою же, что и поэты, заумностью, кто полным незнанием языка, а иные одновременно и тем и другим. Единственной, быть может, их заслугой было то, что они, не переставая употреблять до невероятности безграмотные обороты речи, приводили читателя в веселое настроение <...> Несуразностью отличались писания Агеева, Варшавского, Горного, Яновского» (*Рогаля-Левицкий Ю.* Горе-авторы нашего зарубежья // Возрождение. 1953. № 30. С. 179).

78. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

17 марта 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
17/III-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я только что кончил читать «Ульмскую ночь», а читал особенно долго, потому что был очень занят, да и нельзя Вашу книгу читать быстро.

Вы просили меня сказать Вам свое впечатление, независимо от статьи в печати. Хочу передать главное: я давно не читал книги более увлекательной (в настоящем смысле слова), важной и правдивой. Последнее — в особенности должно бы каждого поразить: правдивость в толстовском смысле, без умственной позы и всякой рисовки, без эффектов. По-моему, это одна из самых замечательных Ваших книг, даже в художественном смысле. Я, когда читаю роман, всегда по-старинному хочу знать: что автор «хотел сказать»? (как у Вас Вермандуа спрашивает Гете — да?¹). Здесь все концы сведены, все ответы даны, насколько ответ вообще возможен. Я, конечно, писал Вам вздор о «сумасшедшем доме»: к Вам это не относится. Но книга все-таки ужасно грустная в выводах, т. к. никакого «треста мозгов» не будет, а вероятно, и «21-го века не будет»². Или будет такой, что лучше бы его не было. Ну, долго обо всем писать, да мне и неловко Вас занимать своими соображениями. Мне хотелось бы исписать всю Вашу книгу на полях всякими вопросами и доводами. Не могу никак, почти ни в чем, согласиться насчет отсутствия «бескрайности» в русской культуре. Конечно, с Вами и за Вами Пушкин, но только он один из «вершин», потому что Тургенев все-таки не в счет. Если начать обо всем этом говорить, то будет не письмо, а трактат. Спасибо за книгу. Знаете, иногда критики пишут в статьях — «поблагодарим автора» и т. д., обычно с указанием на хороший шрифт и плотную бумагу: на этот раз надо бы сказать «спасибо» всерьез и по-настоящему. Простите за громкое слово, — но Вы спасаете честь нашей литературы самым уровнем вопросов и отношения к ним. Вот, например, Бердяев — не пустой же был человек, а теперь всеевропейская знаменитость! Читали Вы его отрывки в последнем «Новом журнале»?³ Ведь стыдно читать, даже если и не глупые мысли: стыдно по развязности, безвкусию и всему такому! Европу «тянет на капусту», и ей это может нравиться.

Но мы свою капусту слишком хорошо знаем и цену ей знаем. Кажется, ни у кого, кроме Вас, нет к ней нужного отвращения.

Статьи Сперанского я не читал (всегда вспоминаю, как И<ван> А<лексеевич> его назвал: «бритая лошадь»). Хочу сегодня попытаться написать статью для «Н<ового> р<усского> слова». Если там уже что-нибудь и появилось, не думаю, чтобы вторая статья была лишней. Отзыва или «рецензии» на «У<льмскую> ночь» написать невозможно, не та тема, не то значение книги. А «вокруг да около» у каждого из пишущих будут разные все равно. Но наверно, вне всякого сомнения, Вам, автору, то, что я напишу, покажется пустым и неверным. Не может иначе быть, никогда иначе не бывает. Вы думали о своей книге несколько лет, критик думает о ней несколько дней, и не только пропустит лишь 99 % ее сущности, но и остающуюся $\frac{1}{100}$ поймет не так. Заранее прошу прощения за все промахи или ошибки.

Надеюсь в конце будущей недели быть в Париже. Насчет «Возрождения» и письма Терапиано о его уходе дело, вероятно, объясняется тем, что Терапиано теперь в большой дружбе с Померанцевым, а Витт отказался печатать продолжение померанцевского романа⁴ и чуть ли не предпочитает даже судиться, чем уступить (а еще более категорически отказался от продолжения Одоевцевой⁵, сказав будто бы, что «на чистых страницах нашего журнала нет места адюльтерным пошlostям»).

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, сердечный привет и поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Pour en finis⁶ с Шопеном: я впервые слышу, что одна из его сонат приписывается Мошелесу. Но во всяком случае, речь может идти только о Первой сонате, вещи юношеской, сравнительно слабой, очень редко исполняемой (и тогда соната с похоронным маршем оказалась бы не второй, а первой!). Насчет Третьей сонаты сомнений никаких быть не может, и приписывать ее Мошелесу — слишком большая для него честь. При всем моем уважении к музыкальной учености Л<еонида> Л<еонидови>ча, думаю, что он что-то тут напутал.

P.<P.>S. Кто, какой «авторитетный человек» сравнил Розанова с Паскалем?⁷ Я оттого об этом спрашиваю, что месяца три назад, в статье для № 4 «Опытов» (которые на днях выходят) написал:

«...наши литературные неврастеники сравнивают Розанова чуть ли не с Паскалем»⁸.

Помню, что такие сравнения делали, но теперь хочу знать, кого именно я обидел.

---

¹ Адамович вспоминает эпизод из романа Алданова «Начало конца», о котором он потом не раз писал, заводя разговор об Алданове: «Есть у него страница о старике писателе, французе Вермандуа, на ночь читающем Гёте, — страница, которую ради простоты и человечности сказанного, ради чувства круговой поруки, ее внушившего, следовало бы помнить поэтам, склонным вслед за Бальмонтом воскликнуть “я зову мечтателей, вас я не зову”, хотя бы по заблуждению своему они теперь Бальмонта союзником и не считали. У Алданова замечательно то, что Вермандуа ничуть не прикрашен: нет, он — сибарит, он — слабоволен и готов на любой компромисс, он — светский, усталый человек, не очень

счастливый, не очень несчастный, в сущности, самый обыкновенный человек. Но мужество автора именно в том, что от имени обыкновенного человека он говорит о вещах тоже обыкновенных и — и при этом неотвратимых» (*Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. № 60. С. 110*).

² Адамович имеет в виду «Диалог о тресте мозгов» М.А. Алданова с его вопросом: «Вы совершенно уверены, что 21-е столетие *будет?*» (*Алданов М. Ульмская ночь. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953. С. 234*).

³ Адамович имеет в виду публикацию: *Бердяев Н.А. Выдержки из писем к госпоже Х. // Новый журнал. 1953. № 35. С. 172–189; 1954. № 36. С. 189–204*.

⁴ В «Возрождении» печатались главы из романа К.Д. Померанцева «Восьмой день» (1953. № 26–30; 1954. № 31–32).

⁵ Из прозы Одоевцевой в «Возрождении» печатались: глава из романа «Оставь надежду навсегда» под названием «Карьера Веры Оглоблиной» (1949. № 6. С. 58–82), а позже главы начатого в «Новом журнале» романа «Год жизни» (Возрождение. 1957. № 63–65, 67–68). Витт, вероятно, отказывался печатать продолжение именно этого романа, опубликованного после того, как он перестал исполнять обязанности редактора.

⁶ Для завершения (*фр.*).

⁷ По-видимому, первым такое сравнение сделал А.В. Руманов в написанной в 1910-е гг. и оставшейся неопубликованной статье «О Розанове»: «В нем слышится *голос*, голос Киркегарда и в минуту подъема — голос Паскаля» (РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 9); цит. по: *Черниченко Л.Л. Руманов Аркадий Вениаминович // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008. С. 838*). Сам Розанов часто сравнивал с Паскалем П.А. Флоренского.

⁸ В журнальном варианте был опубликован абзац, который позже, готовя книжное издание «Комментариев», Адамович снял: «Да, вспомнил Розанова: в сущности, жалкий писатель, непомерно сейчас раздуваемый, гений для разбитых душ, для растерянных, сбитых с толку людей, для всех тех, кто болен несварением духовного желудка, отказывающегося принимать твердую пищу, болтун, которого наши литературные неврастеники чуть ли не сравнивают с Паскалем, — и все-таки единственный русский подлинно христианский писатель по тону и интонации, т. е. по тому, что нельзя подделывать. “И да сияют образа эти вечно!” Ведь как сказано, с какой болью, с какими отзвуками! Да и все это предисловие, как оно написано! А примечания к статье Сикорского в “Темном лике”! Если бы хоть раз, у одного из наших нео-христиан, попалась хоть одна такая фраза, все значение их писаний было бы иное...» (*Адамович Г. Комментарии // Опыты. 1954. № 3. С. 109*).

79. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

19 марта 1954 г. Ницца

19 марта 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Пишу кратко, — только для того, чтобы от души Вас поблагодарить за Ваше письмо от 17-го. Со дня кончины Ивана Алексеевича *ничье* мнение не может быть мне более ценно, чем Ваше. Вы, верно, себе представляете, как меня обрадовало Ваше суждение.

Мне, разумеется, чрезвычайно приятно и то, что Вы написали или пишете об «Ульмской ночи» для «Нового русского слова». Я и по сей день не знаю, кто у них помещает (или поместил?) рецензию. Вероятно, кто-либо из приятелей мне прислал бы ее, если б она появилась.

Относительно «безмерности». Почему же только Пушкин и Тургенев? Я на странице 248 назвал много имен¹ — и ведь не ограничился именами, говорил и о фактах. Понимаю, конечно, что Вы в письме этого не обсуждаете.

Теперь из Вашего письма узнал, в чем дело с Терапиано и Виттом. Не знаю только, *кто* еще ушел из журнала. Георгий Иванов и Померанцев?

О Розанове — Паскале говорил Мережковский. Если память мне не изменяет, то он это и напечатал². Но во всяком случае, я слышал, как он это *говорил*.

Вы ничего не пишете о приезде в Ниццу. Значит, верно не приедете? Мы в Париже будем не так скоро.

Еще раз: сердечно Вам признателен.

Т<агьяна> М<арковна> и я шлем Вам самые лучшие наши пожелания, самый сердечный привет. Надеюсь, это письмо застанет Вас еще в Манчестере. Счастливого пути.

Получил длинное, чрезвычайно лестное, незаслуженное (как и Ваше) письмо об «Ульмской ночи» от Карповича.

---

¹ Противопоставляя русской «безмерности» русскую же системность, Алданов привел имена В.В. Зеньковского, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.И. Лапшина (см.: Алданов М. Ульмская ночь. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 248).

² Не удалось найти такого сравнения в опубликованных материалах.

80. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

15 апреля 1954 г. Ницца

15 апреля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Разрешите от души Вас поблагодарить за вашу интереснейшую статью об «Ульмской ночи»¹. Мне было *чрезвычайно* приятно прочесть ее. Конечно, она слишком лестна, и кое-что я отношу на счет Ваших дружественных чувств. Кое с чем и по существу не могу согласиться, — например, с тем, что эта книга увлекательна! Могу ли я сказать, что и написана статья превосходно? Мне ее прислали по воздушной почте, не сговариваясь, четыре человека и очень ее хвалят в препроводительных письмах. Еще раз спасибо. При встрече, надеюсь, поговорим и о статье, и о книге.

А сегодня я получил письма от Маклакова и Титова². В них много тоже о Вас, но, разумеется, по иному поводу. Василий Алексеевич, правда, ссылается на свою глухоту, — пишет, что почти никого и ничего не слышал, — но добавляет, что

Ваша речь была «пъес де резистанс»³: «Говорили, что его речь была очень интересна, в этом не сомневаюсь... Он был центром». Очень хвалит Ваш доклад и Титов, пишет о нем довольно подробно и очень лестно. Оба считают, что вечер был удачным. Маклаков немного жалуется на плохую организацию (это сообщаю Вам доверительно). Осталась ли довольна Вера Николаевна?

Надолго ли Вы уезжаете в Англию? Там, кажется, семестр кончается в июне или в начале июля? Вот бы тогда приехали в Ниццу, а?

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания, оба просим не забывать.

---

¹ См. примеч. 2 к письму 67 наст. публ.

² *Титов* Александр Андреевич (1878–1961) — ученый-химик, предприниматель, политический и общественный деятель, меценат. До революции приват-доцент Московского университета (с 1905), один из организаторов и в 1917–1918 гг. член ЦК Народно-социалистической (трудовой) партии; в 1917 г. товарищ министра продовольствия и снабжения Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции, член Русского политического совещания, основатель и директор фармацевтического предприятия «Биотерапия» в Париже, основатель и пожизненный председатель Общества русских химиков.

³ От фр. *pièce de résistance* — основное блюдо.

81. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 апреля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/IV-54

Дорогой Марк Александрович

Простите, что отвечаю с большим опозданием. В Париже у меня жизнь всегда светливая, и я отложил всю переписку до возвращения в Манчестер.

Я очень рад, что статья моя о Вашей книге была Вам приятна. В ней, конечно, нет ни одного слова написанного — как Вы предполагаете — «по дружественным чувствам». Книга действительно увлекательна, по крайней мере увлекла меня. Но статьи я еще не видел и чувствую наперед, что перечитывать ее буду со всякими сожалениями и сомнениями: «то не так, и это не то...» Некоторые отзывы, которые я слышал в Париже о книге, — Кантор, Татаринов¹, — вполне совпадают с моим мнением, притом даже насчет «увлекательности».

Вы спрашиваете, осталась ли Вера Николаевна довольна вечером. Не знаю. Она в странном и каком-то «невменяемом» состоянии, и о вечере говорила так, будто, в сущности, это и не ее была затея. Организация же вечера была не «плохая», как Вам пишет Маклаков, а никакая: из-за этого и зал был не совсем полон, и кончился вечер так, будто единственное желание публики — поспеть на метро.

Здесь я числа до 10 июня, надеюсь, не позже. Если буду жив, надеюсь в начале июля приехать в Ниццу и заранее с удовольствием думаю о встречах в café Mozart или в café de Lyon. Я как-то даже не представляю себе лета вне Ниццы и не хочу никаких новых красот природы искать, привыкнув к красотам старым.

Спасибо за письмо, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне. Как у Вас все здоровья, во множественном числе?

Ваш Г. Адамович

---

¹ *Татарин* Владимир Евгеньевич (1892–1961) — журналист, литератор, общественно-политический деятель; участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, участник объединения «Веретено», секретарь и член редакции газеты «Руль»; с 1933 г. в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудник «Иллюстрированной России», «Чисел», «Голоса эмигранта», «Возрождения», «Сегодня», «Руля» и других эмигрантских, а также французских изданий; после войны один из учредителей и генеральный секретарь Объединения русской эмиграции по сближению с советской Россией (1945), член Союза советских патриотов, в 1945–1951 гг. сотрудник газеты «Русские новости», затем сотрудник «Русской мысли».

82. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

23 мая 1954 г. Ницца

23 мая 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Не знаю, переписываетесь ли Вы с Верой Николаевной? На всякий случай хочу сообщить Вам, что вечер памяти Ивана Алексеевича, устроенный французским Пен-клубом, прошел, по ее словам, хорошо. Андре Шамсон¹, председатель (Шлумберже² не приехал «по болезни»), произнес отличную речь. Зал был полон. Вера Николаевна скорее хвалит и актеров (я ни одного из них не знаю и по имени).

Мы через несколько дней уезжаем с Татьяной Марковной в Париж. Остановимся почти наверное, как всегда, в «Отель де ла Порт Сен-Клу», на рю Гюден, но для верности адрес даем сестры. 10–20 июня еще будем в Париже и чрезвычайно рады будем встретиться с Вами. Особенно же приятно Ваше обещание в начале июля приехать в Ниццу. Это подтвердила мне и мадам Лезелль. У нее, кстати, недели две прожила госпожа Элькан³. Видел ее, она много рассказывала. Сообщила, что Буров⁴ предлагает миллион франков на журнал⁵. Если не ошибаюсь, сказала (она или кто-то другой), будто «Опыты» все-таки не прекращаются⁶, в отличие от того, что мне говорила С.Ю. Прегель⁷, которая тоже была в Ницце.

Новостей нет. Ла ви н-э па белль⁸. Да это давно людьми сказано, как и прямо противоположное. Но нам, старым людям (имею в виду только себя), пора прилечь именно к прямо противоположному.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие наши пожелания.

¹ *Шамсон* (Chamson) Андре (1900–1983) — французский писатель, член Французской академии (1956), участник движения Сопротивления.

² *Шлюмберже* (Schlumberger) Жан (1877–1968) — сын эльзасского фабриканта, брат основателей известной ювелирной компании «Шлюмберже», французский писатель, друг А. Жида, один из основателей журнала «Нувель ревью франсез».

³ *Элькан* Анна Морисовна (Морицевна) (урожд. Абельман; 1899–1962) — литератор, общественный деятель, жена Бернарда Веньяминовича Элькана, коллекционера картин, организатора издательства «Аквилон». В 1948–1956 гг. секретарь правления Объединения русских писателей и поэтов во Франции, председателем которого был тогда С.К. Маковский, занимавший две комнаты в большой квартире А.М. Элькан на ул. Тильзит; хозяйка единственного в послевоенном Париже литературного салона. Адамович, знакомый с А.М. Элькан еще по Петербургу, посещал салон, приезжая из Манчестера в Париж, выступал там с лекциями. См.: *Крейд В. Неточкин салон: О салоне Анны Элькан // Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001.*

⁴ *Буров* Александр Павлович (наст. фам. Бурд; 1876–1957) — инженер, литератор, меценат. С 1919 г. в эмиграции в Германии, затем в Париже, с конца 1930-х гг. жил в Амстердаме; печатался в «Числах», «Иллюстрированной России», написал несколько книг (как правило, выпускавшихся на средства автора). Подробнее см.: «Чудак, дурак, “писатель”, богатей...»: (Александр Буров и его корреспонденты) / Обзор С.В. Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004. С. 551–644.

⁵ Эти планы не были претворены в жизнь, хотя такая возможность всерьез рассматривалась в эмиграции на протяжении нескольких лет, см., напр., письмо Адамовича А.Ф. Даманской от 4 февраля 1957 г.: «Насчет Бурова должен Вам сказать, что он и меня одно время забрасывал письмами (все больше об Алданове или Ремизове или о том, что его “Бурелом” — новая “Война и мир”). Я ему пытался объяснить, почему не могу о нем писать, — но не уверен, что он понял. Это странный человек, не бездарный, делающий много добра, — но не вполне грамотный, во-первых, а во-вторых, обливший грязью людей, которые никак этого не заслуживали. Ну, Бог с ним! Говорят, в делах у него голова ясная, но в литературе это человек полупомешанный. Досадно, — потому, что мог бы издавать журнал, если бы там согласились дать ему первую роль (т. е. если бы участие при этом было бы в журнале возможно)» (BAR. Coll. Damanskaia).

⁶ «Опыты» продолжали выходить до 1958 г., после третьего номера М.С. Цетлина лишь поменяла руководство, сделав редактором Ю.П. Иваска. Подробнее см. в публикациях тематического номера: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / [Сост. О.А. Коростелев] // Литературоведческий журнал. 2003. № 17.

⁷ *Прегель* Софья Юльевна (1894–1972) — поэтесса, издатель. После революции в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Берлине, с 1932 г. в Париже, с 1940 г. в США, редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), с 1950 г. вновь в Париже, директор издательства «Рифма» (в 1957–1972 гг.).

⁸ От фр.: *La vie n'est pas belle* — жизнь не красива.

83. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 сентября 1954 г. Париж

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
23/IX-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за пересланное Вами письмо Аминадо. Значит, так я и сделаю, т. е. пошлю статью Я.М. Цвибаку¹.

Как Вы живете? Как Ваше и Татьяны Марковны здоровье? Я все вспоминаю Ниццу и все, что в ней есть или было хорошего.

Собираюсь в Англию дней через 10. В Париже, кажется, ничего нового, кроме того, что всем мало-помалу живется труднее.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать Татьяне Марковне сердечный поклон.

Ваш Г. Адамович

P.S. Только что получил письмо от В.А. Александровой: «ждем всей рукописи в октябре»². Надеюсь, что успею, с расчетом скорей на Манчестер, чем на Париж.

---

¹ По-видимому, речь идет о юбилейном приветствии А.А. Полякову к 75-летию со дня рождения и 50-летию литературной деятельности: *Адамович А. Поклон А.А. Полякову // Новое русское слово. 1954. 17 окт. № 15513. С. 3.* Дон-Аминадо упоминается в тексте заметки.

² Письмо не сохранилось. Ответом на него, по-видимому, является письмо Адамовича В.А. Александровой от 26 октября 1954 г., в котором он, в частности, сообщает: «Вот еще две главы» («Простите, что пишу Вам по делу...»: *Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 212).*

84. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 сентября 1954 г. Ницца

24 сентября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Очень обрадовался Вашему сообщению относительно ответа Вам Александровой. Как раз вчера я получил от Лунца по воздушной почте прилагаемую заметку из «Н<ового> р<усского> слова» от 20-го¹. Теперь уже, так сказать, официально издательством объявлено, что на все остающиеся ему 15 месяцев

жизни программа «совершенно заполнена». Из письма к Вам Александровой (вероятно, от той же приблизительно даты) несомненно следует, что книги, *уже принятые*, хотя и без контракта, включаются в эти 45 книг, — иначе она Вам прямо написала бы, что Вы опоздали. Но боюсь, что это не относится к 4-й книге покойного Ивана Алексеевича. Насколько мне известно, Вера Николаевна им только ее предложила, а они пока не откликнулись. У меня еще есть маленькая надежда на следующее. Вы в заметке прочтете о «некоторых классиках», и то же мне пишет Лунц: они его магазин и все книжные магазины (циркулярно!) запросили, *какого* классика данный магазин им рекомендовал бы на остающиеся у Чеховского издательства «два-три места» и сколько экземпляров рекомендованного им классика он готов купить! Ведь Иван Алексеевич — тоже классик. Вера Николаевна имела в виду и стихи. Стихов Лунц (да и другие книжники) не предложит, так как мог бы, верно, обязать купить только три-четыре экземпляра. Если еще не поздно, я мог бы попросить Лунца рекомендовать еще книгу *прозы* Ивана Алексеевича. Как Вы думаете и как думает Вера Николаевна? Пожалуйста, поговорите с ней, — Вам на месте виднее. Но, по-моему, шансов теперь мало, — если только они не получат новых денег.

Умоляю Вас прислать им всю Вашу рукопись в октябре. Иначе они будут впра- ве сказать, что Вы нарушили моральное соглашение.

У нас нового ничего. Нет перемен и в состоянии здоровья. Т<атьяна> М<арковна> сердечно Вас благодарит за внимание, как и я. Оба Вам шлем самый сердечный привет.

Заметку вы можете отдать Vere Николаевне. Ей ведь все это надо знать. Надо что-то придумывать всем, а ей особенно.

---

¹ 20 сентября 1954 г. в «Новом русском слове» был опубликован проспект Издательства имени Чехова со списком книг, готовящихся к выходу в ближайшее время.

85. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 октября 1954 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
3/X-54

Дорогой Марк Александрович

Простите, пожалуйста, за опоздание с ответом. Я в хлопотах с переездом, да, кроме того, в Париже всегда есть и многое другое, что заставляет почти все откладывать «на завтра». Надеюсь, Вы не будете на меня в претензии.

Спасибо за присылку вырезки относительно Чех<овского> изд<ательст>ва. Веру Николаевну я видел раза три, ездил с ней на могилу Ив<ана> Алексеевича. После обмена письмами с В.А. Александровой они остановились на том, что бли-

жайшей книгой для издания будет «Освобождение Толстого». Думаю, что это удачное решение и, вероятно, книготорговцы согласятся эту книгу рекомендовать. Вера Николаевна, по-видимому, не сомневается, что книга издана будет.

Благодарю Вас, дорогой Марк Александрович, за постоянный интерес и даже заботу о моей предполагаемой книге. В Манчестере я засяду за ее продолжение и в октябре пошлю еще по меньшей мере страниц 75–100, так что будет у них уже страниц 200, а то и больше. Уверенности, однако, у меня ни в чем нет, и то, что В<ера> А<лександрова> «ждет присылки рукописи», не кажется мне верной гарантией (основанной на предыдущей переписке!). Отчасти смутило меня то, что сказал мне Терапиано:

Он получил письмо от Глеба Струве, который сообщает ему, что Чех<овское> изд<ательст>во хотело поручить писание «Истории эмигр<антской> литературы» кому-либо из парижан. Было будто бы два кандидата. Но т. к. возникло опасение, что парижане будут восхвалять и превозносить все парижское, то книга поручена ему, Глебу Струве¹.

Не знаю, насколько это все верно. Не знаю и того, совпадает ли это с моим делом, т. к. я пишу не Историю, а ряд отдельных очерков, без притязаний на полноту. Сообщаю я Вам об этом исключительно потому, что Вы проявляли ко всему этому интерес и внимание.

Уезжаю завтра в Англию. Адрес мой прежний: 104, Ladybarn Road, Manchester 14. Крепко жму Вашу руку, от души желаю благополучия и здоровья и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Такая книга была Глебу Струве заказана, написана и вышла вскоре после книги Адамовича: *Струве Г. Русская литература в изгнании*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

86. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1954 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]
104, Ladybarn Road,
Manchester 14
20/X-54

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам искренний привет и поклон из Манчестера, серого и мокрого, как обычно. Как Вы живете? Как Ваше здоровье? Надеюсь, что Ваши мрачные мысли о нем рассеиваются, тем более что и причин для них, вероятно, нет. Был бы очень рад получить от Вас несколько слов об этом, — а о себе мне рассказывать нечего, даже если бы я этого хотел. Les jours se suivent et se ressemblent¹. О том, что «Опыты» продолжаются с редактором Иваском, Вы,

вероятно, уже знаете. Яновский мне пишет, что, по его мнению, «продолжение» будет кратковременным, но я в этом не уверен, т. к. Ян<овск>ий в «оппозиции» «Опытам» и добра им не желает. Кстати, Мария Самойловна просила меня написать предисловие к переводам ее мужа к Е. Браунинг². Я согласился, написав, что об условиях «спишемся потом». А сегодня получил от нее довольно забавный ответ на это (но *сесі*³, конечно, *mot entre nous*⁴). Видели ли Вы книгу Ходасевича?⁵ Там есть рассуждение о «Казаках», настолько странное и даже детское, что я руками разводил, читая. Еще есть утверждения, что Богданович лучше Лафонтена. Мне не хочется об этом писать в газете, скажут — сводит счеты, но стоило бы! Книга обманчиво-умная, скорей — поза под умного человека, с какой-то показной суровостью в мыслях, чем ум и чутье настоящие.

Дела мои с Чех<овским> изд<ательст>вом все в том же положении, да надо сказать, что и милейшая Вера Леонидовна⁶ не очень торопится с перепиской. Я послал дважды, страниц по 20, — до сих пор не получил ничего! Если видите Леон<ида> Леон<идовича>, будьте добры, попросите его поторопить. Я ведь им посылаю переписку по их же желанию, отчасти с расчетом на быстроту.

Простите, что пишу чернильным карандашом, оттого неясно. До свидания, дорогой Марк Александрович, крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

Я послал Цвибаку, как было условлено, статью об Ал<ексandre> Абр<амови>че⁷. Надеюсь, что он ее получил вовремя, но не помню, когда был самый день юбилея и был ли уже или будет.

¹ Дни следуют друг за другом и похожи один на другой (*фр.*).

² Книга была выпущена: *Браунинг Е. Португальские сонеты* / Пер. М. Цетлин, И. Астров; предисл. Г. Адамовича. Нью-Йорк: Experiments, 1956.

³ это (*фр.*).

⁴ между нами (*фр.*).

⁵ *Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания* / Ред. и предисл. Н. Берберовой. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Адамович откликнулся на нее рецензией: *Адамович Г. На полях книги Ходасевича // Новое русское слово. 1954. 21 нояб. № 15548. С. 8.*

⁶ *Сабанеева Вера Леонидовна* (в браке графиня Ланская; р. 1919) — художник по фарфору, служащая; дочь Л.Л. Сабанеева, ребенком увезена родителями во Францию, с 1926 г. жила в Париже, с 1933 г. в Ницце; вышла замуж за Н.П. Ланского; окончила Школу декоративных искусств, работала стенографисткой-машинисткой, менеджером, секретарем во французских издательствах.

⁷ См. примеч. 1 к письму 83 наст. публ.

87. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 октября 1954 г. Ницца

24 октября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба сердечно Вас благодарим за память, за вопросы о состоянии здоровья. Оно в прежнем положении и у Т<атьяны> М<арковны>, и у меня; хуже не стало, а моя программа теперь вообще: чтобы не стало хуже. А как Вы?

Об уходе Гринберга из «Опытов», с объявлением об этом в газете¹, я узнал из писем Лунца и Романа Гуля (он мне писал по делам моей повести в «Новом журнале»). Лунц сообщил еще, что ушел и Пастухов, что теперь Иваск, но журнал будет выходить книжками всего в 96 страниц. Причина ухода Гринберга, по словам Лунца, — денежное расхождение с Цетлиной. Покойный Иван Алексеевич и я ушли в свое время из «Нового журнала» без писем в редакцию, без сообщения в газетах.

Цвибак прислал мне страницу «Н<ового> р<усского> слова» об Александре Абрамовиче². Я прислал бы ее Вам, но Яков Моисеевич в препроводительном письме сообщает, что посылает то же Вам и Д. Аминадо. Ваша статья хороша, а стихи Аминадо — плохие, как мне в более сильных словах написали два человека из Нью-Йорка (не Цвибак).

Т<атьяна> М<арковна> и я оба глубоко возмущены Вашим поступком в отношении нас: Вы сообщаете в письме, что на Ваши слова об условиях Марья Самойловна прислала «довольно забавный ответ» — а какой ответ, не сообщайте!!! Да еще просите держать это (что?!) в секрете!!!! Ультимативно требуем, чтобы Вы подробно и по возможности скоро объяснили, *что* она Вам ответила. В этом случае, но только в этом, обязуемся никому ничего не сообщать. В самом деле, пожалуйста, напишите, — особенно интересуется Т<атьяна> М<арковна>. И не подумайте, что у нас против нее злора, — нет никакой, — а просто нужны же «забавы» в нашей скучной жизни.

Я не читал книги Ходасевича, и достать ее здесь негде. Покойный Х<одасевич> был очень выдающийся поэт и такой же знаток *поэзии*, но у меня всегда было определенное впечатление, что он в *прозе* понимает очень мало. Не приписывайте это мое впечатление личной обиде, — он иногда меня ругал (и больше меня, чем мои книги), но много чаще очень хвалил. Вдобавок у него не хватало и просто знаний. Языков же он, кажется, совершенно не знал, — только этим и можно еще кое-как объяснить то, что он ставил Богдановича выше Лафонтена.

Позавчера, за день до получения Вашего письма, я как раз видел Веру Леонидовну, — она недели две была в отсутствии, по делам ее фирмы. Сказала мне, что завтра (почти наверное сказала: завтра) высылает Вам рукопись. От нее узнал, что она переписывала страницы о Штейгере, Поплавском, Фельзене³. Значит, вы изменили план книги? Леонида Леонидовича увижу послезавтра и непременно ему, на всякий случай, напомним.

Кончаю письмо. Несмотря на проливной дождь, иду в Артистик на концерт пианиста Рофе⁴. Мне всучил билет Масловский, который ему покровительствует. Сабанеев же, в полное отличие от генерала, говорит, что Рофе играет неважно. Программа интересная.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

---

¹ Публикация не выявлена.

² «Новое русское слово» к юбилею А.А. Полякова опубликовало сразу несколько похвалительных статей и заметок, а также стихотворение Дон-Аминадо.

³ Адамович объяснял свое решение в письме В.А. Александровой от 26 октября 1954 г.: «Мне не хотелось бы касаться в книге т. н. “молодых” писателей. Делаю исключение лишь для трех, которых уже нет на свете (и для Набокова, который не в счет)» («Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 212).

⁴ Не удалось найти сведений.

88. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

28 октября 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/X-54

Дорогой Марк Александрович

Очень рад был получить от Вас письмо. Спасибо. Рукопись от Веры Леонидовны я получил третьего дня, а писал о Поплавском, Штейгере и Фельзене потому, что, боюсь, одними «старшими» не заполню всю книгу (т. к. 300 страниц или около того). Я этих трех выделил как покойников, да, кстати, у меня и были о них старые статьи. Теперь собираюсь писать о Вас и Зайцеве, но простите заранее — многое тоже будет взято из прежних статей. Мне кажется, это мое законное право, а что из всего этого предприятия выйдет — не знаю.

Получил сегодня письмо от Софьи Юльевны Прегель с сообщением, что «у Веры Ник<олаевны> все сошло блестяще», т. е. собрание 23-го¹. Были какие-то речи и очень много народу. Что же, тем лучше, и я рад за В<еру> Н<иколаевну>. Выступал даже Зуров, «сменив гнев на милость». В чем и почему был гнев, С<офья> Ю<льевна> не пишет.

Относительно инцидента с Марией Сам<ойлов>ной: я напрасно употребил слово «забавный». Ничего забавного нет, а дело вот в чем.

Предложение написать предисловие к переводам Мих<аила> Ос<ипови>ча сделал мне Пастухов, от имени М<арии> С<амойловны>, с просьбой ответить не ему, а ей и с указанием, что об условиях речь будет после. Так я и сделал, об усло-

виях упомянув вскользь. В ответ пришло письмо от М<арии> С<амойловны> с благодарностью за согласие, с сообщением, что рукопись мне послана, и с такими словами: «Заплачу Вам по 1 доллару за страницу, как в “Опытах”».

Предисловие мое будет — страницы 2–3. Поэтому я хочу написать М<арии> С<амойловне>, что никак на ее условия согласиться не могу, не хочу вступать ни в какие пререкания, что журнал — другое дело, и поэтому прошу ее 3 долларов мне не присылать, а работу эту я сделаю даром, из уважения к памяти М<ихаила> О<сиповича>.

Надо сказать, что я еще в Париже говорил об этом с Кантором. Он сказал «minimum 50 долларов», и это я и думал написать М<арии> С<амойловне>, если бы она n'avait pas pris les Levants². Ведь переводы надо сравнить с оригиналом, а сонетов этих довольно много, да и вообще, даже в слове «заплачу» — не спрашивая моего согласия — М<ария> С<амойловна> проявила большую désinvolture³, по-моему.

Вам, вероятно, скучно читать столь подробное изложение столь ничтожного дела, но Вы сами у меня подробностей потребовали. Как по Вашему, именно так следует М<арии> С<амойловне> ответить — или не отвечать ничего?

Иваск меня забрасывает письмами об «Опытах» и о своих планах. Очень жаль, что Вы для них недоступны. В ближайшем № будет «Ад» Зайцева — Данте, о котором Иваск отзывается кисло, но помещения которого требует издательница.

Да, С<офья> Ю<льевна> пишет, что очень болен Ремизов и что д-р Зернов настроен пессимистически. А я как раз собирался написать о его последней книге с «бездарным Толстым»⁴ и прочим в дополнение к дифирамбу, написанному в «Н<овом> р<усском> с<лове>» Мазуровой⁵. Кстати, я эту Мазурову не знаю, но Тэффи когда-то мне очень смешно рассказывала, что она — т. е. Тэффи — однажды написала ей довольно резкое письмо с литературными возражениями, а в ответ получила письмо от Мазуровой: «Спасибо, что хоть вы меня побранили, а то со всех сторон слышишь — умная, талантливая, замечательная!»

Простите за длинное письмо, к тому же со всякими глупостями. Если Вы меня «побраните», то я, во всяком случае, как Мазурова, Вам не отвечу.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ 23 октября 1954 г. на парижской квартире Буниных состоялся организованный Верой Николаевной вечер памяти И.А. Бунина по случаю 84-летия со дня его рождения.

² не взяла Левант (фр.).

³ бесцеремонность (фр.).

⁴ Имеется в виду книга: Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954. В главке «Горичары» этой книги Ремизов писал: «Словесно-бездарный Толстой, расстрепанный и неповоротливый — русский во французской упряжке (синтаксис) — работая над словом неизвестно как и почему, но с одной мыслью ясности, при своем гениальном гоголевском зрении изобразил жизнь в глубину и даль, касаясь незримого простому глазу задального» (Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 59).

⁵ Мазурова Александра Николаевна (1891–?) — литератор, критик, журналист. С 1919 г. в эмиграции в США, печаталась в «Новоселье», «Гранях», «Новом русском слове». Возможно, речь идет о статье: Мазурова А. О пропущенной книге А. Ремизова // Новое русское слово. 1953. 5 июля. С. 8.

89. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

7 ноября 1954 г. Ницца

7 ноября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Думаю, что Вы вполне правильно наметили ответ М<арии> С<амойловне>. Я, кстати, не знал, что от покойного Цетлина осталось достаточно переводов для книги. А что же Вы дадите Иваску?¹

О том, что Ремизов нездоров, мне давно писал Зайцев, — об опасности я узнал из Вашего письма. Вера Николаевна нам подробно написала о вечере — или приеме днем? — у нее. Писали и некоторые другие. Было больше пятидесяти человек. О речах не все отзывы так лестны, как отзыв Софьи Юльевны. Говорила и сама Вера Николаевна! Воображаю, как этот прием ее измучил. Каюсь, я рад, что не был, — Вы поймете почему и, должно быть, и Вы рады по тем же причинам.

От Чеховского издательства почти никаких сведений не имею. Говорю «почти» потому, что получил от Терентьевой коротенькое препроводительное письмо к гранкам «Ключа». Я не надеялся, кстати, получить гранки так скоро. Когда выйдет роман, она не пишет². Вообще ничего не сообщила ни о чем. Так Вы теперь пишете обо мне? Спасибо и очень рад. Разумеется, Вы правы, что пользуетесь для книги старыми Вашими статьями и рецензиями. А я Вам позавидовал, что у Вас, очевидно, все сохранилось, — все о каждом из нас. До второй войны я аккуратно собирал по папкам разные рецензии обо мне на разных языках (записан я только в американском бюро вырезок, но иногда присылали и знакомые). Собирал также иностранные издания своих книг. Но в 1940 году все это увезли немцы, о чем я и по сей день жалею. С тех пор набралось много нового (т. е. рецензий), а иностранных изданий у меня больше почти нет, — по крайней мере, из тех стран, которые оказались после второй войны по ту сторону ж<елезного> занавеса (надоели эти слова о занавесе, да нет других).

Мазуровой я никогда не встречал, но обменялся с ней несколькими письмами. По ее *статьям* у меня осталось впечатление, вполне согласное с Вашим забавным сообщением о ней. А вот я хочу ей уподобиться, — не гневайтесь и не смейтесь. Набоков (Сири́н) получил «Ульмскую ночь» тотчас после ее выхода, т. е. месяцев десять тому назад, и не откликнулся. Я и не ожидал, что он мне напишет. Вл<адимир> Вл<адимирович> писем терпеть не может, и мы года три не переписывались, да и до того переписывались редко, — больше по делам, в то время, когда я был редактором «Нового журнала». И вдруг недели две тому назад я получил от него об этой самой «Ульмской ночи» необычайно лестное, совершенно восторженное письмо!³ Вот не ожидал. Он сообщает, что прочел книгу теперь. Разумеется, я искренно рад.

В конце ноября я уезжаю в Париж и пробуду там с месяц. Может быть, там увидимся? Или в Ницце? Т<атьяна> М<арковна> со мной ехать почему-то не хочет, — не знаю, удастся ли ее убедить.

Вспоминаю, как полагается в моем возрасте, старые времена. В первые годы эмиграции почти вся зарубежная печать была левая, — либеральная или социалистическая. Самым правым изданием было «Общее дело», которое издавал — Бурцев!⁴ Теперь же из левых изданий остались, кажется, только два, «Новое русское слово» и «Новый журнал» (в которых забавным образом половина сотрудников — правые). Все остальные зарубежные издания (полдюжины, если не больше, в одной Германии) в руках правых, и в них друзей нет никого, — даже на «теплые некрологи» нам рассчитывать нельзя. А скоро и печататься будет нелегко.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие, дружеские пожелания.

---

¹ Первый из вышедших под редакцией Ю.П. Иваска номер «Опытов» открывался стихотворением Адамовича «Посвящение» («Я не тебя любил, но солнце, свет...») (с. 3–4); кроме того, в номере была также опубликована статья Адамовича «Поэзия в эмиграции» (Опыты. 1955. № 4. С. 45–61).

² Книга вышла в следующем году: *Алданов М.* Ключ. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

³ Публикатор переписки, приводя фрагмент этого письма Набокова от 10 октября 1954 г.: «Пишу Вам только два слова между двумя лекциями — только чтобы сказать Вам, что во время случайного досуга (в поезде между Итакой и New York'ом) я прочитал вашу «Ульмскую ночь». Я был взволнован этой вашей самой поэтической книгой — ее остроумие, изящество и глубина составляют какую-то чудную звездную смесь — именно «ульмскую ночь», сопроводил его собственным замечанием: «Панегирик настолько парадоксален, что наводит на мысль: а не бросился ли Набоков писать это письмо сразу после того, как только отыскал единственный живой образ, даже не дочитав книгу до конца» («Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова / Публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 124).

⁴ В.Л. Бурцев начал издавать газету «Общее дело» в Петрограде в 1917 г. и затем продолжил в Париже (1918–1922, 1928–1933).

90. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 февраля 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
10/II-55

Дорогой Марк Александрович

Давно собираюсь Вам написать, но одолевают болезни: то был грипп, а потом — очевидно, на почве гриппа — воспаление глаз. Я сижу в темных очках, пишу и читаю с трудом.

Как Вы живете? Как здоровье Ваше и Татьяны Марковны? Давно ничего о Вас не знаю. Сегодня нашел здесь «Новый журнал» — два или три последних номера, — с Вашим «Бредом»¹, который примусь читать, когда — и если — поправлюсь. Получил, еще до болезни, корректурные листки книги Цвибака². Книгу Вы,

конечно, получите, он прислал мне корректуру для того, чтобы скорей была о нем статья. Иваск мне пишет с жалобами (очень осторожными) на Зайцева, который будто бы обращается к нему «в диктаторском тоне». Новостей никаких нет, оттого я и сообщаю Вам такие мелочи. Очень был бы рад получить от Вас «весточку». Ивановы отбыли на жительство, по-видимому постоянное, в Nyères, в какой-то бесплатный дом, но французский, а не русский³.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие самые искренние пожелания здоровья и благополучия.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Алданов М. Бред // Новый журнал. 1954. № 38–39; 1955. № 40–42; 1957. № 48.

² Андрей Седых (Я.М. Цвибак) прислал Адамовичу для рецензии гранки своей книги рассказов «Только о людях» (Нью-Йорк: Новое русское слово, 1955). Рецензия была опубликована незамедлительно: Адамович Г. «Только о людях» (новая книга Андрея Седых) // Новое русское слово. 1955. 13 февр. № 15632. С. 8.

³ В начале февраля 1955 г. Г.В. Иванов и И.В. Одоевцева переехали на жительство в созданный под эгидой ООН интернациональный дом «Босежур» («Beau-Séjour», av. du XV Corps, Nyères, Var).

91. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1955 г. Ницца

13 февраля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба были очень рады Вашему письму и искренно благодарим. Огорчены только Вашими болезнями. Разве бывает воспаление глаз на почве гриппа? Проходит ли уже оно? Мы все по-прежнему. Здоровье не хуже и у Т<атьяны> М<арковны>, и у меня, — и то слава Богу.

«Бред» Вам, боюсь, не понравится. А книга «Нового журнала», кроме лубочного Гузенко¹ и обычного Ремизова², очень интересна. Весьма недурен, по моему, Ершов³. Из статей мне всего интереснее была статья незнакомого мне автора⁴ о Софье и Максиме Ковалевских, — оба в новом свете, по крайней мере для меня (совершенно, увы, справедлива и заключительная в ней цитата из Джордж Эллиот⁵). Очень интересна и последняя книжка «Возрождения»⁶ (мне ее случайно прислали из Парижа). Узнал, кстати, из нее (из очень сочувственной статьи), что А. Блока «невыразимо обрадовала» (цитирую буквально) гибель «Титаника»: «есть еще океан!»⁷ Есть о нем и многое другое, тоже замечательное. Вы его, к крайнему моему негодованию, сравнивали с Толстым. Вы скажете, что сравнивали только в смысле «гениальности». Может быть, однако слова о «Титанике» имеют некоторое отношение и к гениальности — или уж во всяком случае к уму. Нет, «как прав, как безжалостно прав»⁸ был — тут

не Толстой, как сказано у Чехова, а покойный, истинно незабвенный Иван Алексеевич.

По поводу Бунина. Вы, конечно, читали о московском заявлении Федина: Бунин стал советским гражданином!⁹ Это вызвало в эмиграции большой шум. Очень многие поверили! Вы удивитесь, если я Вам скажу, что эта история имела последствием (не очень, разумеется, важным и, надеюсь, лишь кратковременным) «холодок» у меня — одновременно с Верой Николаевной и с Бор. Зайцевым (вещь довольно редкая). С Верой Николаевной потому, что я два раза убедительно просил ее тотчас опровергнуть ложь Федина, а ей почему-то не хотелось это делать, и приводила она совершенно беспомощные доводы, даже тот, что у нее нет времени! Я просил ее об опровержении, конечно, из уважения к памяти Ивана Алексеевича (которого и в Ницце, и в Париже (и не враги) уже начинали сравнивать с Ал. Толстым!), да еще из заботы об ее собственных интересах: «вдова не опровергает, значит, это правда!» Она ответила мне довольно нелюбезно. С Зайцевым, конечно, другое. По Вашим словам, он пишет Иваску «в диктаторском тоне». Мы с ним дружески переписываемся (не часто), и я диктаторского тоне не замечал, — разве только более величественный тон, чем прежде. Но об этом заявлении Федина он мне написал странно — и, по-моему, с радостью: «Бунин Ф<един> назвал советским гражданином. Это неверно, но у каждого писателя свой облик и своя известность. Сомневаюсь, чтобы меня кто-нибудь назвал советским гражданином»!! Таким образом, надо сделать вывод, что у Ивана Алексеевича был большевистский облик и большевистская известность!!! И почему Бунину противопоставляется тут именно он, Б<орис> К<онстантинович>? Я не ответил, чтобы не поссориться. Сообщаю об этом лишь Вам, и совершенно доверительно. Не сообщил бы и Вам, если б Зайцев мне сказал, что он об этом говорит конфиденциально. Но он и этого не сказал. Все же прошу Вас НИКОМУ не говорить об этом ни слова. Не получив от меня ответа, он, наверное, рассердился, — что ж делать? А мне хочется знать Ваше мнение.

Иванов мне в Париже по секрету сообщил, что переедет навсегда в убежище в Йере. Я никому и не говорил. О том, что он уже переехал, я узнал из Вашего письма.

Мы оба шлем Вам сердечный дружеский привет. Поправляйтесь поскорее.

---

¹ *Гузенко И.* Падение Титана: Разговор Федора Новикова с Михаилом Гориним: Отрывок из романа // Новый журнал. 1954. № 39. С. 51–70.

² *Ремизов А.* Тонь ночи // Там же. С. 119–132.

³ *Ершов П.* Нинель // Там же. 1954. № 37. С. 30–70; № 38. С. 72–114; № 39. С. 71–118.

⁴ *Каннак* Евгения Осиповна (урожд. Залкинд; 1903–1986) — литератор, переводчик, мемуарист. С 1919 г. в эмиграции в Германии, участник Берлинского кружка поэтов, сотрудник «Руля»; с 1933 г. в Париже, печаталась в «Последних новостях», после войны в «Русской мысли», «Новом журнале», «Мостах».

⁵ *Каннак Е. С.В.* Ковалевская и М.М. Ковалевский // Новый журнал. 1954. № 39. С. 194–211. Статья завершалась словами Джордж Элиот, приведенными в воспоминаниях С.В. Ковалевской: «Когда в жизни положение становится уж слишком натянутым, когда не видать исхода, тогда является смерть и открывает новые пути, о которых никто не думал».

прежде». Мемуарный очерк С.В. Ковалевской был впервые опубликован по-шведски в газете «Stockholms Dagblad» в апреле 1885 г.; русский вариант появился на следующий год: *Ковалевская С.В. Воспоминания о Джорже Эллиоте // Русская мысль. 1886. Кн. VI (июнь). С. 93–108* (второй пагинации); полный текст цитаты: «Когда в жизни положение становится уж чересчур натянуто, когда нигде не видать исхода, когда обязанности самые священные взаимно противоречат одна другой, тогда является смерть, внезапно открывает новые пути, о которых никто и не думал прежде, и примиряет то, что казалось непримиримым» (*Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести / Вступ. ст. М.В. Нечкиной; примеч. П.Я. Кочинной, А.Р. Шкирич и др. М., 1986. С. 328.*

⁶ Речь идет о январской книге «Возрождения» за 1955 г. (№ 37), в которой среди прочего были опубликованы статьи В. Маклакова «Толстой и университет», В. Сперанского «Из истории Московского университета», А. Тырковой-Вильямс «Тени минувшего», Г. Мейера «Фатализм Лермонтова», В. Рябушинского «Кризис религиозного искусства на Западе и роль иконы при этом», проза А. Ремизова, Б. Ширяева, И. Сургучева, стихи Ф. Сологуба, В. Смоленского.

⁷ Эту фразу из дневника Блока (запись 5 апреля 1912 г.) привел в своей статье В. Смоленский: «Катастрофа с “Титаником” его невыразимо обрадовала: “есть еще океан!”» (*Смоленский В. Мистика Блока // Возрождение. 1955. № 37. С. 125.*

⁸ Алданов приводит слова Лаевского из «Дуэли» Чехова: «В прошлую ночь, например, я утешал себя тем, что все время думал: ах, как прав Толстой, безжалостно прав! И мне было легче от этого. В самом деле, брат, великий писатель!» (*Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1985. Т. 7. С. 355.*

⁹ Выступая 25 декабря 1954 г. на II Всесоюзном съезде советских писателей, Федин назвал Бунина классиком, заявил, что его нельзя отчуждать от истории русской литературы и выразил желание, чтобы читатели узнали все ценное из наследия Бунина. Среди прочего он произнес фразу: «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину» (*Литературная газета. 1954. 26 дек. № 159 (3343). С. 6.*

92. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

16 февраля 1955 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
16/II-55

Дорогой Марк Александрович

Получил вчера вечером Ваше письмо.

О фразе Федина на московском съезде я знал по «Литературной газете», но не знал, что она вызвала такое волнение и толки. Слова Федина не то что не ясны, нет, но упоминание о «советском гражданстве» сделано вскользь, по видимому, без всякого желания вызвать сенсацию (м. б., он считал, что это факт, всем уже известный).

Ваше письмо меня очень смутило и даже взволновало. Если Вера Николаевна не даст опровержения, то, конечно, враги Ивана Алексеевича станут слухи о нем всячески распространять. Результаты будут во всех смыслах

печальные. По-видимому, что-то Веру Ник<олаев>ну удерживает от опровержения: нормально, она должна была вскипеть, возмутиться и сделать все, что нужно, даже без Вашего к ней письма. В чем дело? Не хочу пускаться в догадки. Допускаю, что тут есть вмешательство «Лени», хотя и не знаю какое. Почему-то мне чудится, что тут есть его влияние, да по его общим настроениям это и возможно.

О Зайцеве и его письме к Вам я, конечно, ничего никому не скажу согласно Вашему желанию. Хорошо все-таки, что он Вам написал, что «это неверно». Мог бы и поверить, как, вероятно, поверят Берберова, Глеб Струве и др.

C'est lire triste¹, в общем. Удивляет меня то, что из Парижа никто о «сенсации» мне не сообщил. От самой В<еры> Н<иколаевны> у меня, впрочем, давно нет ни слова; знаю, что она на меня обижена: уехал, не попрощавшись. Но я был у нее за 3 дня до отъезда.

Федина я немного знаю, еще по петербургским воспоминаниям. Он, кажется, человек порядочный, да и отозвался он об И<ване> А<лексеевиче> на этом съезде хорошо и смело. Возможно, что он слышал о визите И<вана> А<лексеевича> к Богомолу² — и сделал отсюда выводы, ни на чем, кроме этого визита, не основанные.

Начал читать «Бред», но с трудом «по причине глаз». Почему Вы меня предупредили, что мне он «не понравится»? Я прочел не много, но жалею об этом: интересно очень, и притом какой-то новый для Вас склад и тон. (Как всегда у Вас: хочется при чтении все время делать заметки на полях, — *п<отому>* что «задевает».) Прочел стихи (кроме Волошина³ — длинно и, наверно, плохо). Хоть бы Вы на них подействовали, чтобы они не печатали Ир. Легкую!⁴ Кто это, не знаю, но это не стихи, а позор сплошной, — а она у них не в первый раз!

До свидания. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и шлю низкий поклон и лучшие пожелания Татьяне Марковне. Очень рад, что Ваши здоровья никаких хлопот Вам не доставляют.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Грустно это читать (*фр.*).

² См. примеч. 1 к письму 21 наст. публ.

³ В 39-м номере «Нового журнала» были напечатаны стихи З.Н. Гиппиус, М.А. Толстой, И.И. Легкой, А. Величковского и Ю. Одарченко, а также подборка стихов М.А. Волошина с предисловием С.К. Маковского (Новый журнал. 1954. № 39. С. 133–142).

⁴ *Легкая* Ираида Иоанновна (в первом замужестве Ванделлос, во втором Пушкарева; р. 1932) — поэтесса, родилась в семье русских эмигрантов в Латвии, жила в Риге, в 1944 г. вывезена в Германию, с 1949 г. в США, работала на радиостанции «Голос Америки»; в «Новом журнале» ее стихи несколько раз публиковал М.М. Карпович, которого они чем-то затронули. Подробнее см.: Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Сост. Л. Флам. М., 2006. С. 432–438.

93. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

5 марта 1955 г. Ницца

5 марта 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Очевидно, я неявно выразился в моем прошлом письме о деле, связанном с выступлением Федина: оно уже тогда было благополучно ликвидировано и оставило след только на личных отношениях. Эта история, собственно, началась с того, что «Русская мысль» перепечатала жирным шрифтом слова Федина об Иване Алексеевиче и снабдила их примечанием, — что-то вроде следующего: «Нам неизвестно, принял ли Бунин советское гражданство, но вот к чему привели его разные знакомства с советскими людьми»¹ и т. д. (цитирую приблизительно, на память). Буря произошла из-за этой перепечатки, ведь эмигранты советских газет не видят. Я, правда, узнал о словах Федина еще немного раньше, из взволнованного письма Кусковой, которая *читает* советские газеты. Почти одновременно газета (или журнал?) «Посев» спешно запросила Веру Николаевну. Она письма в редакцию писать не хотела, но на запрос ответила, что Федин ошибся. «Посев» напечатал опровержение², и на этот раз «Русская мысль» вполне корректно перепечатала заметку «Посева»³; потом перепечатало и «Новое русское слово». Мы с Верой Николаевной обменивались письмами, и Зайцев написал мне ДО второй заметки «Русской мысли». Потом Вера Николаевна чуть не месяц мне не писала (последнее письмо было мое). На днях, однако, я получил от нее очень милое письмо, где она больше к инциденту не возвращается. Значит, с ней восстановлены самые лучшие отношения. Пишу Вам об этом так подробно потому, что Вас тоже, как и меня, как и десяток моих корреспондентов или собеседников, эта история взволновала. С Зайцевым я больше письмами не обменивался.

Еще раз от души благодарю за то, что говорите о моих писаниях, о «Бреде».

Вера Николаевна в этом последнем письме сообщает сразу о кончине Каллаш, Довида Кнута и Ставрова!⁴ Это, очевидно, за одну неделю. И все трое были не стары...

Не знаю, кто такая поэтесса Легкая, но писать о ней «Новому журналу» не могу: во-первых, это дело редактора, а во-вторых, может быть, она кузина Карповича или тетя Гуля? Я никогда о ней и не слышал и ее не читал.

Еще несколько слов о Федине. Вы предполагаете, что он мог добросовестно ошибиться. Так думает Вера Николаевна, так думал вначале и я и даже в письме к Кусковой высказал такое предположение. Но она мне ответила, что в СССР таких ошибок не бывает. Если Федин сказал и, главное, если советские газеты это напечатали, то, значит, там *хотели* это сказать. Быть может, для того, чтобы там печатать книги Ивана Алексеевича?

Видели ли Вы советский фильм «Дворец науки»⁵, — о новом московском университете! Мы здесь видели. Университет производит огромное впечатление своей грандиозностью. А вот учащаяся молодежь жалкая, плохо одетая, с не очень

«интеллигентными» лицами. Если идет в Манчестере (с тремя русскими балетами, — так, по крайней мере, было в Ницце), — пойдите.

Как же Ваши глаза? Вы об этом во втором письме и не сообщаете.

Оба шлем Вам самый сердечный привет и наши лучшие пожелания.

---

¹ Аркадий Слизкой в своем отчете о съезде писателей привел цитату из речи Федина о Бунине, а редакция газеты сопроводила отчет примечанием: «**Был ли у И.А. Бунина советский паспорт, — мы не знаем, но слухи о его встречах с некоторыми представителями советского правительства были достаточно обоснованы.** Теперь мы видим, к каким результатам иногда приводят подобного рода разговоры» (Слизкой А. Съезд писателей // Русская мысль. 1955. 21 янв. № 730. С. 3; выделено редакцией).

² Фрагменты стенограммы съезда с этой частью выступления Федина были напечатаны в журнале «Посев» (Выпад против литературной эмиграции // Посев. 1955. 23 янв. № 4 (455). С. 10), и в том же номере был опубликован протест В.Н. Буниной: «В ответ на Ваше, полученное мною сегодня утром письмо, в котором Вы сообщаете, что в своем выступлении на втором съезде Союза писателей К. Федин помянул имя моего покойного мужа, заявив, что “только упадок сил помешал советскому гражданину И. Бунину вернуться на родину”, утверждаю, что Иван Алексеевич никогда не брал советского паспорта и не думал возвращаться на родину. Я считаю, что К. Федин ошибся, спутав Ивана Алексеевича с другим старым писателем, взявшим советский паспорт, но не вернувшимся на родину» (И.А. Бунин никогда не брал советского паспорта: Письмо вдовы писателя в «Посев» // Посев. 1955. 23 янв. №4 (455). С. 10).

³ «Ошибка» К. Федина: И.А. Бунин не был «советским гражданином» // Русская мысль. 1955. 28 янв. № 732. С. 9.

⁴ Писательница и религиозный деятель Мария Александровна Каллаш (урожд. Новикова; 1886–1955) скончалась 26 февраля 1955 г. в Париже. Довид Кнут (наст. имя и фам. Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) умер 15 февраля 1955 г. в Тель-Авиве от обострившихся последствий перенесенной в юности аварии. Некоторое время спустя Адамович опубликовал статью, посвященную обоим поэтам: *Адамович Г.* Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8. Поэт и переводчик Перикл Ставрович Ставров (1895–1955) скончался от рака легких 10 февраля 1955 г. в пригороде Парижа.

⁵ Возможно, под таким названием шла за границей советская хроника «Строительство ГЗ МГУ». Новый корпус Московского университета был построен на Ленинских горах в 1949–1953 гг. (архитекторы Б.М. Иофан, Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв, П.В. Абросимов, А.Ф. Хряков, В.Н. Насонов) и в то время был самым большим зданием Европы.

94. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 марта 1955 г. Париж

[на бланке Манчестерского университета]

Мой парижский адрес:

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8^e

23/III-55

Дорогой Марк Александрович

Пишу Вам, сидя в университете, и потому на официальной бумаге. Спасибо за Ваше письмо. Инцидент с Фединым улажен, и слава Богу. Я все-таки думаю, что он мог сказать это «так», без подготовки.

На будущей неделе собираюсь в Париж, до 25 апреля. Получил приглашение приехать 18 марта в Париж, на собрание о будущем «съезде»¹, подписанное Зайцевым, Набоковым и Пэджом или Пэгом² (не помню, как точно). Если бы я даже хотел там быть, то уехать отсюда в это время мне было бы трудно. Но я и не хочу³.

Хочу спросить Ваше мнение о заглавии моей книги в Чех<овском> изд<ательст>ве. Я думал, думал — и предложил Александровой «Судьба эмигр<антской> литературы». По-моему, неплохо, а главное — просто. Но она нашла, что это вяло, бледно, и просила найти что-нибудь другое (кстати, предложив кое-какие свои названия, совершенно невозможные: напр., «С Россией в сердце»). Я ей предложил: «Испытание свободой». Знаю, что это плохо, книжно, банально — претенциозно. Но не могу ничего выдумать другого, если она «Судьбы» не хочет. Qu'en pensez vous?⁴ И нет ли у Вас своего какого-нибудь варианта? Мне заранее книга противна, если останется она «Испытанием свободой», хотя по смыслу это — довольно верно.

Читали ли Вы статью Ульянова о Ходасевиче?⁵ Кантор, человек très ponderé⁶, возмутился ею настолько, что даже послал возражение в «Нов<ое> русское слово»⁷ — не по поводу Ходасевича, конечно, а о том, что Ульянов пишет об эмигр<антских> литер<атурных> делах, совершенно их не зная (в частности, все о том же — что «молодых» игнорировали и даже притесняли).

Как Вы вообще живете, дорогой Марк Александрович? Не соберетесь ли на Пасху в Париж? У Вас, наверно, уже лето или почти, а я о лете только еще мечтаю. И радуюсь, что оно все ближе, иногда думаю: да, но ведь это и жизнь уходит! До свидания, так или иначе, надеюсь — не очень далекого. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и передайте самые искренние пожелания.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Второй Всесоюзный съезд советских писателей, прошедший в Москве 15–26 декабря 1954 г., вызвал в эмиграции идею провести съезд писателей русского зарубежья. Инициаторами съезда выступили руководители радиостанции «Освобождение» (позже — «Свобода»), см. воспоминания одного из ее сотрудников: «В 1955 году “Свобода” стара-

лась организовать съезд русских писателей зарубежья. Она бы оплатила все расходы, связанные со съездом, как снятие помещения и прочее, но официально ответственным за ее организацию были бы русские зарубежные писатели. Насколько помню, Ремизов сослался на болезнь, которая мешала ему принять участие в этом съезде-конференции, в то время как Борис Зайцев, Георгий Адамович и Одоевцева согласились» (*Мирковский Б. Чучи — дитя обалдевшей вдовы. Донецк, 2001. С. 67*). Съезд долго планировался и обсуждался, однако так и не состоялся.

² Не удалось найти сведений.

³ Подробнее свою позицию Адамович изложил в письме И.В. Чиннову от 4 мая 1955 г.: «В январе, когда я был в Париже, о съезде я слышал со всех сторон. Слышал и то, что “первое приглашение получил Смоленский”. Против Смоленского я решительно ничего не имею, но согласитесь — “первое приглашение Смол<енско>му” дает отпечаток всему предприятию. Меня никто никуда не приглашал, — кроме разговоров Г. Иванова. В марте, в Манчестере, я получил приглашение прибыть (“с оплачен<ными> расходами”) на предварительное совещание, 18 марта, — начинавшееся так: “Вы, вероятно, слышали от Г. Иванова о предстоящем съезде...” Если бы устроители действительно желали моего участия в съезде, я слышал бы о нем прежде всего от них! Форма приглашения мне показалась по меньшей мере странной. Я ответил двумя строками: занят, благодарю за внимание, но приехать не могу. Это, кстати, совершенная правда: действительно, я не мог приехать в марте, даже если бы хотел. На этом мои отношения с устроителями съезда — Зайцев, Набоков, Пас, подписавшие письмо, — кончились. Я не отказывался от участия в съезде прежде всего потому, что меня звали лишь на предварительное совещание. Прежде отъезда или согласия я должен был бы знать, что это будет за съезд — и кто в нем участвует. Должен, однако, признаться, что то, что я по этому поводу знаю, энтузиазма во мне не возбуждает, ни с какой точки зрения. В Париже — когда я был на Пасху — о съезде хлопочет и что-то болтает Маковский. Он мне тоже объяснил мой “отказ” доводами политическими. Очевидно, другие лучше меня знают, чем я сам. В сущности, я думаю, что вся эта затея в конце концов провалится. А если какие-нибудь старцы будут что-то шамкать, как Зайцев, или блистать, как Сперанский, то кроме позора ничего не получится» («Жаль, что Вы далеко...»: Письма Г.В. Адамовича И.В. Чиннову (1952–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 31).

⁴ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁵ *Ульянов Н. Застигнутый ночью* // Новый журнал. 1954. № 39. С. 143–154.

⁶ очень уравновешенный (*фр.*).

⁷ Публикация не выявлена.

95. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

26 марта 1955 г. Ницца

26 марта 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Но Вы не пишете, в каком состоянии Ваши глаза. Надеемся, все прошло? Мое здоровье не очень хорошо, — не хочется сегодня писать, — и едва ли мы весной приедем в Париж. Значит, верно, увидимся только летом в Ницце.

Согласен с Вами в том, что «Судьба эмигрантской литературы» простое и хорошее заглавие. Но не согласен, что «Испытание свободой» заглавие плохое. По-моему, ничего «банально-претенциозного» в нем нет. Единственный его недостаток я вижу в том, что оно не вполне, а только отчасти соответствует сюжету: Вы ведь пишете главным образом о старших писателях, а они знали в своем деле свободу и при старом строе. Скажем правду, при «царизме» никто из них от цензуры почти не страдал, так как о политике они не писали (и не стали бы писать, если бы никакой цензуры не было), с 1905 года посягательств на их свободу было чрезвычайно мало, — что-то вышло у Мережковского с «Александром I»¹, тоже не страшное, а больше я ничего сейчас и не могу вспомнить. Таким образом, настоящего испытания свободой в эмиграции не было. Со всем тем, я это заглавие оставил бы, оно отнюдь не плохое. Тем более что до некоторой степени было испытание свободой — от цензуры общественного мнения: при старом строе писателю *надо* было быть левым, и почти все «левыми» и были. Теперь, пожалуй, *надо* быть правым, и почти все правыми и стали. Но все же, как мы с Вами знаем, это не так уж обязательно.

Что же Вы ответили на приглашение Набокова — Зайцева — Пача? Я ответил вежливым отказом без всякого объяснения причин. Они мне тоже послали приглашение приехать к 18 марта, хотя могли бы не посылать после тех двух длинейших телеграмм мне, о которых я Вам говорил в Ницце и на которые я тогда же ответил отказом. Зайцев в свое время писал мне, что к нему пришел Пач и звал его участвовать, причем добавил, что председателем назначен я! Вероятно, будет борьба за председательское звание: Зайцев, или Степун, или Вейдле, или еще кто-нибудь? Но я по-прежнему не понимаю, *что* будет делать этот съезд? Так как осенью отвечать московскому съезду писателей было бы поздно, то, по-видимому, предполагается идейный смотр достижениям эмиграции. Докладчиком намечается, кажется, Степун.

Я как-то пропустил статью Ульянова. Она была в «Новом журнале»? Я отослал 39-ю книгу моей сестре и не могу проверить.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие дружеские пожелания. Пожалуйста, из Парижа напишите поскорее «обо всем».

---

¹ Вскоре после выхода романа Д.С. Мережковского «Александр I» Департамент полиции предложил подвергнуть его судебному разбирательству, в связи с чем 28 января 1912 г. обратился с письмом к начальнику главного управления по делам печати А.В. Бельгарду. Наблюдающий за беллетристической частью «Русской мысли» статский советник Генц, а затем член совета главного управления Э. Берендтс в своих докладах оспорили мнение Департамента полиции, придя к выводу, что причин для возбуждения преследования редактора журнала «Русская мысль» не имеется. Подробнее см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Александр I» Мережковского и Департамент полиции // *Жизнь искусства.* 1922. 28 марта. № 13 (836). С. 5; *Михин А.Н.* Роман Д.С. Мережковского «Александр I»: художественная картина мира: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004.

96. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 апреля 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
10/IV-55

Дорогой Марк Александрович

Получил Ваше письмо, пересланное из Манчестера. Спасибо. Очень жалею, что Вы сюда не приедете. Почему-то мне казалось, что на Пасху Вы будете в Париже.

Вы спрашиваете, что я ответил на приглашение приехать на совещание 18 марта. Ответил, что приехать не могу, потому что занят. А здесь Маковский мне вчера сказал, что мой отказ истолковали «политически», т. е. как нежелание участвовать «в чем-либо американском». Маковский очень занят будущим съездом и хочет, чтобы масоны сделали из него свое дело (он вернулся в масонство). Но те — судя по тому, что я слышал от Дм.Н. Ермолова¹, — недоумевают и колеблются. Я лично прежде всего не знаю, что это будет. Объяснения Маковского крайне *vagues*². Он, между прочим, надеется, что Вы свой отказ пересмотрите и участвовать в конце концов согласитесь. А я скорей думаю, что одними разговорами и завтраками дело и кончится. Затея крайне странная, и у меня впечатление от всего, что я здесь слышу, такое, что нужно все это людям — Пагу, Гольдштейну³ или др. — которые должны проявлять какую-то деятельность и оправдать в этом смысле какие-то полученные кредиты, суесться, «шуметь» и т. д. Ивановы — он и она — все уговаривают меня дать согласие на участие. Но они откровенно смотрят на это как на развлечение и описали мне «совещание» (с угощением в «Праге») крайне иронически⁴. Вы, вероятно, знаете больше меня, — в частности, от Набокова.

Был у Любви Александровны <Полонской>, два раза. Был и у Веры Николаевны, которая крайне растеряна и нервна — очевидно, и своими личными делами, и отсутствием денег. Чех<овское> изд<ательст>во все не дает ей твердого ответа насчет книги И<вана> А<лексеевича> о Чехове⁵. Кстати, о Чех<овском> изд<ательст>ве: моя книга будет называться «Одиночество и свобода». Это одно из трех заглавий, которые я предложил Александровой. Я рад, что она выбрала его, а не «Испытание свободой», которое мне было противно. По-моему, «Од<иночество> и св<обода>» — лучше, хотя и тяжеловато.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Новостей здесь вообще мало, кроме печальных — Миркин-Гецевич, Прокопович⁶ и др. Я всегда еду в Париж с радостью, а приехав, думаю: зачем, собственно говоря, приехал?

Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Ермолов Дмитрий Николаевич (1884–1963) — предприниматель, общественный деятель, сотрудник Министерства иностранных дел, в годы Гражданской войны служил в белой разведке. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, член Церковного комитета помощи голодающим при Высшем церковном управлении (Русское посольство в Константинополе), с 1923 г. в Софии, представитель Американского комитета проф. Уиттмора, оказывавшего помощь русским студентам, с 1931 г. в Париже, промышленник, масон (с 1933 г.), почетный мастер ложи «Юпитер» (1947–1956, 1959–1962), член Русского особого совета 33-й степени (1956–1958). См. некролог: *Адамович Г. Памяти Д.Н. Ермолова // Вестник объединения масонских лож Д. и П. Шотландского Устава. 1963. № 11. С. 1–2.*

² неясны (*фр.*).

³ Непонятно, какой именно из Гольдштейнов имеется в виду.

⁴ Письмо Г.В. Иванова и И.В. Одоевцевой не сохранилось, Адамович отвечал 3 апреля 1955 г.: «Насчет съезда — посмотрим. Хотя я Вас высоко уважаю, но считаю своим *directeur de conscience* [духовным наставником (*фр.*)] Марка Александровича и должен выслушать его мнение. Да если Съезд будет осенью, то едва ли я и могу присутствовать, ибо буду в Манчестере. Что это вообще за глупая затея! Как развлечение — пожалуй, но они-то ведь не развлекаются, а думают, что это что-то серьезное» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. С. 466).

⁵ Книга вышла в том же году: *Бунин И. О Чехове*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

⁶ Правовед, публицист Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955) скончался 1 апреля 1955 г. в Париже. Экономист и общественный деятель Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) скончался 4 апреля 1955 г. в Женеве.

97. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 апреля 1955 г. Ницца

13 апреля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Жаль, что опять не сообщили ничего о глазах, но, верно, и Вы не очень любите писать о болезнях.

Заглавие недурное, хотя слово «Одиночество» мне тут не очень понятно.

О Вере Николаевне Вы уже, верно, знаете. Книгу о Чехове приняли — и предложили ей всего 750 долларов! Просто не понимаю, почему наследникам платят вдвое меньше, чем еще живым авторам. Я ей советую поторговаться и попросить Кодрянских¹ написать убедительно Мрс. Планта, с которой они в очень добрых отношениях. Она Вам сама все расскажет. Мне за нее очень больно. Не знаю, как она вообще будет жить. Легко понять, что она нервничает.

Нет, Маковский ошибается: мой отказ участвовать в съезде окончателен и бесповоротен. Однако ни малейшей враждебности к съезду или к Американскому комитету у меня нет. По-моему, Вы объясняете эту затею совершенно правильно. Вероятно, Вы колеблетесь? (так я заключил из Вашего письма). Можно и участво-

вать. Лучше было бы для них самих (американцев), если б они заменили съезд, который займет только три-четыре скучных дня, каким-нибудь постоянным «духовным центром», как кто-то им предлагает. Знаю это не от Набокова: он мне не только ни разу не написал после нашей ниццской беседы (кроме того приглашения за подписью его, Зайцева и Пача), но даже не поблагодарил за «Ульмскую ночь», посланную ему мною. Кто же из русских душа этого дела? Маковский? Как европеец, прекрасно говорящий по-французски, да и вообще, он, по-моему, очень подходящий человек для роли председателя съезда или духовного центра. Вера Николаевна сегодня мне сообщила, что Американский комитет ассигновал на это дело десять миллионов франков! Если они окончательно останутся именно на съезде, то не могу понять, на что будет тратиться эта огромная сумма. Если же духовный центр, то это понятнее. Я не буду участвовать в обоих случаях. А какое-либо постоянное дело, — не на три дня, — при подходящем председателе, при американском хорошем секретаре, как Гольдштейн или Пач, многим могло бы быть полезно или интересно.

А вот при чем тут масоны, я совершенно не понимаю. Это им только могло бы помешать.

Меня чрезвычайно огорчила кончина Бориса Сергеевича <Миркина-Гецевича>. Я знал его сорок лет. Прокоповича знал гораздо меньше. Я ведь и переписывался только с Екатериной Дмитриевной <Кусковой>, а с ним очень редко, лишь обменивались приветами.

Пригласил ли Американский комитет русских писателей из Америки? Не знаю, чем он вообще руководится в выборе? Ремизова пригласили, хотя у него советский паспорт. Были ли еще отказы от писателей? Но моя айзолэшен², в отличие от Англии 19-го века, никак не будет «сплендид»³: ведь политические деятели наши все рассорились (в отличие от меня) с Американским комитетом, — теперь и Мельгунов.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет. Не поленитесь, напишите поскорее обо всех новостях.

---

¹ Жившие в США писательница Наталья Владимировна Кодрянская (1901–1983) и ее муж Исаак Вениаминович Кодрянский (1894–1980), представитель фирмы по производству электрических лампочек «Tungsten», меценат.

² От англ. isolation — изоляция.

³ Splendid isolation (блестящая изоляция) — английская политика неучастия в европейских делах эпохи премьерства Бенджамина Дизраэли и маркиза Солсбери.

98. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

30 апреля 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
30/IV-55

Дорогой Марк Александрович

Я оставил в Париже Ваше последнее письмо, собрался сейчас писать Вам, — но не помню, были ли с Вашей стороны какие-либо вопросы. Простите, если были и если остаются они без ответа.

О Париже я, кажется, писал Вам. У меня, в общем, впечатление такое, что съезда не будет. Но основано оно на разговорах ни в какой мере не «официальных». Ни Зайцева, ни Набокова я не видел. Зато видел несколько раз Маковского, который и хочет, чтобы съезд был, и боится, что будет он жалким и серым.

Писали ли Вам Ивановы, он или она, о необходимости их перевода из южного дома в дом около Парижа? Спрашиваю об этом потому, что пишут они всем, кто может «повлиять» (на Долгополова, Кровопускова¹ и др.). К сожалению, их не хотят, и вовсе не из-за политических причин, как они думают, а из-за боязни всяких историй и капризов. По-моему, они изменились и присмирели, а она пишет мне, что на юге ей жить категорически запрещено². Не знаю, удастся ли их *imposer*³. Старается В.В. Вырубов, да и не только он.

У Любовь Александровны <Полонской> был несколько раз. В последний раз — вечером 24-го — она была взволнована болезнью своего beau-frère⁴. Не знаю, поправился ли он и насколько припадок был серьезен.

А как Ваше здоровье, дорогой Марк Александрович? Как Татьяна Марковна? С удовольствием думаю, что лето уже совсем недалеко. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Кровопусков Константин Романович (1881–1958) — юрист, до революции член партии эсеров, служащий Одесской городской управы (в 1918 г. товарищ городского головы). С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1921 г. управляющий делами Российского земско-городского комитета помощи беженцам, с 1924 г. член Русского эмигрантского комитета, с 1925 г. один из руководителей Объединения русских земских и городских деятелей за границей. После Второй мировой войны заместитель директора Офиса по делам русских беженцев во Франции, член координационного комитета благотворительных и гуманитарных организаций, в 1950–1954 г. один из организаторов домов для престарелых эмигрантов, основатель Русского дома в Ганьи.

² 6 мая 1955 г. Адамович отвечал на несохранившееся письмо Одоевцевой: «Мои сведения сводятся к тому, что хлопоты о Вас наталкиваются на препятствия. Но дело никак не в политике, т. к. весь принцип этих домов “а-политичен”, и живут в них люди самых крайних, в обе стороны, мнений и с любыми политическими репутациями. Для Долгополова это будто бы “основная заповедь”. Дело в чем-то другом, а в чем точно — не знаю. По одной фразе из письма ко мне я склонен думать, что связано это с Вашим пре-

быванием у Роговского, *п*отому что, кажется, это единственный случай, когда Вы жили в таком доме (или в Montmorency?). Были у Вас там какие-нибудь истории, кроме денежных? (Денежные, конечно, значения теперь не имеют.) Я не уверен, что предположение мое — правильно, но не вижу, какая другая может быть загвоздка. А пишу я Вам сегодня для того, чтобы поддержать оптимизм, *malgre tout* [несмотря ни на что (*фр.*)]. Только что получил письмо от Ермолова, который пишет, что видел Вырубова и что тот “надеется на благоприятный исход дела об Ивановых” (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 469).

³ убедить (*фр.*).

⁴ зятя (*фр.*).

99. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 мая 1955 г. Ницца

8 мая 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Вы спрашиваете, не было ли вопросов в моем последнем письме. Для верности я его перечел. Вопрос был разве в том, как Вы *окончательно* отнеслись к идее съезда и к суждениям Маковского (мне, кстати, показалось по копии, что я что-то «докторально» высказал Вам об этом свое мнение; если это так, то извините, — Вы знаете, что мне докторальный тон не свойствен). Участвовать же в съезде или в его «духовных центрах» я ни в каком случае не буду.

По делу Одоевцевой я писал ряду лиц: Долгополову и Кровопускову с просьбой принять Ивановых в свои дома, а Буниной и Маклакову с просьбой повлиять на Долгополова и Кровопускова. Сделал что мог один Маклаков, но я вижу, что надежды немного. Ирине Владимировне, которая мне писала, я, не называя имен, сообщил полученные мною сведения, по возможности смягчая. Вы, конечно, правы.

Здоровьем похвастать не могу. Недели через две мне предстоит в Ницце операция простаты. Она считается неопасной, но все может быть. Если исход будет «неблагоприятный» — «The sixties are very dangerous¹», — говорит Сомерсет Моэм², — то сообщите через кого-нибудь из сотрудников в лондонскую какую-либо газету, — моим близким все же «утешение», хотя и небольшое. Однако надеюсь на благоприятный исход и даже на «оздоровление и омоложение всего организма», которое мне обещают. Сделает операцию доктор Клерг³, его хвалят. К собственному моему удивлению, я не очень волнуюсь. А все-таки *еще один* роман хотел бы написать. Как Вы знаете, «Бред» я давно кончил и уже отослал последние два *отрывка* «Новому журналу». Полный же текст, как и полный текст «Повести о смерти», давно находятся у Вредена, который по сей день мне ничего об этом не написал!!

О состоянии своего здоровья Вы не пишете упорно. Между тем я слышал, что Вы жалуетесь.

У нас сейчас гостит Вера Марковна. Скоро вернется в Лондон.

Когда же точно Вы приедете в Ниццу? Я в клинике буду лежать, верно, три или четыре недели, — во всяком случае, пропадает самый прекрасный месяц года.

Оба шлем Вам самый сердечный дружеский привет. Очень кланяется и Вера Марковна.

О Чеховском издательстве новых сведений не получал. Верно, и Вы тоже нет?

---

¹ Седьмой десяток — очень опасный возраст (*англ.*).

² Моэм (Maugham) Уильям Сомерсет (1874–1965) — английский писатель и разведчик.

³ Не удалось найти сведений.

100. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 мая 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
10/V-55

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня Ваше письмо с известием, что Вам предстоит операция. Меня это взволновало, хотя операция эта действительно не опасна, и я уверен, что все пройдет хорошо. Мой здешний патрон, Добрин, подвергся такой операции прошлой весной, притом у него болезнь была очень запущена, и он действительно — как Вы и пишете — помолодел и окреп после нее (ему уже за 70 лет). Имени д-ра Клерга я не знаю, — кажется, Вы прежде лечились у Гайяра¹, ниццской звезды. Но, верно, Вы выбрали врача хорошего и умелого.

Я очень бы хотел быть *au courant*² Вашего состояния после операции, но думаю, что Татьяне Марковне будет не до того! Попрошу поэтому Любовь Александровну <Полонскую> меня осведомлять, как только узнает что-либо она сама. А если все-таки Татьяна Марковна будет так добра и напишет мне два-три слова, буду ей очень, очень благодарен.

Спасибо, дорогой Марк Александрович, что спрашиваете о моем здоровье. Ничего, более или менее все пришло в норму, жаловаться нечего.

Шлю Вам и Татьяне Марковне самые лучшие и искренние пожелания. В сущности, я даже рад, что Вы решились на операцию, это лучше, чем полумера, и, по крайней мере, Вы отделаетесь сразу от всех недомоганий, и даже — надеюсь — летом будете пить вино и все прочее без страха, не повредит ли.

Крепко жму Вашу руку. Если Вера Марковна еще у Вас, не откажите передать ей низкий поклон.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Не удалось найти сведений.

² в курсе (*фр.*).

101. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

22 июня 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
22/VI-55

Дорогой Марк Александрович

Я был вчера у Любовь Александровны <Полонской> и с радостью узнал, что Вы продолжаете поправляться и вскоре, по-видимому, будете совсем здоровы. Не писал Вам все это время, чтобы напрасно не беспокоить, но поверьте — не забывал о Вас и ждал с нетерпением новостей о Вашем здоровье. Крепко жму Вашу руку, шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие, самые сердечные пожелания. Надеюсь недели через три быть в Ницце и застать Вас совсем окрепшим, а Татьяну Марковну совсем уже отошедшей от своих волнений.

Ваш Г. Адамович

102. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

4 июля 1955 г. Ницца

4 июля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно Вас благодарим за внимание и участие. Простите, что делаю это только теперь: мое выздоровление идет медленно, кое-что еще не в порядке, вдобавок совершенно не сплю (много, если два часа в сутки), хотя почти каждый день принимаю снотворное Соннериль. Так будто бы бывает всегда после этой операции. Но, конечно, худшее уже позади. Обещанной мне врачами и не-врачами «радости жизни», «обновления организма» и т. д. пока не вижу. Надеюсь, что все это еще будет. Вчера все же в первый раз зашел в кофейню.

А как Вы? По Вашему письму, Вы должны через десять дней приехать в Ниццу. Я уже сообщил об этом Сабанееву. И он, и мы с Татьяной Марковной чрезвычайно этому рады. Надеюсь, приезжаете надолго, правда?

Еще раз спасибо. Оба шлем Вам самый сердечный привет и самые лучшие наши пожелания. А что писательский съезд? Меня в клинике навесил Вейнбаум и между прочим сообщил, что никакого съезда не будет. Я забыл у него узнать, откуда это ему так твердо известно. Вера Николаевна писала мне, напротив, что в Скрибе¹ идут совещания. Кто же в них участвует?

---

¹ Вероятно, речь идет о парижском отеле «Скрибе» («Scribe»).

103. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

17 сентября 1955 г. Ницца

Nice
17/IX-55

Дорогой Марк Александрович

Спасибо, что вспомнили и написали из Милана¹.

К сожалению, я Вас не дождусь в Ницце, т. к. уезжаю завтра, в воскресенье. Очень жалко, но надо ехать.

Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние пожелания. Будьте благополучны и здоровы. С радостью и вполне чистосердечно хочу сказать, что у Вас у обоих был в последнее время отличный вид. Надеюсь видеть Вас в Париже, осенью или зимой, а пока крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Письмо не сохранилось (из Милана Алданов, скорее всего, писал от руки, а не на машинке с копиркой, как обычно).

104. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

12 октября 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
12/X-55

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам привет и поклон из Манчестера, неожиданно ставшего похожим на Ниццу: тепло, синее небо, солнце — даже не верится!

Как Вы живете? Как здоровье и настроение? В Париже я слышал от нескольких человек, что Чех<овское> изд<ательст>во деньги действительно получило, — и порадовался за Вас: в таком случае Ваш финансовый срок «2 года» продлится еще на год — или два. Но Вы, верно, знаете лучше меня, верны ли эти слухи. Из Нью-Йорка я получил два или три письма, но без упоминания о делах Чех<овского> изд<ательст>ва. А нашлась ли наконец рукопись, посланная Вами Вредену?

В Париже я провел две недели, довольно скучно. Очень был рад узнать, что моя книга не только не «раздражила» Зайцева (как уверяла Вера Ник<олаевна>) но даже будто бы ему понравилась. Ремизов тоже доволен, хотя с оговорками. Зато Набоков, по сведениям Терапиано, «рвет и мечет». Не знаю почему: из-за характера ли книги вообще или из-за главы о нем. Ничего обидного для него лично, по-моему, в книге нет.

С отсутствием имени Зурова Вера Ник<олаевна> примирилась, узнав от меня, что глава о Набокове включена по ультиматуму покойника Вредена. («Я так и думала».)

Простите, что пишу о себе. Но это наполовину и о других.

Любовь Александровна <Полонская> ждет Вас и Татьяну Марковну в Париже. Я раньше Рождества туда не попаду, а Рождество далеко.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь Ницце. Как в «Бригадире»: «тело мое находится там-то, но душа принадлежит короне французской»¹.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Слова из пьесы Д.И. Фонвизина «Бригадир» (действие третье, явление первое) — ответ сына Иванушки Бригадирю: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской».

105. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

20 октября 1955 г. Ницца

20 октября 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Оба искренно Вас благодарим за память. Рады были Вашему письму.

Рукописи мои нашлись, я их еще не получил из Америки, но мне пишут, что, по-видимому, не хватает только страниц тридцати. Нашлась и рукопись английского перевода «Ульмской ночи», сделанного Вреденом. Он перевел по своей инициативе и на свой риск. При его связях он, вероятно, нашел бы издателя и для этого тяжелого произведения, но без него я не найду. Не знаете ли Вы чего-либо о британских университетских издательствах, издают ли они новые книги такого содержания? Не помню, кто издал книгу об исторической философии «Войны и мира» Берлина¹. Кажется, какое-то университетское издательство? Очень жаль, что покойный Вреден не начал с «Бреда» или «Повести о смерти» (к ним он и не приступил), — а их было бы устроить легче. Один из этих романов переведет на свой риск Кирилл Зиновьев (Fitzlyon)², — говорят, он превосходный переводчик. Английская газета писала, что его переводы Достоевского «лучше подлинника». Вы, верно, его знаете. Теперь я ищу в С<оединенных> Штатах литературного агента, — при Вредене было не нужно, он не только сам переводил, но и сам все мое устраивал.

О Чеховском издательстве все оказалось выдумкой. Кускова прислала мне письмо к ней Карповича, написанное неделю тому назад. Это ведь тут — «первоисточник» (она в курсе всего). Он сообщает, что у Чеховского издательства осталось денег на четыре месяца, а у «Нового журнала» на три, а шансов на получение денег от Фордовского комитета чрезвычайно мало. Мозли даже ему не пишет об

этом. Карпович надеется, что «Новый журнал» (который, как Вы знаете, тоже получал деньги от Фордовской организации) будет все же выходить дальше в меньшем размере, без платных служащих, без квартиры и при сокращенном вдвое гонораре авторов. Так что напрасно Вы за меня радовались: не похоже на «поправку дел».

Я и думал, что Зайцев будет очень доволен главой о нем в Вашей книге. О Ремизове этого не думал. И очень удивлен тем, что Вы пишете о Набокове, — откуда Терапиано это знает?

Сегодня французские газеты сообщили, что наиболее вероятными кандидатами на Нобелевскую премию в этом году считаются исландец Лэкснесс («полукommунист», — я его не читал) и Шолохов³. А кого называют в Англии?

Вы пишете, что Манчестер теперь похож на Ниццу. Зато Ницца стала похожа на Манчестер: целый день дождь.

У нас нового ничего. Здоровье у обоих только сносное, настроение очень скверное. Еще не скоро отправимся в Париж. Много работаю над этим романом из эпохи начала 20-го века. А если и напишу (много, очень много времени уйдет), то где его печатать?⁴ Как продается Ваша книга? Александрова на этот вопрос всегда отвечает, а прежде называла даже цифры продажи. Теперь они счета не подводят, — верно, с горя. Прежде для каждого автора каждый месяц вели счет продаж.

Пишите, дорогой Георгий Викторович. И примите наш самый сердечный дружеский привет.

Разумеется, Екатерина Дмитриевна <Кускова> мне отроду не писала о Буниной: «не обращайтесь внимания на эту сумасшедшую старуху»!!! Не писала даже ничего хоть сколько-нибудь похожего. И не могла написать: она сама относится к Вере Николаевне очень хорошо и знает, как отношусь я. А за последние 6–8 месяцев мы с Кусковой в письмах имени Буниной и вообще не упоминали.

¹ Берлин (Berlin) Исайя (1909–1997) — английский философ, историк и переводчик русского происхождения. С 1921 г. в эмиграции в Англии. Алданов имеет в виду его книгу «Еж и Лиса. О взглядах Толстого на историю»: *Berlin I. The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1953.

² Зиновьев-Фицлайон Кирилл Львович (р. 1910) — переводчик, увезен из России ребенком. С 1918 г. в эмиграции в Лондоне; во время принятия английского подданства гремел скандал с так называемым «Письмом Зиновьева», и, чтобы не возникало вопросов и путаницы, он решил взять приставку к фамилии от своего отчества (Fitzlyon — сын льва (англ.)).

³ В 1955 г. Нобелевскую премию по литературе получил исландский писатель Халлдор Кильян Лакснесс (Laxness; наст. имя Halldór Guðjónsson; 1902–1998). М.А. Шолохов получил Нобелевскую премию десять лет спустя, в 1965 г.

⁴ Имеется в виду роман «Самоубийство», который был опубликован уже посмертно: Алданов М. Самоубийство: Роман / Предисл. Г. Адамовича. Нью-Йорк: Издание Литературного фонда, 1958.

106. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

27 октября 1955 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

104, Ladybarn Road
Manchester 14
27/X-55

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Вижу, что Вы в настроении не очень веселом, но надеюсь, что это «так», без причины, а главное — временно.

Вы пишете, что слухи о Чех<овском> изд<ательст>ве оказались выдумкой. А вот что мне сообщает Поляков (сегодня получил письмо):

«Из осведомленных источников утверждают, — но по очень большому секрету — что издательство будет существовать, если не на субсидию фордовского, то другого и даже других фондов»¹.

Приблизительно то же мне пишет Варшавский: верного еще ничего нет, но надежда не потеряна².

Кирилла Зиновьева я, кажется, знаю — встречал в Лондоне, в русском Пушкинск<ом> клубе — но не уверен, что это был именно он (простите, нет больше чернил в стило — продолжаю другим!³). Я должен читать в этом клубе 16 декабря, а он о чем-то на неделю раньше, но, верно, будет и 16-го. Если есть к нему какие-нибудь поручения, пожалуйста, напишите. Сейчас получил письмо от Веры Ник<олаевны> с описанием собрания памяти И<вана> А<лексеевича>⁴. Она очень довольна тем, что Вы о нем написали. Я написал тоже⁵, но, кажется, не совсем то и так, как следовало бы. Как продается моя книга, не знаю и не хочу справляться. Продаваться хорошо она не может. Цвибак мне прислал air mail⁶ свою статью о ней, в «Н<овом> р<усском> слове»⁷. Много комплиментов, но о поведении Мережковских во время войны он вспомнил напрасно, и как будто сводя какие-то счета. С Зин<аидой> Ник<олаевной>, впрочем, у него счета были⁸. Слышал, что Вы отказались приветствовать Даманскую в день ее юбилея⁹ (или только участвовать в комитете?). По-моему, обижать ее ни к чему, что-то есть в ней очень жалкое. Кстати, она мне недавно написала — после почти двухлетнего молчания — и сообщила, что «отказалась от публичного чествования, на котором настаивали друзья»! К письму приложила стихи о страстной любви к кому-то, не вполне грамотные. Я все вспоминаю царя Соломона, вот читая и discours¹⁰ Жана Кокто — не только Даманскую — вспомнил его. Но, в сущности, это, вероятно, скорей по старости и безразличию ко всему, чем потому, что действительно все «суета сует». Не могу сейчас ответить на Ваш вопрос, какому британск<ому> изд<ательст>ву следовало бы предложить «Ульмскую ночь» и существуют ли подходящие университетские издательства. Мой единственный здешний советник по таким делам сейчас в отсутствии и вернется на будущей неделе. Тогда я у него наведу справку и Вам напишу.

Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне. Очень рад, что ее и Ваше здоровье, по Вашим словам, «сносное»: я перевожу — хорошее.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Письмо (ответ на письмо Адамовича от 9 октября 1955 г.) не сохранилось.

² 9 октября 1955 г. в письме Варшавскому Адамович спрашивал: «В Париже говорили, что Чех<овское> изд<ательств>во получило новые и большие деньги. Правда это? Я бы им что-нибудь предложил еще, если они будут существовать» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 293). По-видимому, Варшавский изложил свое видение ситуации в несохранившемся ответе.

³ Первые абзацы письма написаны черными чернилами, а окончание — синими.

⁴ 23 октября 1955 г. на парижской квартире Буниных состоялся вечер памяти И.А. Бунина, организованный Верой Николаевной. На вечере были зачитаны письма, присланные Адамовичем и Алдановым.

⁵ По-видимому, этот текст не был тогда напечатан; ближайшая по времени публикация Адамовича, посвященная Бунину, была полемикой с рецензией М. Слонима на книгу Бунина «О Чехове»: Адамович Г. Бунин о чеховских пьесах // Новое русское слово. 1956. 19 февр. № 15576. С. 8.

⁶ авиапочтой (англ.).

⁷ Седых А. [Цвибак Я.М.] Итоги Г.В. Адамовича // Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 8.

⁸ В начале своей журналистской карьеры Андрей Седых опубликовал в газете «Звено» цикл интервью с парижскими писателями, в том числе: «У Д.С. Мережковского» (Звено. 1925. 16 марта. № 111. С. 3) и «У З.Н. Гиппиус» (Там же. 30 марта. № 113. С. 3). Вскоре после этого Гиппиус опубликовала статью, в которой описала внешность и манеры интервьюера (не назвав его по имени): Гиппиус З. Наше убожество // За свободу. 1925. 7 апреля. № 94 (1498). С. 2. В своих мемуарах Седых писал: «С Мережковскими встретился я лично только один раз. Встреча была неприятная и оставила на всю жизнь отвратительный осадок» (Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 229).

⁹ В 1955 г. Даманской исполнилось 80 лет, но, поскольку она скрывала свой возраст и в эмиграции «омолодила» себя на десять лет, чествование состоялось 3 декабря 1955 г. по поводу семидесятилетия.

¹⁰ По-видимому, речь идет о книге: Cocteau J. Colette: Discours de réception à l'Académie royale de langue et de littérature françaises (P.: Grasset, 1955).

107. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

31 октября 1955 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

31/X-55

Дорогой Марк Александрович

Сегодня вернулся мой здешний приятель, о котором я Вам писал, и я говорил с ним об «Ульмской ночи».

Университетские издательства, которые могли бы Вашей книгой заинтересоваться, по его утверждению, существуют, но переговоры с ними лучше вести через какого-нибудь авторитетного университетского деятеля. Книга Берлина о философии Толстого издана у «Weidenfeld and Nicolson».

Сделать, по мнению Willets'a¹ (т. е. моего приятеля), лучше всего так.

Пошлите Вашу книгу именно Берлину (Mr. Issaiah Berlin, New College, Oxford) и спросите его мнение, имеет ли она шансы быть переведена и издана в Англии. Берлин говорит по-русски, как мы с Вами. Я его немножко знаю: он человек, как говорится, «блестящий», хотя, м. б., и слишком, т. е. слегка поверхностный. Но это значения не имеет. Интересуется он преимущественно философией и в Англии пользуется большой известностью. Если книга его заинтересует — а в этом я почти не сомневаюсь, тем более что есть в ней и глава о «Войне и мире», — он наверно может устроить ее перевод в одном из английских издательств, притом он лучше кого-либо другого знает, в каком именно. Берлин — человек очень живой, любезный, иметь с ним дело во всяком случае не будет для Вас неприятно.

Willets сначала назвал Коновалова, думая об оксфордских издательствах. Но потом вспомнил о Берлине и считает, что, конечно, у Б<ерлина> во всех смыслах больше веса и влияния.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Уиллетс (Willets) Гарри (р. 1922) — преподаватель Манчестерского университета в 1952–1955 гг., находился на дипломатической службе в Москве и в Лондоне в 1956–1960 гг., позже преподавал в Оксфорде, переводил на английский язык произведения Солженицына и др.

108. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

3 ноября 1955 г. Ницца

3 ноября 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Искренно Вас благодарю за Ваши ценные для меня сведения. Я напишу Берлину и пошлю ему «Ульмскую ночь», но надо сначала ее выписать из Парижа, — у меня нет ни одного экземпляра, хотя я уже немало купил на свои деньги. Покупал в Париже, так как там книги Чеховского издательства без скидки продаются дешевле, чем в Нью-Йорке со скидкой. Странные люди в Чеховском издательстве: они, как американские издатели, дают авторам бесплатно по 6 экземпляров, между тем у американцев книги действительно продаются, тогда как у них, верно, в большинстве лежат на складе, а когда издательство кончится, будут, верно, распродаваться за гроши кучами, наспех.

Будем надеяться, что сообщенные Вами сведения Полякова и Варшавского верны, но мои сведения другие. Александрова совсем недавно мне сообщила, что никаких денег они не получили, а о Черчилле и об его ходатайстве впервые слышат. Бедный Берлин¹ напрасно распустил эти всех взволновавшие слухи, — говорю «бедный», — его на днях разбил удар (теперь, кажется, есть улучшение).

Я не отказывался написать Даманской приветственное письмо (и послал для нее С. Прегель небольшую сумму), но письмо пошло не через комитет (т. е. не для сообщения в газетах), а после юбилея и совершенно частное. Сказал настоящую причину Софье Юльевне: я в последние три года отказался от участия в юбилеях трех вполне почтенных политических людей, только очень поправевших; не могу публично чествовать и Августу Филипповну, которая вдобавок не только слишком полевела, но и писала о «пресловутых зверствах» в СССР. Потом она мне в письме сообщила, что написала это «из озорства», но все же зачем чествовать «озорников»? Лично против нее я, разумеется, ничего не имею и об «озорстве» никому, ни Прегель, ни кому-либо другому, кроме Вас, не писал и не говорил. Кстати, знаете ли Вы, какую загробную неприятность ей учинил Александр Блок? Она недавно писала о нем в «Русских новостях»² с упоением. А Глеб Струве в ответ напечатал выдержки из напечатанных писем Блока, где он чрезвычайно презрительно говорит о «разных эмигрантских Даманских» и что-то приводит из ее статей³. А.Ф. <Даманская> возмущенно запросила меня, читал ли я «неслыханную низость», напечатанную о ней Струве (о Блоке не упомянула).

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. Еще раз спасибо.

Вы ошибаетесь: Вера Николаевна очень довольна Вашим письмом об И<ване> А<лексеевиче>.

---

¹ Берлин Павел Абрамович (1877–1962) — историк, экономист, общественный деятель; редактор журнала «Новая жизнь». С 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1928 г. в Париже; после войны член правления Объединения русско-еврейской интеллигенции и Тейтелевского комитета; печатался в «Новом русском слове», «Новом журнале», «Социалистическом вестнике».

² Публикация не выявлена.

³ См. подготовленную Г.П. Струве публикацию «Александр Блок и зарубежная печать» (Русская мысль. 1955. 31 авг.). О Даманской Блок упомянул не в письме, а в незавершенной статье об эмигрантской печати, которую писал весной 1921 г. для первого номера «Литературной газеты», не увидевшего свет: «Первые бежавшие за границу были из тех, кто совсем не вынес тяжелых ударов исторического молота <...> Они стали визгливо лаять, как мелкие шавки из-за забора; разносить, вместе с обрывками правды, самые грязные сллетни и небывицы. Теперь голоса этих господ и госпож “Даманских” всякого рода замолкают... с Россией и со всем миром случилось нечто гораздо более важное и значительное, чем то, что г-жам Даманским приходилось читать лекции проституткам, есть капусту и т. п.» (Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 491).

109. Г.В. АДАМОВИЧ – Т.М. АЛДАНОВОЙ

31 декабря 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
31/XII-55

Дорогая Татьяна Марковна

Шлю Вам и Марку Александровичу самые искренние и лучшие пожелания к Новому году. Очень жалею, что не попаду на этот раз в Вашу чудную Ниццу (знаю, что Вы другого мнения!) на праздниках. Надеюсь, М<арк> А<лександрович> хорошо доехал. Я рад был видеть, что у него прекрасный вид et qu'il était très en forme¹. Если буду жив, надеюсь быть в Ницце летом.

Ваш Г. Адамович

---

¹ и он был в отличной форме (*фр.*).

110. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

11 февраля 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
11/II-56

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня письмо от M-me Lesell, которая пишет, что видела Вас на русском спектакле. С удовольствием узнал, что, значит, Вы здоровы и благополучны. Надеюсь, что и Татьяна Марковна — в добром здравии. У нас тут — Сибирь и Северный полюс, что еще усиливает мою обычную «ностальгию» по Ницце.

Хочу спросить у Вас мнения и совета по делу, о котором, впрочем, мы с Вами уже говорили. Но тогда оно было еще в зачаточной стадии.

Я получил от Водова¹ письмо с предложением сотрудничества и с просьбой ответить, да или нет. У него были какие-то затруднения с Г. Струве из-за меня. Но Струве прислал ему статью о моей книге («крайне одностороннюю», по Водову, а от других я знаю, что крайне отрицательную), он ее ему вернул — и считает, что у него теперь «развязаны руки»².

Мне не хочется ответить Водову то, что ответили ему уже многие, но, насколько знаю, — не Вы: пусть сначала появится у Вас X. или Y. в качестве «заложника демократии». Каждый должен и решать, и отвечать за себя. Что на меня будут всех собак вешать, — теперь скорей слева, чем справа, — не сомневаюсь. Но меня это мало трогает. Сотрудничество в «Р<усской> м<ысли>» мне было бы скорей приятно³, п<отому> что это — Париж, а не что-то заокеанское и далекое, как другая планета. Это доводы — «за». Есть, конечно, и «против». *Qu'en pensez vous?*⁴ И известно ли Вам что-нибудь об отношении «демократов» к «Р<усской> м<ысли>» с тех пор, как мы с Вами виделись?

Газету мне теперь присылают регулярно. Политика в ней такая же, как везде⁵, — т. е. в «Н<овом> р<усском> с<лове>», — но налет провинциальности, по моему, сильнее. Но это — не препятствие.

Не знаю, в случае, если ответить «да», как бы это так обставить, чтобы было dignified⁶ (слово, над которым где-то Вы смеялись, — не могу вспомнить где). А то выйдет, что только меня поманили, я и обрадовался!

Делюсь с Вами своими сомнениями и колебаниями вполне откровенно, зная, что они — *entre nous*⁷. А если Вы мне так же ответите, буду очень благодарен. У Вас есть в сознании общественный барометр или нечто вроде, которого нет у меня даже в помине. Пожалуй, не барометр, а компас.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, поклон и сердечный привет Татьяне Марковне. Как Вы нашли книгу Ив<ана> Ал<ексееви>ча о Чехове? По-моему, в ней много замечательного, а вот А.А. Поляков ею возмущен почему-то. Все верно: и о Станиславском, и о театре, и другое. Ваше предисловие тоже замечательное и многое к книге добавляет.

Ваш Г. Адамович

¹ Водов Сергей Акимович (1898–1968) — журналист, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Праге, член редколлегии журнала «Студенческие годы»; с 1925 г. в Париже, секретарь Национального союза русской молодежи, сотрудник «Последних новостей», член редколлегии (с 1947), затем редактор (с 1954) газеты «Русская мысль».

² Статья была опубликована в другом издании годом позже: *Струве Г.* Об Адамовиче-критике: По поводу книги «Одиночество и свобода» // Грани. 1957. № 34/35. С. 365–369.

³ Через месяц в газете появилась статья Адамовича по поводу писаний советских критиков о Достоевском: *Адамович Г.* Не ко двору: Достоевский в СССР // Русская мысль. 1956. 15 марта. № 873. С. 4–5. С этого времени он стал постоянным автором «Русской мысли» и печатался в ней вплоть до самой смерти.

⁴ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁵ «Русская мысль» изменила свое направление с правого на более демократическое вскоре после того, как С.А. Водов сменил В.А. Лазаревского на посту главного редактора газеты.

⁶ достойно (англ.).

⁷ между нами (фр.).

111. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1956 г. Ницца

13 февраля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо, мы оба чувствуем себя не худо, хотя и хватать особенно здоровьем не приходится. У меня одышка не проходит. По письменному требованию д-ра Вербова¹ я поэтому недавно побывал у того же Гирана, который мне сделал электрокардиограмму до операции. Он сделал ее вторично и опять признал, что сердце в порядке. Дал три лекарства, но одышка за три недели пока не уменьшилась. Была у д-ра Мрозовича² и Т<атьяна> М<арковна>. Он и ее успокоил. Давление крови у нее (18) и у меня (19) несколько повышенное, но не слишком.

Недели полторы тому назад я получил письмо от Бориса Суварина³ — о том же предмете, о каком пишете Вы. В отличие от Вас он уже месяц или полтора тому назад начал печататься в «Р<усской> мысли»; но, по его словам, его за это ругнули слева (не сообщает, кто именно; думаю, что меньшевики). Спрашивает совета: уйти ли ему из газеты? Я ему с полной искренностью ответил, что не вижу для этого никаких оснований, что теперь, при Водове, «Р<усская> мысль» очень мало отличается по направлению от «Нового русского слова», в котором и меньшевики, и эсеры часто печатаются. Только то же самое могу сказать и Вам. (Уже довольно давно Кускова мне написала, что мне теперь следовало бы печататься в «Русской мысли».) Два «заложника демократии» в газете, как Вы знаете, уже есть: Вольский⁴ и сам Суварин (бывший когда-то секретарем Коминтерна!). Вам, по моему, теперь еще потому не очень приятно было бы отказаться, что все-таки из-за Вас (хотя Вы тут и ни при чем) Водов, очевидно, отказался от сотрудничества Глеба Струве⁵. И думаю, что все-таки в самом деле надо печататься и во Франции. Ведь живущие во Франции русские не читают «Нового русского слова», как почти не читают и «Нового журнала», и «Опытов».

Мы с негодованием (особенно Т<атьяна> М<арковна>) прочли, что у Вас из-за холодов в Манчестере усилилась тоска по Ницце!! Т<атьяна> М<арковна> требовала, чтобы я разыскал и послал Вам фотографии «Нис-Матэн»: Ницца покрыта сугробами снега. Мне лень было искать, но действительно здесь каждый день идет снег и чрезвычайно холодно, хотя чуть теплее, чем в Париже. Никогда в жизни такого в Ницце мы не видели. Вдобавок из-за льда ходишь по улице с риском сломать себе шею. В Петербурге этой опасности было гораздо меньше, так как существовали калоши.

Искренно Вас благодарю за то, что Вы говорите о моем предисловии к книге Ивана Алексеевича. О книге я думаю то же, что Вы. Все давно напечатанное превосходно или, по крайней мере, многое там превосходно. Последняя же длинная часть вся состоит из цитат, которые иногда сопровождаются двумя-тремя словами И<вана> А<лексееви>ча! Вера Николаевна в свое время просила меня не требовать присылки (для моего предисловия) этой части, сказала, что издательство настойчиво ее торопит, и прислала, по моей просьбе, лишь несколько нарочно ею для этого переписанных страниц. Если б я прочел всю эту часть, я посоветовал бы ей всю ее выпустить, так как нельзя же под именем Бунина печатать то, что на 99 процентов написано другими. Книга была бы короче (чуть не вдвое), но В<ера> Н<иколаевна> все-таки исполнила бы свой долг и получила бы те же деньги (ей дали всего 750 долл.). И главное, она (и Зуров?) *пропустила* в одном месте чрезвычайно неприятное *фактическое* противоречие между строчкой примечания И<вана> А<лексееви>ча и тем, что он *сам* написал в первой части: в примечании назвал это «брехней»⁶. Дело идет о пустяке, но, конечно, это рано или поздно будет использовано недоброжелателями: вот как, мол, можно вообще верить Бунину! Пожалуйста, не пишите об этом и не говорите Вере Николаевне. Я ей об этом теперь с досадой написал, но она, по-видимому, не понимает, какую услугу она оказала памяти И<вана> А<лексееви>ча! Сослалась на то же: торопилась.

Пишите чаще, дорогой Георгий Викторович, и примите наш сердечный привет и лучшие пожелания.

Очень мило и верно написал о Вас Г. Иванов в «Новом журнале»⁷.

Что такое затеял Н. Оцуп?⁸ Я ничего из газеты не понял⁹.

¹ *Вербов* Сергей (Самуил) Федорович (1883–1976) — врач, мемуарист. После революции в эмиграции в Берлине, член Союза русских врачей; с 1930-х гг. в Париже, член Общества русских врачей имени Мечникова; автор книг «По Днепру через пороги» (1956) и «На врачебном посту в земстве» (1961). На последнюю книгу Адамович откликнулся рецензией: *Адамович Г.* «На врачебном посту в земстве» // Русская мысль. 1961. 2 марта. № 1650. С. 6–7.

² Неустановленное лицо.

³ *Суварин* Борис Константинович (наст. фам. Лифшиц; 1895–1984) — журналист, политический деятель, советолог. С 1906 г. жил с родителями во Франции, с 1919 г. один из секретарей III Интернационала в Париже, в 1930-е гг. издатель журналов «Critique sociale», «Est & Ouest», редактор газеты «Фигаро», автор работ по истории СССР и коммунистического движения, сотрудник французских и эмигрантских изданий, в том числе «Русской мысли», «Вестника РСХД», «Континента».

⁴ *Вольский* Николай Владиславович (1879–1964) — журналист, экономист, политический деятель. До революции сотрудник «Русского слова» и одновременно революционер-подпольщик, после революции редактор «Торгово-промышленной газеты»; в 1928 г. не вернулся из заграничной командировки, перейдя на положение невозвращенца, член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже, сотрудник французских и эмигрантских изданий, в том числе «Последних новостей», «Современных записок», «Русских записок», после войны также «Нового журнала», «Нового русского слова», «Русской мысли».

⁵ Похоже, временный разрыв Г.П. Струве с «Русской мыслью» был вызван именно отказом опубликовать статью о книге Адамовича. Еще 12 сентября 1955 г. Г.П. Струве

писал В.Ф. Маркову: «Р<усская> м<ысль>» сейчас улучшается, и ее редактор Водов хочет повысить ее культурный уровень, просил меня найти соответствующих сотрудников (я сам обещал давать чаще свой “Дневник читателя”)» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Однако именно с осени 1955 г. сотрудничество Г.П. Струве с «Русской мыслью» прекращается, его следующие публикации в газете появились лишь пять лет спустя.

⁶ В книге на странице 53 идет описание кабинета Чехова, «украшением которого служили только две-три картины Левитана», а на странице 409 приводится цитата из воспоминаний Е.П. Карпова «Две последние встречи с А.П. Чеховым» (См.: Рампа и жизнь. 1914. № 24 и 25): «Антон Павлович радушно принял меня в уютном кабинете, со стен которого грустно смотрели чудные, полные глубокого настроения картины Левитана», сопровождаемая ремаркой: «Брехня. Не было ни одной картины. Был только пейзаж на стене над камином. (И. Б.)».

⁷ Г.В. Иванов опубликовал рецензию на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (Новый журнал. 1955. № 43. С. 296–297).

⁸ 4 февраля 1956 г. в парижском зале Русского музыкального общества за границей состоялся вечер литературно-художественной группы «Числа», на котором Н.А. Оцуп выступил с докладом о персонализме под названием «Попытка обоснования нового литературного направления в свете французской и русской культуры».

⁹ Имеется в виду газетный отчет: «Литературно-художественный вечер “Чисел” собрал полный зал РМОЗа — явление редкое для подобных вечеров. Но самым интересным, знаменательным и почти небывалым явлением было присутствие многих молодых французов, учащихся русскому языку, вместе с их профессорами <...> Это — вид нового франко-русского литературного сотрудничества, сотрудничества двух великих культур <...> Литературно-художественные вечера “Персонализма” будут продолжаться регулярно на русском и французском языке» (Ф.Р. На вечере «Чисел» // Русская мысль. 1956. 11 февр. № 859. С. 4).

112. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 февраля 1956 г. Манчестер

Manchester
21/II-1956

Дорогой Марк Александрович

Спасибо большое за быстрый ответ и за совет относительно «Р<усской> мысли». Я после Вас написал еще А.Абр. Полякову¹, но он еще мне не ответил. Уверен, что он будет против, и даже с возмущением. Кончится, однако, по-видимому, тем, что я в «Р<усской> м<ысли>» — буду. Мне пишут, что очень легко — даже с радостью — согласился Вишняк. Так что заложников демократии теперь у Водова хоть отбавляй! Струве, насколько знаю, отвергнут, хотя мне лично решительно все равно, будет он в газете или нет. Я даже был бы рад, — если бы представился случай, — написать о нем беспристрастно или одобрительно, настолько мне все эти страсти, счеты и злобствования чужды. Выходит, что я как будто лучше его, но думаю, что не лучше, а равнодушнее.

«Нового журнала» я еще не получил. Вы пишете о рецензии Г. Ив<ано>ва: «очень мило и верно», а Кантор назвал ее «кисло-сладкой». Не знаю, как она покажется мне. Но Иванов едва ли писал с кислотой умышленной.

Кантор же пишет мне с возмущением о романе Ульянова² и добавляет, что это «очень плохая подделка под Алданова». По его словам, возмущены многие, главным образом темой, слишком еще близкой. *Qu'en pensez vous?*³ И действительно ли он Вам подражает? Мне его статьи казались талантливыми, но неприятно-гладкими и самоуверенными, чуть-чуть под Федотова, но без его «шарма».

Да, вот что мне хочется Вам написать: достаньте где-нибудь январскую книжку «Нового мира». Там напечатаны найденные в Ниж<нем> Тагиле письма Карамзиных (вдова, дочь и сын) о дуэли и смерти Пушкина⁴. Ничего нового, но интересно необычайно, и я еще раз подумал, что это тема — для Вас, все это milieu⁵ с Пушкиным в центре, с Дантесом, царем и какой-то до сих пор невыясненной путаницей в отношениях. Насчет царя, думаю, советские историки все-таки слегка наврали, и ревновал Пушкин именно к Дантесу, а не к нему. Вот написали бы обо всем этом книгу: был бы вечный вклад в литературу, кроме Вас, никому этого не сделать и не понять. Главное — не понять.

Я послал в «Опыты» три выдержки из писем Ив<ана> Ал<ексееви>ча о Чехове и Горьком, в дополнение к тому, что сказано в его книге⁶. Есть в письме и те стихи Чехова (ужасные), о кот<орых> в книге только упомянуто. Послал все это и Вере Ник<олаевне> на цензуру, но думаю — она возражать не будет.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ В письме А.А. Полякову от 11 февраля 1956 г. Адамович изложил ситуацию наиболее подробно: «На Рождестве, в Париже, я два раза виделся с Водовым, теперь единоличным редактором “Русской мысли”. Вы, вероятно, слышали о его желании перестроить газету на “демократический” лад. Он говорит, что при Зеелере и К страдал от их грубости (в частности, в инциденте с Буниным), черносотенства, но выполнял роли только технические. Теперь он — царь и хочет царствовать в духе Милюкова и “Посл<едних> нов<остей>”. Но у него — всяческие затруднения. Все “демократы”, к кому он обращался, — в частности, Алданов, — говорят: да, *rougquoi pas*, но пусть у Вас сначала появится такой-то, дабы сомнений в демократичности “Р<усской> м<ысли>” больше не было. А эти “такие-то” — Вишняк и др., даже Маклаков, — отвечают то же самое, и получается порочный круг. Водов очень обескуражен и не знает, что делать. Лично о моем сотрудничестве у меня были с ним разговоры уклончивые, и я тоже держался линии “*rougquoi pas?*”, без чего-либо определенного. Вчера я от Водова получил письмо с просьбой ответить: да или нет? Вот об этом я у Вас и спрашиваю. Я знаю, что Вы человек страстный, а я “к добру и злу постыдно равнодушен” гораздо больше, чем вы. Кроме того, на старости лет я стал склонен к овечьей кротости и всепрощению. Ответьте мне, что Вы на моем месте сделали бы? Тактика: “пусть сначала другие” мне противна. Каждый должен решать за себя, не боясь всяких княгинь Марий Ал<ексеев>н. Не сомневаюсь, что мои многие “друзья” воспользуются случаем позлословить и даже поклевтатать. Мне это — все равно. Не скрою и того, что мне скорей хочется сказать “да”, п<отому> что хотя есть “Н<овое> р<усское> слово”, но Париж это Париж, и все тут рядом, под боком, а не где-то за тридевять земель, как на другой планете.

Но вне всех этих соображений, как по-Вашему: да или нет? Я очень верю Вашему чутью, правда, с поправкой на страстность и нетерпимость. Совместить “Р<усскую> м<ысль>” с “Н<овым> р<усским> с<ловом>”, по-видимому, можно, раз там пишет Терапиано и другие. Больше всех был бы возмущен, конечно, Ратнер, да и Могилевский, много раз предлагавшие мне вернуться к ним. Кстати, я ничуть не раскаиваюсь в своем участии в “Р<усских> нов<остях>” и продолжаю считать, что тогда это было правильно. М. б., только ушел я оттуда поздно, надо было бы раньше! Но дело было лично в Ступницком. Вы его очень недолюбливали, да и я в “П<оследних> н<овостях>” — скорей тоже. Он был несомненно глуп и “дубинист”, но это был верный человек, дояльный в дружбе и отношениях, как мало кто. Я это в нем очень оценил. И от последнего моего разговора с ним — в кафэ, когда я сказал ему, что ухожу, — у меня осталось воспоминание почти трагическое. Я не своему уходу лично, конечно, приписываю его растерянность, а тому, что он чувствовал, что он вообще остается в одиночестве (после меня сразу ушел Татаринов, Бахрах и др.). Ну, об этом так, мимоходом. Значит, вот: жду Вашего ответа и суждения. Надеюсь, что все, что я пишу Вам, — останется секретом. Но если Вы расскажете о содержании письма Андрею Седых и напишете, что думает он, — буду только благодарен. Больше — никому» (BAR. Coll. Poliakov).

² По-видимому, Адамович имеет в виду главы из романа «Сириус», который начал печататься в «Новом журнале» и продолжал время от времени появляться отдельными главами на протяжении 20 лет (Новый журнал. 1955. № 43; 1962. № 67; 1967. № 88; 1968. № 90–92; 1969. № 95; 1971. № 104; 1972. № 106; 1973. № 111–112; 1975. № 118). Предыдущий роман Ульянова вышел четырьмя годами раньше и вряд ли мог обсуждаться в качестве новинки: Ульянов Н. Атосса: Роман. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

³ Что Вы об этом думаете? (фр.).

⁴ Из писем Карамзиных / Публ. Н. Боташева; пояснит. текст И. Андроникова // Новый мир. 1956. № 1. С. 153–209.

⁵ окружение, среда (фр.).

⁶ Бунин И.А. О Чехове: (Из писем Г.В. Адамовичу) // Опыты. 1956. № 6. С. 25–27.

113. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 марта 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
3/III-56

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо¹.

Насчет Вишняка и его участия в «Р<усской> м<ысли>», боюсь, что это была «утка». Мне об этом писали со стороны, а Водов не пишет ничего. Зато сегодня с торжеством сообщил, что согласился Денике². Я плохо знаю, кто он, каков его демократический ценз и заслуги. Знаю имя, читал статьи, но как-то не соображаю, насколько это «видная» фигура. Моя первая статья появится, вероятно, 15-го³, а дальше — видно будет. «Нов<ый> журн<ал>» я так и не видел: сюда он еще не дошел.

Насчет Пушкина я не совсем с Вами согласен. Вы пишете, что он не мог не понять намека на царя в «дипломе», раз упомянут Нарышкин. По-моему, мог прекрасно, и ведь только лет 20–25 назад какой-то советский историк на это указал!⁴ Щеголев согласился, но сам в «Дуэли и смерти П<ушкина>» об этом не писал, а не согласиться с любым обвинением царя в советской> России было трудно. Я допускаю даже, что Долгоруков — если он автор диплома! — назвал Нарышкина как самого крупного рогоносца без мысли, что П<ушкин> идет по его стопам. Но если Долг<оруков> об этом и думал, Пушкин мог не понять намека. Несомненно, он знал, что Нат<алья> Ник<олаевна> царю нравится, и сам об этом вскользь писал. Но между «нравится» и тем, что было между ней и Дантесом, — большая разница. Кстати, где-то я читал (Тынянов?), что Н<аталья> Н<иколаевна>, по-видимому, стала любовницей царя в 1839, когда после двухлетнего траура вернулась в Петербург. Не знаю, на чем это основано. Вы пишете, что мы всех любовниц русских царей знаем. Едва ли всех. У Ник<олая> I и у Ал<ександра> II было их много, а уследить было трудно. Вероятно, даже с царицами — не все нам известно.

Все-таки мне очень жаль, что Вы обо всей этой ужасной истории никогда ничего не напишете. Остаюсь при том же мнении, о котором Вам писал. А если роман Вас отпугивает, то нечто вроде *biographie romancée* не требует такого труда и усилия. Дело действительно темное. Вы недоумеваете, между прочим, чего хотел «старый» Геккерен (кажется, 45 лет!). Это психологически разгадать можно бы, хотя без всякой уверенности, и вот все такое в этом деле, никем еще не затронутое, Вы бы и написали, как никто другой.

По поводу «Нов<ого> журн<ала>» Вера Николаевна мне пишет, что «все», весь Париж, восхищены рассказами Лени⁵ и что это действительно «необыкновенная вещь». *Qu'en pensez vous?* Леня гораздо способнее, чем обычно о нем думают, и даже не так глуп, как иногда кажется. Но действительно ли это бессмертные шедевры?

Бедный Кантор уязвлен шпильками Аронсона по его адресу (рецензия на «Опыты»⁶). Он мало и редко пишет и, верно, ждал похвал. Но Аронсон — не человек, а ходячая шпилька, притом ставит всем баллы без мотивировок и объяснения, почему хорошо или почему плохо.

До свидания, дорогой Марк Александрович. У Вас в Ницце — судя по радио — полная весна, а здесь все тот же мрак, хотя и не холодно.

Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне. Теперь по радио много играют Моцарта, и я, слушая, негодовал на нашего Леонида Леонидовича, который в нем разочаровался. Конечно, «где уж нам уж» в музыке, но, по-моему, это самые райские звуки, которые вообще существуют, и такие, после которых всякую другую музыку тошно слушать. Будто «и звуков небес заменить не могли...»⁷

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо не сохранилось.

² *Денике* Юрий Петрович (1887–1964) — историк, профессор Московского университета (1920–1922). В 1922 г. командирован в Берлин, работал в советском полпредстве, перешел на положение эмигранта, примкнул к социал-демократической группе журнала «Социалистический вестник», с 1933 г. жил в Париже, с 1941 г. в США, соредатор «Социалистического вестника» (в 1954–1963 гг.) и «Нового журнала» (в 1959–1964 гг.).

³ *Адамович Г.* Не ко двору: Достоевский в СССР // Русская мысль. 1956. 15 марта. № 873. С. 4–5.

⁴ Впервые это предположение появилось в книге: *Поляков А.С.* О смерти Пушкина: По новым данным. Пб., 1922.

⁵ В «Новом журнале» были опубликованы рассказы Л.Ф. Зурова «Ксана» и «Гуси-лебеди» (1955. № 43. С. 20–32).

⁶ М.Л. Кантор опубликовал в журнале подборку афоризмов: *Кантор М.* Записи // Опыты. 1955. № 5. С. 16–19. Аронсон в своей рецензии отозвался об этой публикации прохладно. См.: *Аронсон Г.* «Опыты», книга пятая // Новое русское слово. 1956. 29 янв.

⁷ Из стихотворения Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел..») (1831).

114. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

10 марта 1956 г. Ницца

10 марта 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Кускова вчера мне сообщила, что получила письмо от Водова. Он говорит ей, что Вы, Вишняк и Денике согласились принять участие в газете, и надеется, что доведет ее «до самого демократического направления». Вы спрашивали о Денике. Я его хорошо знаю. Он внучатый племянник композитора Глинки (что не относится к Вашему вопросу), меньшевик, сотрудник «Соц<иалистического> вестника». Прошлое хуже: годами служил в берлинском торгпредстве (как, впрочем, и милый, почтенный П.А. Берлин), еще больше, чем Вишняк, был связан работой с мюнхенцами и власовцами. Все-таки и он демократ. А о Вишняке, значит, первое Ваше сообщение не было уткой.

Ваши возражения о Пушкине, по-моему, основательны, но, быть может, не совсем. Действительно, у Николая I и у Александра II *могли* быть любовницы, о которых мы не знаем. Но уже о такой незначительной и случайной, как Шебеко, нам известно. А как же могла бы не стать известной такая «сенсационная», как жена Пушкина? Верно и то, что в печати первый увидел намек на царя в «дипломе», относительно недавно, Поляков. Но, во-первых, прежде, до революции, об этом писать было бы невозможно (да и занимались дуэлью Пушкина ученые в прежние времена гораздо меньше), а во-вторых, Пушкин читал диплом не так, как ученые: по сто раз, верно, обдумывал каждое слово; да и «подписи» ему были известны много лучше, чем нам, — иначе авторы диплома ими бы и не воспользовались.

О том, будто царь стал любовником Пушкиной в 1839 году, я нигде не читал.

О Зурове с Вами согласен. Его два рассказа недурно написаны, но оба крошечные. Второй все же слишком длинен (страниц семь), чтобы быть стихотворением в прозе, — хотя по стилю это как будто так, даже слова, особенно глаголы, расставлены так, как их обычно в прозе не расставляют. (Сколько покойный Иван Алексеевич издевался над тем, что Зайцев ставит прилагательное после существительного!) Сюжета же нет ни в первом, ни во втором рассказе «Лени». Не

знаю, очень ли восторгаются читатели, — мне никто, естественно, не говорил, да никто и не писал, — но, по-моему, в *его* интересах было для первого появления в «Новом журнале» дать что-либо более значительное. А описания хороши. Вера Николаевна и мне написала о колоссальном успехе этих двух рассказов! Я ей отвечаю, что и мне они понравились, — в этом неискренности не будет. Но, пожалуйста, ни ей и ни кому другому не говорите о том, что я пишу *только* Вам.

Я не читал статьи Кантора. Напрасно он огорчается по поводу отзыва Аронсона. Тот действительно «ходячая шпилька».

О Моцарте я сказал Сабанееву, он стоит на своем. По странному совпадению, я как раз накануне получения Вашего письма говорил с ним о Моцарте по другому поводу. В «Фигаро» появилась интересная статья о Моцарте Бруно Вальтера¹. Он говорит то же, что Вы, но меня удивило то, что он вершиной всей музыки считает «Волшебную флейту». Мне совестно сознаться, что я года три тому назад слышал ее в нью-йоркском Метрополитэн с изумительным ансамблем — и немного скучал. Еще лишний раз убеждаюсь, что очень не хватает мне музыкальной культуры при большой любви к музыке. Не только до Бруно Вальтера (о нем что уж говорить!), но и до Вас, не-специалиста, мне далеко, и гораздо больше, чем далеко. Жаль, очень жаль. Леонид Леонидович <Сабанеев> в своем суждении очень уж уверен. Говорит, что помнит и «Волшебную флейту» чуть не наизусть — и не слишком высоко ставит.

Когда Вы будете во Франции?

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный наш привет.

Понравилась ли Вам книга Варшавского?²

---

¹ Бруно Вальтер (полное имя до 1911 г. Bruno Walter Schlesinger; 1876–1962) — дирижер и композитор немецкого происхождения, с 1939 г. в США.

² Речь идет о только что вышедшей книге: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. О рецепции этой книги в эмиграции см. в недавнем переиздании: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М., 2010.*

115. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

13 апреля 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8^e

13/IV-56

Дорогой Марк Александрович

Я был сегодня у М.Л. Кантора, который показал мне Ваше письмо. В-первых, простите, что я Вам не ответил. Очевидно, это случилось из-за переезда из Англии в Париж, да, впрочем, при переписке не очень частой могло случить-

ся и вообще, особенно ввиду моей «дырявой головы». Мне казалось, что последним писал Вам я.

Во-вторых — о 1000 фр., о которых Вам рассказал Ляля <А.Я. Полонский>. Уверен, что Вы шутя написали Кантору о вопросе, как Вам быть. Это такие пустяки, о которых я сказал Ляле, только чтобы рассмешить его, и, вероятно, давно бы сам забыл об этом происшествии, если бы Ляля Штром¹ (т. е. Елена Николаевна) при каждой встрече, давась от смеха, не вспоминала: «А помните наш обед с М<арком> А<лександровичем>?» Она почему-то и тогда еще была настолько «развеселена» (не нахожу, какое тут нужно слово), что все не могла успокоиться и меня дразнила. А видел я ее совсем недавно, и опять она мне сказала то же самое.

Вон, passons².

В Париже я уже недели три и через дней 10 собираюсь обратно в Манчестер. Несколько раз видел Водова, который просил меня помочь ему в «демократизировании» его газеты. Очень занят был этим и В.В. Вырубов, но с птичьего полета и без каких-либо практических решений. В результате дня через три должна состояться встреча Водова с тремя «демократами», которые, по-видимому, будут при нем совещательной группой — Ермоловым (Дмитрием), Татариновым и Кантором. Я предложил это Водову, вопреки мнению Вырубова, в форме очень мягкой — т. е. «посмотрите, подойдет Вам это или нет». Но он согласился сразу, с большой охотой, чему я даже был удивлен. Предполагается, что «группа» будет раз в неделю собираться для обсуждения всего, что представится, — но насколько Водов подчинится ее указаниям, я еще не знаю. Судя по его характеру, вероятно, он сопротивляться ни в чем не будет, но есть ли за ним другие люди — для меня вопрос неясный еще. К сожалению, Татаринов едва ли в силах будет бывать регулярно. Я его не видел давно, он очень «сдал» и наполовину — развалина. По-видимому, ничего не имел бы против такой же роли Тер-Погосян, но пока — он еще в стороне. Кантора предложил не я, а Ермолов, и, по-моему, это хорошо, чтобы «группа» не была чисто масонской.

Но насколько все это будет реально и осуществимо — сказать трудно. Посмотрим, как пройдет первый «контакт». Ермолов утверждает, что Татаринов очень «полевел» (он его прежде считал чуть-чуть зубром). Ну, а Кантор скорей поправел. Кстати, в «Возрождении» должна будто бы появиться заметка о «Русск<ой> мысли», à savoir³, что мы думали до сих пор, что это газета правая, в нашей, гукасовской линии, а теперь сомнения нет — это «Последн<ие> новости» и линия миллюковская⁴.

Был вечер о Достоевском⁵, довольно тягостный во всех смыслах, но при полном зале. Меня интересовал Зеньковский, которого я даже и не видел никогда. Но ждал я от него много большего, и уж очень бездарно было все у него изложено, да и мыслей не много.

Кажется, новостей больше нет. Еще раз простите за неаккуратность с отчетом и за рассказ Ляли. У меня с ним всегда слегка балаганный тон, в таком порядке я ему это и рассказал.

До свидания, надеюсь, теперь довольно скорого, ибо лето близится, — чему я очень рад (хотя с уходом зимы уходит еще кусочек жизни). Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и не будьте на меня, дорогой Марк Александрович, в претензии.

Ваш Г. Адамович

---

¹ *Штрот* Елена Николаевна (урожд. Богданян; 1901–1962) — служащая. После революции в эмиграции в Париже, сотрудница «Последних новостей» (машинистка, администратор), работала в возглавлявшемся В.А. Маклаковым Русском офисе, после войны в русской секции Французского офиса по делам беженцев.

² Ладно, оставим (*фр.*).

³ известно (*фр.*).

⁴ В ближайших номерх «Возрождения» такой заметки не появилось.

⁵ Вечер памяти Ф.М. Достоевского к 75-летию его кончины был устроен Союзом русских писателей и журналистов в Париже 10 апреля 1956 г. (Salle Chopin, 8, rue Daru). В.В. Зеньковский выступил на вечере с докладом «Памяти Достоевского», а Б.К. Зайцев с докладом «Достоевский и Оптина пустынь». Через день, 12 апреля, Адамович сам выступил с докладом «О Достоевском» на собрании масонской ложи «Северная звезда» (8, rue Puteaux, Paris, 17^e).

116. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

17 апреля 1956 г. Ницца

17 апреля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба чрезвычайно рады тому, что Вы хоть летом приедете, — очень соскучились.

За мной бутылка шампанского, если Вы возвращения денег не хотите. А Ляля Штрот, право, могла бы тогда же мне сказать о проявленной мною рассеянности (которая вообще мне не свойственна).

Интересны Ваши сообщения о «Русской мысли». По совести говоря, я не очень вижу, какая польза может быть от какого-либо совещательного комитета при газете. Водов знает свое дело и ведет газету интересно. Лучше было бы, по-моему, если б Татаринов и Кантор писали в «Русской мысли» (Тер-Погосян не пишущий человек, — не знаю, как Ермолов?). Но состав намеченного комитета, думаю, хорош. Меня и самого интересует, может ли Водов *самостоятельно* распоряжаться в газете, т. е. без издателей, если таковые существуют? Вера Николаевна недавно мне писала, что, по ее мнению, правые читатели начнут бойкотировать газету (а левых мало). Боюсь, что это в самом деле возможно, — особенно если в «Возрождении» появилась или появится заметка, о которой Вы мне сообщили, и если «Русское воскресение» начнет тоже выходить раза три в неделю.

Прочел Вашу статью¹ о книге Варшавского. Эта статья, как я сказал и Сабанееву, даже не блестящая, а сверх-блестящая. По-моему, многое в ней и вполне справедливо, но, к сожалению, многое справедливо и в том, что написал о книге Вишняк². Я люблю Варшавского, он очень милый человек и хороший писатель, рад успеху его книги, однако меня, помимо указанного Вишняком, раздражило то, что он написал о Фондаминском. О Милюкове что уж говорить, — тут Варшавский просто пошел по давно проложенному пути. Но и Фондаминский, о котором написано вообще очень мало, был гораздо умнее и значительнее большинства людей, о которых В<аршавский> счел нужным так подробно писать. И если принять во внимание и всю его жизнь и смерть, если подумать, что знают Фондаминского так мало, то это якобы благожелательное или даже «дружественное» воспоминание о нем, с явным намеком, будто он был глуп, — очень нехорошо. Да и все «незамеченное» (!) поколение, вдобавок, очень, очень многим обязано Фондаминскому. Конечно, не пишите об этом моем мнении Владимиру Сергеевичу, — я после некоторого колебания решил ему об его книге не писать, именно по этой причине. Книгу мне Чеховское издательство прислало без авторской надписи, то есть от себя, и я, значит, могу его (Варшавского) не благодарить.

В «Русской мысли» был только очень краткий отзыв³ о вечере памяти Достоевского, — по-видимому, автор отчета (не подписанного) был того же мнения, что Вы. Неужели Зеньковский был так слаб? Книга его об истории русской философии⁴ ценна и беспристрастна. Он очень ученый человек. Мы с ним когда-то учились в университете, но он был тремя курсами старше меня, а с тех пор я его ни разу не видел. В ту пору он был, как и я, на физико-математическом факультете. Тем более удивительно, что в истории своей он даже не упомянул о Лобачевском⁵ и Чебышеве!⁶ Между тем *философское* значение их трудов много больше, чем значение многих профессоров философии, которые уж для *западного* мира не имеют никакого значения и ему совершенно не известны.

Не имеете ли Вы сведений о том, чем кончилось последнее (именно последнее) обращение Чеховского издательства за деньгами к какому-то богачу? Знаю об этом обращении из статьи Вейнбаума⁷. Больше ничего не знаю. Сабанеев (помнится, и Вы?) говорил мне, что природа и литература пустоты не терпят, что какое-либо издательство, конечно, *будет*. Пока не видно. Пора нам всем на кладбище — во всех смыслах: какие же писатели, если на своем языке не издаются. И тут тоже Вы справедливо нас хороните в «Р<усской> м<ысли>»⁸.

Вера Николаевна сообщила мне, что начала получать деньги (меньше, чем ожидала) за книги И<вана> А<лексеви>ча, но о цифре скромно умолчала, что и несколько обидно. Сообщила ли Вам?

Оба шлем Вам, дорогой Георгий Викторович, самый сердечный привет.

---

¹ Адамович Г. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

² Вишняк М. О «незамеченном поколении» // Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3, 4.

³ Русская мысль. 1956. 17 апр. № 887. С. 4.

⁴ Зеньковский В. История русской философии: В 2 т. Париж: УМСА-Press, 1948–1950.

⁵ Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии.

⁶ Чебышёв Пафнутий Львович (1821–1894)— математик и механик, один из основоположников теории приближения функций.

⁷ Публикация не выявлена.

⁸ По-видимому, Алданов имеет в виду большую, на два газетных номера, статью о неуклонно снижающемся литературном уровне эмигрантской печати: Адамович Г. После войны // Русская мысль. 1956. 5 апреля. № 882. С. 4–5; 12 апр. № 885. С. 4–5.

117. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

1 мая 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road

Manchester 14

1 мая 56 г.

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я получил его в Париже, а отвечаю из Манчестера. Кстати, слышал от Любови Алекс<андровны>, будто Вы в Париж собираетесь. Вы ничего об этом не пишете.

Веру Ник<олаевну> я видел два или три раза, но не с глазу на глаз, и <о> своих делах она мне ничего не говорила. По сведениям Каплана¹ (Дом книги), к началу переговоров имевшего близкое отношение, она получает каждый месяц 50–60 тысяч. Он лично будто бы посоветовал кому следует назначить ей вроде пенсии вместо единовременной большой выдачи. Но едва ли это — результат его совета. По-моему, это расчет хитрый и с «их» точки зрения верный: для всего дальнейшего — она у них в руках, или «пенсия» прекратится.

В «Русской мысли» демократизация в полном ходу. Видели ли Вы передовую Водова о «непримиримости к февралю»², т. е. о собрании на эту тему? По-моему, он даже слегка переусердствовал в демократизме и действительно может испугать своих читателей. Татаринцов, кажется, уже сотрудничает. Кантор собирается говорить с Водовым о «культурном» уровне газеты и, в частности, о нашем общем знакомом А.А. Шике³, который человек не плохой, но не может же писать сегодня о Гомере, затем о Пикассо или Гиндемите (о Гомере была недавно его статья с совершенно уморительным началом, вроде того, что «Илиада» — «одно из известнейших произведений в мировой литературе». Видели Вы ее?). Я спросил Водова, в последнее свое с ним свидание: скажите, кто у вас читает стихи? Он радостно ответил: «О, насчет этого будьте спокойны, все стихи проходят через Бор<иса> Конст<антиновича>». Я не беспокоюсь, но стихи — ужасны, впрочем, не хуже, чем в «Н<овом> р<усском> с<лове>».

О Чеховском изд<ательстве> знаю мало. По всему, что слышал, конец решен и неотвратим.

Только что читал рецензию Карповича на книгу Варшавского (в корректуре «Опытов»⁴). Очень одобрительно, но с оговорками. Варшавский стал знаменитостью⁵, в эмигрантских размерах, и я этому рад. О Фондаминском он написал действительно несправедливо, хотя мое личное впечатление от него (но я его мало знал, хотя часто встречал) было все-таки ближе к его мнению, чем к Вашему. Несправедливо то, что при поклонах и реверансах во все стороны Варшавский к нему оказался так требователен, и невольно думаешь, что если бы Ф<ондаминский> был жив, все было бы иначе. Впрочем, *c'est la vie*⁶, удивляться нечему, а я и не осуждаю В<аршавского>, п<отому> что сам себя не раз ловлю на том же самом⁷.

В Манчестере на лето еще не похоже, даже и на весну — маловато. Но этому тоже удивляться нечего.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Если действительно едете в Париж, желаю приятно провести время. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Каплан Михаил Семенович (1894–1979) — владелец книжного дела в Париже (магазина «Дом книги» и одноименного издательства). Подробнее см.: *Гузевич Д. Парижский «Дом книги» (Михаил Каплан) // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе: В 2 кн. Кн. 2 / Сост., ред. и изд. М. Пархомовский; науч. ред. и сост. Д. Гузевич. Иерусалим, 2002. (Русское еврейство в зарубежье. Т. 4 (9)) С. 98–110.*

² Публикация не выявлена.

³ Шик Александр Адольфович (1887–1968) — юрист, литератор, общественный деятель. До революции помощник присяжного поверенного, член партии кадетов; с 1924 г. в эмиграции в Риге, затем в Берлине, с 1933 г. в Париже; в годы Второй мировой войны доброволец французской армии, затем участник Сопротивления, после войны сотрудник «Русской мысли» и «Нового журнала», товарищ председателя правления Союза русских писателей и журналистов. Автор книг об А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, Д.В. Давыдове.

⁴ О книге В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956) Карпович отозвался весьма одобрительно (Опыты. 1956. № 6. С. 101–104).

⁵ Подробнее об этом см. в приложении к переизданию книги: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М., 2010.*

⁶ такова жизнь (*фр.*).

⁷ Вскоре Адамовичу пришлось объясняться с М.В. Вишняком по поводу упоминания Фондаминского в собственной статье. Подробно см.: «Не будьте на меня в претензии...»: Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг. / Публ. О. Коростелева // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 418–435.*

118. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

10 мая 1956 г. Ницца

10 мая 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Действительно, «Русская мысль» теперь вполне либеральная газета. Видел я и передовую о «непримиримых к февралю», очень был рад и ей, тем более что она не первая у них в этом роде. Хвалят газету и Маклаков, и Кускова, и Титов, находящийся сейчас в Канне. Он только (и не он один) немного недоумевает: откуда берутся деньги? Никто из них никакого «подозрения» в этот вопрос не вкладывает: ни малейшего. Спрашивают из простого любопытства и из давнего соображения: эмигрантское издание окупаться не может. Я отвечаю правду: насколько мне известно (со слов Водова), газета как-то сводит концы с концами.

Художественная сторона газеты. Чего же Вы и Кантор хотите? Ухода Шика? Раздела его тем между другими? Где их взять среди людей, постоянно живущих в Париже, — а ведь для рецензий о концертах, спектаклях и выставках надо жить в Париже и писать быстро. Я, например, очень хотел бы, чтобы музыкальные рецензии писал Сабанеев, человек теперь в эмиграции наиболее компетентный. Кажется, и ему очень хочется писать и в «Русской мысли», но уж музыкальные рецензии в Ницце писать не о чем. Кроме того, у него есть свой недостаток: он очень «безжалостен». Читали ли Вы, например, его статью о Гречанинове, на днях появившуюся в «Новом русском слове»?¹ Вероятно, все в ней справедливо, но я не сомневаюсь, что она в Нью-Йорке вызвала негодование, тем более что Г<речанинов> только что умер. Сабанеев и свои воспоминания, почти всегда умные и интересные, пишет так, что люди переворачиваются в могилах. Собираюсь его просить не писать обо мне некролога! Или стихи? Мне тоже не нравятся обычно стихи, печатающиеся не только в газетах, но и в журналах (вполне признаю мою *гораздо* меньшую тут компетентность по сравнению с Вами), но где же Зайцеву находить поэтов? Вы, к общему сожалению, стихов не печатаете, то же можно сказать еще о двух или трех поэтах, не появляющихся в газетах. Я все это к тому говорю, что, по-моему, бесполезно *так* ставить вопрос в разговорах с редакторами: надо указывать людей.

Чеховское издательство кончено. Вчера я прочел в «Русской мысли» отрывок из статьи Карповича² с прямым указанием, что оно кончено. Кускова мне не в первый раз на днях написала, что «все» в этом вина (и «очень сильно ругают») меня!! Если б я, мол, в свое время принял предложенную мне Вреденом должность, то издательство продолжало бы существовать!!! Это, разумеется, лестная брань, только это совершенный вздор, не стоит и отвечать.

Да, Вы, видно, мало знали Фондаминского, а я знал его хорошо. Но об этом мы не раз говорили. Вы пишете, что о покойнике Варшавскому было говорить легче, чем о живых. Именно. Однако его никто не заставлял и вообще говорить о Фондаминском, — да он о нем ничего умного и не сказал. И расхвалил некоторых

покойников, которые — говоря совершенно объективно — никак этого не стоили и в политическом, и во всех других отношениях.

В конце концов, Вера Николаевна несколько не обязана была говорить и Вам, и мне, сколько ей заплатил или заплатит Госиздат, но *могла бы* нам сказать. А то это мне немного напомнило Алексея Толстого, — долго рассказывать, и Бог с ней. Рад, что она не будет нуждаться. А известно ли при Вас было другим писателям в Париже (Зайцеву, напр<имер>), что она начала получать деньги? Титову *было* известно, — не от меня, а от нее. Между тем В<ера> Н<иколаевна> заклинала мою сестру никому не говорить! (Меня не заклинала и даже не просила об этом.) Говорила ли она с Вами о «Лене» и его рассказах? Кстати, что же Вы о них думаете? Вы меня спрашивали.

Наконец, в Ницце превосходная погода. Приезжайте поскорее. Мы в Париже будем в июне, не раньше. Встретимся ли там?

Оба шлем Вам, дорогой Георгий Викторович, самый сердечный привет.

Читали ли Вы фальшивку «Лайф» о Сталине? Дело не в том, что фальшивка, а в том, что исторически безграмотная. Хороша А.Л. Толстая, давшая «полную гарантию»!³

---

¹ Сабанев Л. О Гречанинове // Новое русское слово. 1956. 6 мая.

² В «Русской мысли» был напечатан фрагмент «Комментариев» М. Карповича, посвященных 15-летию «Нового журнала» и целиком опубликованных в № 44: Карпович М. О «Новом журнале» // Русская мысль. 1956. 8 мая. № 896. С. 4–5.

³ 18 апреля 1956 г. А.Л. Толстая провела пресс-конференцию, на которой предала гласности письмо Департамента полиции, должное свидетельствовать о сотрудничестве И.В. Сталина с царской охранкой. В тот же день вышел номер журнала «Лайф» (датированный 23 апреля) со статьей Исаака Дон-Левина, в которой воспроизводилось письмо: *Don Levine I. An authority on the Soviet presents a document implicating Stalin as czarist spy // Life Magazine. 1956. 23 Apr. P. 11–14.* Б.И. Николаевский и Н.В. Валентинов-Вольский сразу назвали документ фальшивкой.

119. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

22 мая 1956 г. Манчестер

Manchester
104, Ladybarn Road
22/V-56

Дорогой Марк Александрович

Я получил сегодня «Р<усскую> мысль» и увидел, что там появилась Кускова¹. Дальше в демократизации идти Водову некуда! Не исполните ли Вы его страстную мечту и не дадите ли ему что-нибудь? Пишу об этом без всякого с его стороны вмешательства, а просто так, — вспомнив мои с ним разговоры. Верно то, что Вы и в «Н<овом> р<усском> с<лове>» пишете чрезвычайно редко, — а это было Вашим главным доводом.

Насчет денег — т. е. откуда в «Р<усской> м<ысли>» — наводил справки Вырубов и пришел к заключению успокоительному. Но денег там мало, отчасти — я умаю — оттого там так процветает Шик: он денег не требует. Если бы писал Сабанеев, было бы очень хорошо. Кстати, я не нашел ничего «возмутительного» в его статье о Гречанинове. Никто ведь Гречанинова великим музыкантом не считал, и в конце концов, «aux morts on ne doit que la vérité»².

Вопреки Вам я уверен, что если бы Вы были на месте Александровой, Чех<овское> изд<ательст>во еще не скончалось бы. Вы считаете, что это «вздор, не стоит и отвечать» (Кусковой). Нет, с Вами и при Вас все было бы иначе, да и вес у изд<ательст>ва был бы другой. Я пишу это не для того, чтобы сказать Вам что-либо «лестное», а потому, что это правда.

Читали ли Вы в «Н<овом> журнале» М. Иванникова³ (кто это?) — «Правила игры»⁴. По-моему, очень талантливо, но до невозможности «воняет литературой» и похоже на Андрея Белого. А о Зурове — отвечаю на Ваш вопрос — я думаю, что его рассказы тоже талантливы и со всякими живописными достоинствами, но приторны в своей «русскости»: наше русское небо, русские птицы — *et ainsi de suite*⁵. Сами знаем, что русские, незачем напоминать. И наши птицы ничем не лучше других.

Очень рад, что Вы в июне думаете быть в Париже. Я надеюсь быть там между 15 и 20, не позже. Шлю низкий поклон и сердечный привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Публикация не выявлена.

² «о мертвых только правду» (*фр.*). Неточная цитата из трагедии Вольтера «Эдип» (1718). У Вольтера: «On ne doit que la vérité aux morts» (*Voltaire. Oedipe. 2de éd. Préface. Note 20 de la première des huit lettres.*)

³ *Иванников* Михаил Дмитриевич (1904–1968) — прозаик. С середины 1920-х гг. участник пражских литературных объединений «Далиборка» и «Скит», с 1934 г. участник белградского кружка «Литературная среда», печатался в «Последних новостях», «Современных записках», «Новом журнале». Подробнее о нем см.: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; сост., биогр. Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М., 2006. С. 247–249; см. также: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М. Иванникова «Дорога» // Вторая проза: Сб. ст. Таллин, 2004. С. 246–284; *Он же.* Как сделаны «Правила игры» М. Иванникова // Диаспора: Новые материалы. IX. Париж; СПб., 2007. С. 253–295.

⁴ *Иванников М.* Правила игры // Новый журнал. 1955. № 44. С. 5–21. Новую повесть Иванникова Адамович очень высоко оценил как в печати: «“Правила игры” — вещь на редкость талантливая» (*Адамович Г.* «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 3), так и в частной переписке, спрашивая Ю.П. Иваска 5 июня 1956 г.: «Читали Вы Иванникова в “Но<вом> журнале”? Смесь Сирина с Белым, но очень талантливо, хотя “воняет литературой” за сто верст. <...> Кто этот Иванников? Если он не стар, это настоящий писатель» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску: 1935–1961 / Публ. Н.А. Богомоллова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 485–486). Об отношении Адамовича к Иванникову и его отзывах (устных и печатных) подробно см.: *Данилевский А.А.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова. С. 253–295.

⁵ и так далее (*фр.*).

120. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

2 июня 1956 г. Ницца

2 июня 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Я чрезвычайно рад тому, что Вы будете в Париже между 15 и 20 июня. В это время буду и я, остановлюсь у моей сестры. Татьяна Марковна приедет немного позднее, и тогда мы переедем в гостиницу.

Рассказ Иванникова и мне показался талантливым, — немного, правда, под Сирина, но ведь и Сирин этот жанр создал только в *нашей* литературе. Он большой мастер, но подражать ему трудно. Вы спрашиваете, *кто* он (Иванников). Меня этот Ваш вопрос смутил. Когда-то в «Современных записках», по-моему, появились два рассказа Иванникова, и их заметили и очень хвалили¹. Я думал, что это тот самый? Больше ничего не знаю. Как Вы отнеслись к статье Маркова «Моцарт»?² Мне в свое время очень понравились воспоминания этого автора (не знаком с ним) о петербургских студентах в советское время³. Я о них даже кое-кому в письмах говорил, — кажется, Полякову и др. Если хотите, литературный дар виден и в «Моцарте», но уже так «изысканно», что сил никаких нет. Нарочно показал эту статью Леониду Леонидовичу. Он прочел и сказал, что автор в музыке, видно, ничего не понимает. Каково Ваше мнение?

Вы были недовольны стихами «Русской мысли». Поэтому привожу стихи поэта Юрия Каменецкого⁴, напечатанные на самом видном месте совсем недавно в «Советской культуре» (привожу только начало):

Ленин — это весны цветенье,
Ленин — это победы клич,
Славься в веках, Ленин,
Наш дорогой Ильич

и т. д. Стихи имеют огромный успех и уже положены на музыку каким-то советским композитором⁵. Ловкие люди, что и говорить.

Искренно рад тому, что Вы появились в «Новом журнале»⁶, — но жаль, что, по-видимому, уже в пору его агонии. Многое Вам простится за страницы о «Двенадцати», — если у Вас есть литературные грехи. А я, многогрешный, вдобавок прозаик, «э рьен ке⁷ прозаик», и в 1918 году *никак* не сравнивал эту поэму с «Медным всадником»⁸ и писал о ней тогда в книге⁹ то же самое, что писал Вам в письме о суждении великого мыслителя о гибели «Титаника». Знаю, что Вы меня сочтете за это Геростратом, самодовольным святотатцем или, в лучшем случае, просто дураком.

Вы, конечно, тоже получили циркулярное письмо от Чеховского издательства о ликвидации наших книг. Кускова почему-то страшно возмущена. Я принял предложение издательства и только в частном порядке просил Мрс. Планта

прислать мне бесплатно не 20 экземпляров каждой моей книги, как она предлагает, а только 10, вместо же вторых 10 — 10 экземпляров каких-либо других их изданий, хотя бы по их выбору. Вероятно, они и этого не сделают по их рутинности.

Чрезвычайно меня огорчила кончина Мельгунова¹⁰. Все-таки я знал его без малого 40 лет...

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожеланья.

¹ Адамович и сам до войны несколько раз писал о прозе Иванникова («Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // Последние новости. 1935. 21 февр. № 5082. С. 3; «Современные записки». Кн. 61. Часть литературная // Там же. 1936. 30 июля. № 5606. С. 3; «Современные записки», кн. 65. Часть литературная // Там же. 1938. 20 янв. № 6144. С. 3; поначалу встретив ее неодобрительно, но позже признав автора «приобретением для нашей здешней литературы и, может быть, даже писателем с большим будущим» (Адамович Г. «Современные записки», № 66. Часть литературная // Там же. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3).

² Марков В. Моцарт // Новый журнал. 1956. № 44. С. 88–113. Почти одновременно была опубликована статья Адамовича с тем же названием (Адамович Г. Моцарт // Новое русское слово. 1956. 20 мая. № 15667. С. 3). В печати Адамович о статье Маркова отозвался отрицательно: «Три-четыре оригинальных замечания тонут у Маркова в море суждений опрометчивых, скороспелых, а порой и фактически ошибочных. Стиль статьи, к сожалению, соответствует ее внутреннему складу. Досадно видеть под ребяческими, мнимопоэтическими красотами и эффектами, которыми “Моцарт” в изобилии приправлен, подпись подлинного поэта» (Адамович Г. «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 4–5). 8 июня 1956 г. Марков писал Г.П. Струве: «Все-таки мой “Моцарт” сильнее (думаю, что могу тут быть объективным) его очень слабой статейки о Моцарте в “Н<овом> р<усском> с<лове>” (может быть, тут “соперничество”, и он на моего “Моцарта” реагирует, как Сальери?)» (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers). 12 июля 1956 г. Ю.К. Терапиано писал В.Ф. Маркову: «Я говорил с Адамовичем о Вас, в частности, — по поводу “Моцарта”. А<дамович> утверждает, что у Вас, по его мнению, недостатки: 1) “многословие” и второй: “самоуверенная легкость” (плод молодости — он думал, что Вы оч<ень> молоды). Зато хвалил Ваши воспоминания (“...in Arcadia”)...» («В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 269).

³ Марков В. Et ego in Arcadia // Новый журнал. 1955. № 42. С. 164–187.

⁴ Каменецкий Юрий Семенович (р. 1924) — советский поэт-песенник.

⁵ «Песня о Ленине» на слова Ю. Каменецкого была положена на музыку композитором Александром Николаевичем Холминовым (р. 1925). Алданов приводит четверостишие, ставшее припевом.

⁶ Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87.

⁷ От фр. et rien que — и не кто иной, как.

⁸ Алданов имеет в виду рассуждения Адамовича в статье: «При появлении “Двенадцати” блоковскую поэму сравнивали с пушкинской и без колебаний приписывали ей одинаковое значение в нашей литературе. Было действительно в ней что-то опьяняющее, затруднявшее беспристрастный анализ — кто же станет это отрицать? Откровенно признаюсь, что и мне в те годы параллель “Медный всадник” — “Двенадцать” не казалась пре-

увеличенной, а если я об этом упоминаю, то лишь для того, чтобы избежать подтасовки фактов во всем знакомом жанре: “я всегда утверждал”, “я и тогда предвидел” и так далее. Но поэма выдохлась. Она насыщена злободневностью и потому увяла, обветшала. В ней нет, — как бывало в лучших стихах Блока, — второго подводного течения, не говоря уже о волнах таинственной и вещей музыки, поднимавшейся когда-то из глубин его сознания. Все ясно, нечего перечитывать. Остроумно, в особенности начало, но как-то непривычно мелко, бойко, чуть-чуть плоско и суетливо» (Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 85).

⁹ «Певцом “великой пролетарской зари” оказался г. Александр Блок. Почему этот подлинный поэт очутился в числе соперников г. Демьяна Бедного, может быть, не совсем понятно. Но нетрудно отыскать в таком представительстве символику, если принять во внимание юношескую свежесть и девственную чистоту таланта г. Блока. <...> Звезда, павшая с неба и воплотившаяся в прекрасную незнакомку, была, как известно, просто уличной женщиной. Органически кошунственный талант мог возвести октябрьскую революцию в перл создания» (Алданов М. Армагеддон. Пг., 1918).

¹⁰ Историк Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) скончался от тяжелой формы рака горла 26 мая 1956 г. в предместье Парижа Шампиньи-сюр-Марн.

121. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

14 июля 1956 г. Ницца

14 июля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Иду на Вы: в пятницу 20 июля часов в пять буду в кафе «Моцарт», — уже известил Леонида Леонидовича <Сабанеева>. Приходите. Я буду скучно, длинно, мучительно нудно рассказывать о каждом заседании, банкете и приеме. Это займет, думаю, часов 20 или 30. Что же тут такого? Будем ночевать там же в кофейне и с утра я буду возобновлять рассказ. Правда?

Оба (и Гаскели¹) шлем Вам самый сердечный привет.

---

¹ Сестра жены Алданова Вера Марковна Зайцева в 1926 г. вышла замуж за балетного критика и исследователя балета, впоследствии директора Королевской школы балета Арнольда Хаскелла (Haskell; 1903–1980). Сестры часто навещали друг друга и любили отдыхать вместе.

122. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

19 августа 1956 г. Ницца

4, avenue Emilia
c/o Lesell
Nice
19/VIII-56

Дорогой Марк Александрович

Прилагаю часть письма Д.Н. Ермолова, которое получил вчера. Я его увижу в четверг, и был бы рад передать ему Ваше мнение по интересующим его вопросам.

Приду в café Mozart во вторник ровно в 5 часов. Может быть, Вы были бы добры прийти тоже за четверть или полчаса до общей встречи, чтобы поговорить об этом?

Merci d'avance¹.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Спасибо заранее (фр.).

123. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

26 сентября 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
26 сент<ября> 56

Дорогой Марк Александрович

Я как раз собирался Вам писать, а сегодня получил Ваше письмо. Адреса Чеквер¹ я не знаю, но узнаю его — и письмо Ваше перешлю. Она была летом в Hôtel Jeriba, но давно уже уехала в Америку.

В Париже я уже почти две недели. У Любовь Александровны <Полонской> был несколько раз. Она, по-моему, в меланхолии, отчасти из-за смерти одной из кошек. Но, может быть, есть и другие причины. Сегодня — или вчера — вернулась Вера Николаевна и через Бахраха просила меня зайти: Зуров будто бы «хочет рассказать о Швейцарии»². А я как раз чрезвычайно люблю рассказы путешественников! У Иванова я был в Нуёгес совсем мимолетно³. Статьей⁴ моей она очень довольна, в чем я далеко не был уверен. Он — совсем развалина, с tension⁵ 28–29. Она, кстати, прислала мне докторское свидетельство, что ему южный климат вреден. Я видел Вырубова и говорил с ним опять о их переводе в Париж. Он что-то предпринимает, но, по его словам, Долгополов заявил, что в тот день, как Иванов будет в одном из здешних домов, он подает в отставку.

Вот, кажется, все новости. Вернее — новостей нет. М^{ме} Вольская⁶ полна Вами и ни о чем другом не говорит, впрочем, ревнуя Вас к Яконовскому⁷, который будто бы считает Вас теперь своим ближайшим другом⁸. Это — в порядке сплетен и отсутствия сплетен более интересных.

Я тоже в меланхолии — из-за осени, близости Манчестера, дальности Ниццы и всего такого. А отчасти и из-за того, что с каждым годом жизни остается все меньше. Это, конечно, мысль новая и глубокая, но я ею занят, и еще занят тем, что делаю из нее всякие выводы.

Простите за болтовню. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович и от всей души желаю Вам и Татьяне Марковне здоровья и благополучия. Когда начнет печататься Ваш роман? То, что у Вас «24 часа в сутки свободны», продлится, вероятно, недолго: *je ne vous vois pas*⁹ без всяких писаний и планов. Отчасти я Вам в этом завидую, т. е. Вашей страсти к работе, — потому что меня безделье ничуть не тяготит. Скорей наоборот.

Ваш Г. Адамович

---

¹ Чеквер Рахиль Самойловна (псевд.: Ирина Яссен; 1893–1957) — поэтесса, издательница, меценатка. С 1923 г. в эмиграции в США, член редколлегии журнала «Новоселье» (1942–1950), составительница (совместно с Ю.К. Терапиано и В.Л. Андреевым) антологии «Эстафета» (1948), основательница и фактический директор (в 1949–1957 гг.) издательства «Рифма».

² 12 августа 1956 г. Бунина и Зуров выехали из Парижа в Швейцарию, Вера Николаевна остановилась в Туне, а Зуров отправился в Бриенц, а потом путешествовал по другим городам. Встретились они в первой половине сентября у Татьяны Сергеевны Конюс (урожд. Рахманинова; 1907–1961), младшей дочери С.В. Рахманинова, жены Бориса Юльевича Конюса (1904–1988), в Сенаре, усадьбе, построенной отцом на берегу Люцернского озера. 21 сентября 1956 г. оба выехали обратно в Париж; см. дневник Буниной (Leeds. MS.1067/432), а также письмо Зурова Милице Грин от 15 сентября 1956 г. (Leeds. MS. 1068/2621).

³ Адамович приезжал в Йер к Ивановым на несколько часов 13 сентября 1956 г. по дороге из Ниццы в Париж (см. его сентябрьские письма к ним: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 490–491).

⁴ Вероятно, речь идет о рецензии на 44-ю книгу «Нового журнала», в которой Адамович отозвался, в частности, и о стихах Г.В. Иванова, опубликованных в этом номере: «Четырнадцать стихотворений Георгия Иванова объединены общим названием “Дневник”. И это действительно дневник, если угодно, повесть о чем-то очень личном, очень смутном и очень горестном. <...> Не так часто поэзия, полностью оставаясь поэзией, перестает быть литературой в верленовском, условном, отрицательном значении слова, чтобы можно было ею не заслушаться. <...> Послевоенные стихи Иванова — замечательное явление в нашей литературе. Тихим, приглушенным, вкрадчивым голосом, с причудливым, тончайшим смешением иронии и лиризма, с какими-то неожиданно — “достоевскими”, — из “Кроткой” или из “Бобка”, — интонациями в мелодии, он ведет монолог, ни от кого и ни откуда не ожидая отклика или ответа. Меньше всего от судьбы» (Адамович Г. «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 4–5).

⁵ давление (фр.).

⁶ *Вольская* Нина Борисовна (урожд. Лилиенфельд фон Тоаль; 1891–1957) — литератор. В эмиграции в Ницце, после войны в Париже, сотрудничала в «Иллюстрированной России», «Русской мысли» и «Возрождении».

⁷ *Яконовский* Евгений Михайлович (1903–1974) — инженер, литератор, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Югославии, затем во Франции, работал инженером-механиком, сотрудничал в «Возрождении»; после войны сотрудник «Граней», «Русской мысли» и «Русского воскресения», секретарь редакции и член редколлегии журнала «Возрождение» (1953–1956).

⁸ Адамович намекает на статью Яконовского, в которой Алданов был назван «мэтром русского романа, духовным наследником Толстого и величайшим русским писателем двадцатого века... одним из любимейших... авторов всех времен» (*Яконовский Е. Глазами читателя // Русское воскресение. 1956. № 56–57. 12–19 июля. С. 4.*)

⁹ я не вижу Вас (*фр.*).

124. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1956 г. Манчестер

20/X-56
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович,

Получил сегодня Ваше письмо — и отвечаю сразу. Мне жаль, что Вы решительно отказались от «банкета»¹. Водову чрезвычайно хотелось его устроить, хотя он и соглашался, что это не должен был быть банкет «Русской мысли» (т. е. — по инициативе «Р<усской> м<ысли>»). Он боялся, что сам — плохой организатор, и думал взять в помощницы С.Ю. Прегель, устроительницу чествования Даманской, где все было «au dessus de la mêlée»². Должно было все происходить в каком-нибудь русском ресторане, конечно, — в отдельном зале, и, м. б., прошло бы неплохо. Водов считал, что, кроме Сперанского — ораторов «настоящих» нет. Но, видя, что я от этого не <в> восторге, решил выписать Степуна.

Ну, теперь все это — в прошлом. Но жаль. Кстати, Цвибак писал мне, что не сочувствует устройству «банкета» в Нью-Йорке — т. к. было бы серо и провинциально, и что он Вам свое мнение сообщил. Может быть, Вас это и испугало? Я думаю, что в Нью-Йорке было бы изобилие ораторов, и Цвибак оказался бы прав. Ну, а в Париже, если один Степун, несколько слов Зайцева и еще что-нибудь короткое — было бы, может быть, иначе. (Кстати, по поводу страхов Цвибака. Вы не любите Розанова, но у него где-то есть удивительная страница о похоронах Толстого: как разные адвокаты спешили на всякие траурные собрания: «Вы будете говорить?» — «N.N. будет говорить, я тоже буду говорить...»³)

Прочел сейчас 80-летие генерала⁴ — и спешу ему написать. Я думал, что это событие еще не скоро. У меня к нему живейшая симпатия, да я и юбилей Леон<ида> Леон<идови>ча пропустил⁵ — и только третьего дня написал ему!

О Гумилеве и Блоке.

Маковский или все забыл, или умышленно «искажает истину»⁶.

Гумилев неизменно отзывался о Блоке как о самом большом современном поэте, — но, правда, любил, чтоб ему возражали, и это всегда было видно по его лицу. Он ведь с Блоком соперничал и литературно враждовал. Думаю, что он чуть-чуть и ревновал к его славе и престижу. Отзывы в печати, по крайней мере в последние 10 лет, были всегда восторженно-почтительные, хотя и с оговорками насчет того, что «символизм» — это прошлое, а теперь эпоха «акмеизма». Я помню дословно отзыв в «Аполлоне» того же Маковского, где Гумилев писал по поводу Блока о «достойном Байрона царственном безумии, влитом в полновзвучный стих»⁷.

А Байрон был для Гумилева *un dieu*⁸, как сочетание поэта с героем и тип «короля жизни». Позднее он так же восхищался д'Аннунцио, т. е. по той же причине.

А что Блок был глуп, — я бы ответил: дай Бог всякому! Тупость в нем, м. б., и была, но в соединении с чем-то близким к мудрости. Никакой «быстроты ума» у него, конечно, не было. Но это свойство не столь ценное, по-моему, если не считать Пушкина и людей его склада. А если Блок иногда и говорил глупости («океан»), то потому, что не успел отрясти прах глупого окружения и глупой эпохи. Он ведь и воротнички носил особо поэтические с особыми галстуками. Все это — не он, а то, что ему навязали.

Кстати, и Гумилев не был глуп, хотя держался Бог знает как и на людях, *roué érater*⁹, говорил чепуху. А когда не ломался, был тоже — дай Бог всякому!

Вам, верно, надоело читать эту литературу. Простите! Но Вы меня сами на нее вызвали.

Получил опять милое письмо о Кусковой. (Сегодня прочел в статье Жерби¹⁰: «незабвенная Е.Д.»!!)

До свидания, дорогой Марк Александрович. Когда Вы собираетесь в Париж? Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

Вере Николаевне пишу покаянное письмо. Действительно, я у нее не был — не знаю, как и почему!

---

¹ Речь идет о 70-летнем юбилее М.А. Алданова, родившегося 7 ноября (26 октября ст. ст.) 1886 г. «Русская мысль» 6 ноября выпустила к юбилею номер со статьями об Алданове Г.В. Адамовича, В.А. Маклакова, Е.Д. Кусковой, Б.К. Зайцева, С.А. Водова и др.

² над схваткой (*фр.*).

³ Адамович имеет в виду запись В.В. Розанова в «Уединенном» (1912): «Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России. <...> О Толстом никто не помнил: каждый сюда бежал, чтобы вскочить на кафедру и, что-то проболтав, — все равно что, — ткнуть перстом в грудь и сказать “Вот я, Добчинский, живу, современник вам и Толстому. Разделяю его мысли, восхищаюсь его гением, но вы запомните, что я именно — Добчинский, и не смешайте мою фамилию с чьей-нибудь другой”. <...> В воздухе вдруг пронеслось ликование: “И я взойду на эстраду”. Шум поднялся на улице. Едут спешат: “Вы будете говорить?” — “И я буду говорить” — “Мы все теперь будем говорить”. <...> Это продолжалось, должно быть, недели две. И в эти две недели вихря никто не почувствовал позора».

⁴ 16 октября (4 октября ст. ст.) 1956 г. исполнилось 80 лет общему приятелю Адамовича и Алданова генерал-майору Е.В. Масловскому.

⁵ Л.Л. Сабанеев родился 1 октября (19 сентября ст. ст.) 1881 г. и отмечал свой 75-летний юбилей.

⁶ По-видимому, речь идет о какой-то газетной статье Маковского (первопубликация не выявлена). Вскоре статья «Николай Гумилев» была опубликована в журнале (Грани. 1957. Окт. – дек. № 36. С. 132–152), а позже статьи С.К. Маковского «Александр Блок (1880–1921)» и «Николай Гумилев (1886–1921)» были включены в его книгу «На Парнасе серебряного века» (Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР, 1962. С. 143–175; 195–222).

⁷ В рецензии на «Антологию» книгоиздательства «Мусает» (М., 1911) Гумилев писал: «Александр Блок является в полном расцвете своего таланта: достойно Байрона его царственное безумие, влитое в полнозвучный стих» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 7. С. 76*).

⁸ бог (*фр.*).

⁹ для эпатажа (*фр.*).

¹⁰ *Жерби А.* (наст. имя Людвиг Григорьевич Герб; 1873–1966) — журналист, социал-демократ. После революции в эмиграции; с 1932 г. жил в Ницце, с 1941 г. в США, сотрудник «Нового русского слова» и «Русской мысли». Упомянутая Адамовичем его статья не выявлена.

125. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

4 ноября 1956 г. Манчестер

4/XI-56
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович,

Ко дню Вашего рождения от всей души желаю Вам благополучья, здоровья и долгой хорошей жизни. Иногда желают прожить «столько же!» В нашем с Вами возрасте это, пожалуй, желание и мечтание «бесмысленные». Сколько Бог даст, за все спасибо — но главное, прожить без забот и болезней, передайте, пожалуйста, мое сердечное и самое искреннее поздравление Татьяне Марковне: я уверен, это и ее праздник. Судя по интервью, Вы в этот день пойдете в синема, но, наверно, перед этим посидите с друзьями в Café Mozart, куда я пришел бы, не будь Ницца так далека.

Не пишу ничего больше, т. к., наверно, Вы получите сотни писем, значит, не надо юбиляра утруждать. И, пожалуйста, Марк Александрович, не отвечайте мне! Вы знаете, что я всегда рад Вашим письмам, но в эти дни Вам, вероятно, придется писать с утра до вечера, а я, право, не обижусь, если Вы мне напишете после всех других.

Крепко жму Вашу руку. Мне все-таки не верится, что Вам 70 лет. Вы хорошо сказали как-то: «И как мы это допустили!»

Ваш *Г. Адамович*

126. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

24 ноября 1956 г. Ницца

24 ноября 1956

Дорогой (даже очень дорогой) Георгий Викторович.

В Вашем поздравительном письме Вы сказали, что не надо отвечать Вам. Разумеется, не только надо, но более чем — особенно и потому, что Вы написали обо мне такую статью!¹ Она так лестна, что я не могу говорить о ней по существу. Но Вы легко догадываетесь, какое она мне доставила удовольствие. От души благодарю. Знаю, что Вы были и одним из инициаторов моего чествования. И мне совестно, что я благодарю Вас с таким опозданием. Но, действительно, довольно долго писал по 7–10 писем в день, да и теперь мне приходят поздравления, — так, сегодня пришло из Мюнхена от Газданова. И я нахально решил: «Георгий Викторович предлагает ему не отвечать, — отложу ответ ему до той поры, когда станет легче». Так и делаю.

Татьяна Марковна тоже очень тронута Вашей статьей, письмом и вниманием. Вы давно знаете, как она Вас любит и ценит. Просит очень-очень благодарить.

В предпоследнем Вашем письме Вы много говорили о Блоке — по поводу того, что Сабанееву и мне говорил Маковский. Вчера появилась вторая статья Маковского о Блоке, — по-видимому, последняя². Он в печати смягчил то, что говорил в кафе «Моцарт», но все-таки статья вышла жестокая и, на мой взгляд, кое в чем «неотразимая». Вы приводили слова Гумилева о «достойном Байрона царственном безумии». Маковский приводит из того же Гумилева другие слова о Блоке: «Превосходнейший человек, но в поэзии мало смыслит»³. Вероятно, дело идет о *разных* периодах? Я не знаю, что такое «царственное безумие» и у кого оно в самом деле было. Думаю, что у Байрона его не было, — ни царственного, ни обыкновенного. У него был *необыкновенный ум*, чувствующийся и в его письмах, в каждом слове, как у Пушкина, даже еще больше, чем у Пушкина. Люди часто *стараются* писать блестящие письма, зачем-то в них много острят. Байрон, по-видимому, и не старался: лился естественный поток. У Блока этого не было и в помине: лилось нечто совершенно иное, — и в письмах, и в статьях. И я уверен, что Вы, как я, с тягостным чувством прочли у Маковского цитаты с лучезарным взором, пронзающим, как меч, все миры с плеромами и с цветом, «который мне легче (?) назвать пурпурно-лиловым»⁴. Вероятно, Вольский в Париже прочел эти цитаты без тягостного чувства. Уж очень похож *его* Блок на то, что сказано в статье Маковского⁵. И ведь Вы не можете тут сослаться на то, что не меньшевистскому публицисту судить о великом поэте. Не нашел бы такого Вольский у Байрона, Пушкина или Гете. Ум все-таки бесполезен великим поэтам, и дело не в эпохе и не в среде. Бунин был современником Блока и *мог бы* выбрать ту же среду. Это было даже очень легко. Вот на Вас же приблизительно та же среда *ни мало* не отразилась. Давайте сговоримся на том, что Блок был *очень талантливый* поэт и довольно ограниченный, малокультурный человек с «красноватым углем проро-

ка»?⁶ (Хотя что же он предсказал?) Знаю, что Вы не согласитесь и еще выругаете меня крепкими словами.

Нового у нас ничего. В день моего рожденья действительно пошли вдвоем в кинематограф.

От нечего делать (ответы на письма — не дело) прочел взятые у генерала романы Ольги Форш. Узнал из них многое: Достоевского в ее время (ведь ей, кажется, 250 лет?) называли Достоевским, т. е. произносили фамилию с ударением на втором слого. Едва ли это верно, — сужу по стиху Тургенева: «Достоевский юный пыщ»⁷. Кант два раза в неделю занимался онанизмом и записывал это в книжечку. Тоже едва ли верно, — нигде отроду я об этом не читал. Больше нового ничего не узнал.

Оба шлем Вам самый сердечный привет, самые лучшие наши пожелания. И еще раз спасибо за все (кроме гипотетических крепких слов).

¹ Имеется в виду статья Адамовича к 70-летию Алданова, появившаяся в юбилейном номере «Нового русского слова»: Адамович Г. Поклон М.А. Алданову // Новое русское слово. 1956. 4 нояб. С. 3.

² См. примеч. 6 к письму 124 наст. публ.

³ По всей видимости, устное высказывание Гумилева.

⁴ Отвечая на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма», Блок 26 марта 1910 г. прочитал доклад, текст которого был опубликован под названием «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 21–30). Маковский и Алданов приводят цитаты из этой статьи: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти слова. Вместе с тем они начинают окрашиваться (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно). Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и пронзает сердце теурга».

⁵ Н.В. Валентинов-Вольский предлагал «Новому журналу», в котором ранее была опубликована его статья об А. Белом, статью «Чревоещатель невнятиц», в которой А.А. Блок представал лживым, циничным и извращенным пьяницей. М.М. Карпович отказался ее напечатать, и Н.В. Валентинов-Вольский опубликовал сокращенный вариант статьи в газете (Новое русское слово. 1961. 4 июня. № 17618. С. 2; 5 июня. № 17619. С. 2, 3; 6 июня. № 17620. С. 2, 3), а в полном виде включил отдельной главой в свою книгу «Два года с символистами» (Stanford: Stanford University Press, 1969. С. 71–87).

⁶ Алданов имеет в виду строки А.А. Блока «Я безумец! Мне в сердце вонзили / Красноватый уголь пророка!» из стихотворения «Ночная» («Спи. Да будет твой сон спокоен...») (1904).

⁷ Из эпиграммы И.С. Тургенева и Н.А. Некрасова «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») (1846).

127. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

29 ноября 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/XI-56

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за письмо. Я знал, что Вы мне напишете, но не ждал письма раньше, чем через месяц. А получил его раньше.

Водов пишет, что Вы довольны его стараниями, а он доволен тем, что Вы довольны. По-моему, в самом деле *présentation* была недурна и все вышло довольно торжественно, даже, пожалуй, лучше, чем в «Н<овом> р<усском> слове»¹. Он (Водов) в Вас безнадежно влюблен, а Вы не платите ему взаимностью.

Но от него же (вчера) я получил известие, что Вы нездоровы. Что это? Верно или нет? Он пишет, что Вы должны были быть в Париже, но поездку отложили.

Относительно Блока: мы с Вами так часто о нем говорили, что я мог бы только повторить то же самое. «On mordra dans du granit»². Вы пишете: «Согласимся, что он был очень талантливым поэтом». Он был единственным и, как выражается о себе Буров, «неповторимым» поэтом, а талантливых — хоть пруд пруди. Должен признаться (между нами), что статью Маковского я не дочитал, не мог: от скуки и раздражения. Он говорит авторитетным тоном самые обыкновенные *platitudes*³ (и пустяки — вроде «у вечности в руках» вместо «на руках»⁴). А о Гумилеве, т. е. что Гумилев считал, что «Блок в поэзии мало смылит», — совершенно верно. Гумилев это не раз говорил, отчасти из-за того, что Блок не любил его стихов. Но что Блок — плохой поэт, Гумилев не говорил никогда. Он, наоборот, подчеркивал свое преклонение, но — кажется, я уже Вам писал это, — любил, чтобы ему возражали. Гумилев всегда хотел быть «властителем дум» и ревновал к Блоку, который им был в самом деле. Я думаю, *roug en finir*⁵, что теперь начать любить Блока человеку, который не любил его прежде, действительно невозможно. Слишком поздно (немножко как с Вагнером⁶). Но кто любил его «первой любовью», никогда его не разлюбит, *р<отому>* что слишком многое с ним в душе связано. Уверяю Вас, что ту статью о «лиловых мирах» и прочем в «Аполлоне», которую вспоминает Маковский, я знаю местами наизусть. Это может быть бредом, — не знаю, — но не было ложью и притворством.

Достоевский. Ольга Форш совершенно права. Мой отец был ненамного моложе Д<остоевского> и даже однажды был у него, для подписки на «Дневник писателя». Он всегда говорил Достоевский, и в детстве я другого произношения не знал. Вероятно, произносили и так, и так, — но произношение с ударением на о было распространено. А вот насчет Канты и его развлечений — не знал. Ничего невероятного, — кроме записи в книжечку — в этом нет, и если бы все (всё) люди всё обо всех знали, сюрпризов было бы без конца. Может быть, и лучше, что не знают.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и поблагодарите ее за добрые слова, Вами переданные. Я недели через 2–2½ собираюсь быть в Париже. Может быть, приедете и Вы?

Ваш Г. Адамович

¹ Речь идет о номерах «Русской мысли» и «Нового русского слова» с подборками статей к юбилею Алданова.

² «Сломают зубы о гранит» (*фр.*). Адамович приводит окончание фразы, произнесенной Наполеоном на острове Св. Елены: «La postérité ne pourra rien contre moi, on mordra sur du granit» («Потомство против меня бессильно, оно ломает зубы о гранит»).

³ пошлости (*фр.*).

⁴ Маковский придирался к строкам Блока «Ты, как младенец, спишь, Равенна, / У сонной вечности в руках» из стихотворения «Равенна» («Все, что минутно, все, что бrenно...») (1909).

⁵ чтобы закончить (*фр.*).

⁶ Несколькими годами ранее Адамович опубликовал фрагмент «Прощание с Вагнером», позже включенный в «Комментарии»: «Вагнер. Имя незаменяемое, хотя и вызывающее досаду, сомнения: свет сильный, но не вполне чистый. Волшебство, огромным усилием воли достигнутое, но без благодати. Вагнер, да, да, — нестерпимая театральщина, романтизм, почти уже выдохшийся, звуки, оказавшиеся — увы! — все же легковеснее и беднее, чем мы верили. <...> Вагнер — наша круговая порука, будто одним нам только и было понятно, о чем вспоминает Зигфрид перед смертью» (Адамович Г. Из записной книжки // Новоселье. 1947. № 33/34. С. 103).

128. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

31 декабря 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8me

31/XII-56

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие пожелания к Новому году. Надеюсь, Вы оба будете здоровы, благополучны. А dans la mesure de possible¹ всем довольны. Вчера начал читать Ваш роман, и жалею, что придется читать с большими перерывами. Начало крайне интересно. А вот «Война и мир» — фильм — привел меня в уныние и ужас². Много хуже, чем я думал, судя по отзывам³.

Крепко жму Вашу руку. До свидания, — но когда и где? Неужели до Ниццы?

Ваш Г. Адамович

---

¹ По возможности (*фр.*).

² Фильм по роману Л.Н. Толстого поставил на студии «Парамаунт» Кинг Видор в 1956 г., исполнителями главных ролей стали Генри Фонда, Одри Хепберн и Мел Феррер. Адамович вскоре опубликовал рецензию на эту экранизацию, высказав все свои претензии печатно: «Как долго, как скучно! Фильм длится три с половиной часа, однообразно, тягуче, вяло, навеивая тоску и дремоту. <...> Одри Хепборн мила, но не более того. <...> Попадают эпизоды остроумные и удачные. Но банальщины и безвкусыя неизмеримо больше» (Адамович Г. «Война и мир» на экране // Русская мысль. 1957. 14 февр. № 1017. С. 5).

³ Свою рецензию Адамович начал с обзора отзывов: «Фильм “Война и мир” имеет очень большой успех. Статей о нем было много, в большинстве случаев восторженных или по крайней мере одобрительных. Андре Моруа, заявив, что считает “Войну и мир”

прекраснейшим из всех когда-либо написанных романов, признался, что испытал в темном зрительном зале то же наслаждение, как и при чтении. Клод Мориак, сын знаменитого романиста, нашел, что на полотне некоторые сцены лучше, нежели у Толстого. В нашей газете была статья за подписью А. Ш. тоже чрезвычайно похвальная, хоть и с отдельными незначительными оговорками. Список можно было бы продолжить, но ясно и так: отзывы о «Войне и мире» были самые положительные» (Там же).

129. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

6 февраля 1957 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

104, Ladybarn Road

Manchester 14

6/II-57

Дорогой Марк Александрович

Как Вы живете? Как себя чувствуете? Целый век ничего о Вас не знаю (кроме сведений от Любови Александровны <Полонской>). Никогда не помню, ответил ли я на предыдущее письмо. Если нет, простите. В Париже я, вращаясь в вихре света, переписку запустил, и, может быть, я у Вас в долгу.

С великим интересом читаю «Самоубийство», по крайней мере в тех номерах, которые до меня доходят¹. Газету получает за меня Кантор и мне ее пересылает, но не всегда аккуратно. Я только теперь понял название романа — если понял верно! — и должен сказать, что общее впечатление усиливается еще тем, что в другом виде, с другими людьми и, вероятно, другой развязкой то же самое, в сущности, происходит и теперь: все к «самоубийству» неуклонно идет. Есть во всем этом какая-то «Немезида», как выражались au bon vieux temps², и 21-го века, м. б., в самом деле не будет! Мне чрезвычайно понравилась глава о Морозове, и еще — о Муссолини. Но и все другое замечательно, жаль только, что читать приходится с перерывами и пропусками. Мне всегда неловко говорить авторам, — не всем, конечно, а таким, как Вы, — приятные слова. Во всяком «комплименте» есть что-то не совсем вежливое, но, надеюсь, — Вы примете то, что я пишу, как должно. (Кстати, по поводу слов вообще и внутреннего значения всякого стиля: читали ли Вы — наверно читали — в «Н<овом> р<усском> с<лове>» письма Бунина Толстому?³ И обратили внимание на фразу: «когда можно к Вам завернуть, Лев Ник<олаевич>?»⁴ Меня это «завернуть» ужасно резнуло. Бунину тогда было 20 лет, но таким, каким мы его знали, он наверно «завернуть» Толстому бы не написал!)

Я сейчас вожусь с Конст<антином> Леонтьевым. Замечательный был писатель все-таки, хотя и не романист совсем. И знаете, оказалось, что в новой большой Сов<етской> энциклопедии нет даже его имени⁵. Есть три каких-то Леонтьева, а этого нет! Incroyable⁶.

Как Вам понравилась статья Карповича о Вас?⁷ Он всегда пишет интересно, но как-то уклончиво, в противоположность Ульянову, который уж очень подо-

зрительно «блестящ». Говорят, Карпович считает его заместителем Федотова, но Федотов был лучше, хотя тоже грешил иногда «блеском». Обратите внимание в «Н<овом> ж<урнале>» на стихи Madame Горской о душе и духе⁸. Они украсили бы любой «Будильник» или «Сатирикон». Как они могут такое у себя печатать!

У Вас, наверно, весна, а здесь мгла и мрак, по-прежнему. Кланяйтесь, пожалуйста, сердечно Татьяне Марковне. Ваш племянник Ляля делает карьеру в известных Вам кругах и состоит там общим любимцем, «нашей сменой» и надеждой⁹.

До свидания, дорогой Марк Александрович.

Ваш Г. Адамович

¹ Роман Алданова «Самоубийство» печатался в «Новом русском слове» с 11 декабря 1956 г. по 2 мая 1957 г. (№ 15872–16014).

² в старые добрые времена (фр.).

³ Публикация не выявлена. В библиографии публикаций бунинского эпистолярия она не значится. (См.: Письма И.А. Бунина и его корреспондентов: Библиография. 1896–1997 годы / Сост. С.Н. Морозов // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 197–213.)

⁴ Не вполне точная цитата из письма И.А. Бунина Л.Н. Толстому от 12 июня 1890 г. У Бунина: «Напишите же, глубокоуважаемый Лев Николаевич, могу ли завернуть к Вам и когда?» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2003. С. 31).

⁵ Вскоре Адамович посвятил этому отдельную статью: Адамович Г. Мракобесие // Новое русское слово. 1957. 19 мая. № 16031. С. 8.

⁶ Невероятно (фр.).

⁷ Карпович М. Комментарии: Алданов и история // Новый журнал. 1956. № 47. С. 255–260.

⁸ Адамович имеет в виду стихотворение Антонины Алексеевны Горской (урожд. Подерни, по мужу Гривцова; 1893–1972) «Душа смиренна. Дух мятежен...» (Новый журнал. 1956. № 47. С. 107).

⁹ Речь идет о масонских собраниях. Александр Яковлевич Полонский (1925–1990) был посвящен в масоны в ложе «Юпитер» 20 октября 1955 г. (среди проводивших опрос был Адамович), через год возведен во вторую степень, а еще через год в третью, позже был помощником эксперта, помощником секретаря. Подробнее см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 654, 1176, 1203.

130. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1957 г. Ницца

13 февраля 1957

Дорогой Георгий Викторович.

Пожалуйста, простите, что отвечаю на Ваше столь милое, очень меня радовавшее письмо с небольшим опозданием. Вы, верно, знаете, что во Франции какая-то странная почтовая забастовка, переходящая из одного города в другой, в Ницце она продолжалась два дня и, как на беду, как раз в такое время, когда надо было писать по срочным делам.

Мы очень расстроены. Вам, верно, известно уже, что Веру Алексеевну Зайцеву¹, жену Бориса Константиновича, разбил удар, отнялась вся правая часть тела, потеряна способность речи. К ней никого не пускают. Что может случиться с человеком хуже, если не какой-нибудь рак! Даже нельзя желать «выздоровления».

Сердечно благодарю за то, что Вы пишете о «Самоубийстве». Прежде для меня имело самое большое значение мнение Ивана Алексеевича, а потом Ваше. Теперь Ваше для меня важнее всех других. Роман печатается без авторской корректуры в очень плохом виде, но я знал, что иду на это, и поступить иначе не мог. В «Новом журнале» мне присылали бы корректуру и выходило бы в этом отношении хорошо, однако там роман растянулся бы на три года. Разве я могу столько ждать! Ошибки, перестановки, пропуски, все это можно было бы исправить в отдельном издании, да его никогда не будет. Кажется, Вы тоже, как Сабанеев, говорили, что природа пустоты не терпит, что вместо Чеховского издательства должно создать-ся другое? Где оно?

Вы справедливо ругаете стихи поэтессы «Нового журнала». Эпиграф, кажется, из Бердяева! Если было что-то уж совершенно Бердяеву чуждое, то, верно, поэзия и литература вообще. А все-таки непонятно мне, почему в упадке эмигрантская поэзия? Беда эмигрантской прозы в значительной мере в том, что ее сюжеты не могут быть интересны (или уж это так с художественной прозой вышло). Вот Иванников талантливо пишет, но почему такой ничтожный и противный сюжет?² Дело, конечно, не в «отрицательных типах», — Вы, наверное, и не думаете, что я имею в виду *это*, — а в том, что сюжет именно ничтожен и не интересен. К поэзии же это относиться не может. Да и общая материальная бедность у поэтов давит меньше, хотя и давит. Впрочем, долго об этом говорить, в письме выходит и непонятно.

Вы говорите о стиле письма Бунина к Толстому. Первый я этого не сказал бы, но теперь каюсь; меня тоже чрезвычайно резнули и отдельное слово, и весь тон его обращения к Толстому (начиная со слова «многоуважаемый»). Неужели Иван Алексеевич тогда был другой?! Кстати, письма И<вана> А<лексеевича> напечатаны в «Н<овом> р<усском> слове» не целиком.

Согласен с Вами относительно Константина Леонтьева, я о нем писал в «Ульмской ночи» как об очень выдающемся писателе. Отдельные мысли в особенностях у него часто бывали удивительные. От Сов<етской> энциклопедии у меня было впечатление, что твердой «литературной политики» у них не установилось, — по крайней мере, в отношении прошлого. Иногда цитировали и даже хвалили «реакционеров», чаще замалчивали, как Леонтьева.

Погода у нас действительно прекрасная, но настроение у меня и у Т<атьяны> М<арковны> никак не весеннее. Иногда становится совсем худо. Ах, как жаль, как жаль (говорю с полнейшей искренностью, «сто процентной»), что Вы не живете в Ницце: так хотелось бы с Вами поговорить «обо всем». Кстати, не так давно, хотя Масляная еще не наступила, мы с Масловским и Сабанеевым (они для поднятия настроения пили водку) ели блины у Ретинского³, и Леонид Леонидович, со слов госпожи Шимкевич⁴, сообщил, что Вы приедете в Ниццу на Пасху! Верно ли это?

Шлем Вам оба самый сердечный, дружественный привет, лучшие наши пожелания. Не забывайте, очень прошу.

Не знал, что Ляля считается у масонов «нашей сменой и надеждой». Кто это Вам говорил?

---

¹ *Зайцева* Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1878–1965) — жена Б. К. Зайцева с 1912 г.

² *Иванников* М. Заговор // Новый журнал. 1956. № 46. С. 5–24.

³ *Ретинский* (Ратинский) Павел Петрович (1896–1970) — предприниматель, меценат, после революции в эмиграции в Ницце, хозяин магазина и ресторана «Рысак».

⁴ Неустановленное лицо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г.В. АДАМОВИЧ — Т.М. АЛДАНОВОЙ

23 февраля 1959 г. Манчестер

3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester
23/II-59

Дорогая Татьяна Марковна.

Мне хочется написать Вам несколько слов к годовщине Марка Александровича, хотя что именно написать, не знаю: Вы это поймете сами. Повторять, что в словах ничего не выразишь, как будто бы ни к чему, но ведь действительно это так! Есть люди, которых нельзя забыть, и Марк Александрович был одним из таких, очень редких людей. Я не могу сказать, что был его ближайшим другом: наверное, у него были друзья гораздо ближе меня! Но в памяти у меня остался след навсегда от наших встреч и бесед, от всего его душевного облика, даже как будто от всего, чего он по своей сдержанности не успел и не хотел сказать, о чем промолчал.

Вы, наверно, будете в один из ближайших дней на кладбище. Пожалуйста, положите на могилу М.А. какой-нибудь, самый маленький цветок от меня. Это — не сентиментальность, не условность, это — то, что мне сейчас хотелось бы сделать самому.

Ваш *Г. Адамович*